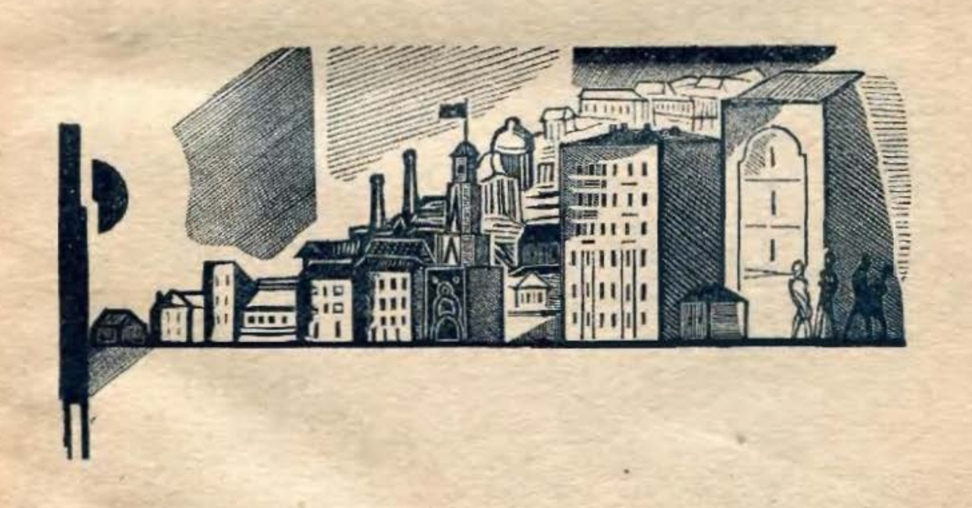
ВЕСТНИК ЖИЗНИ

1919

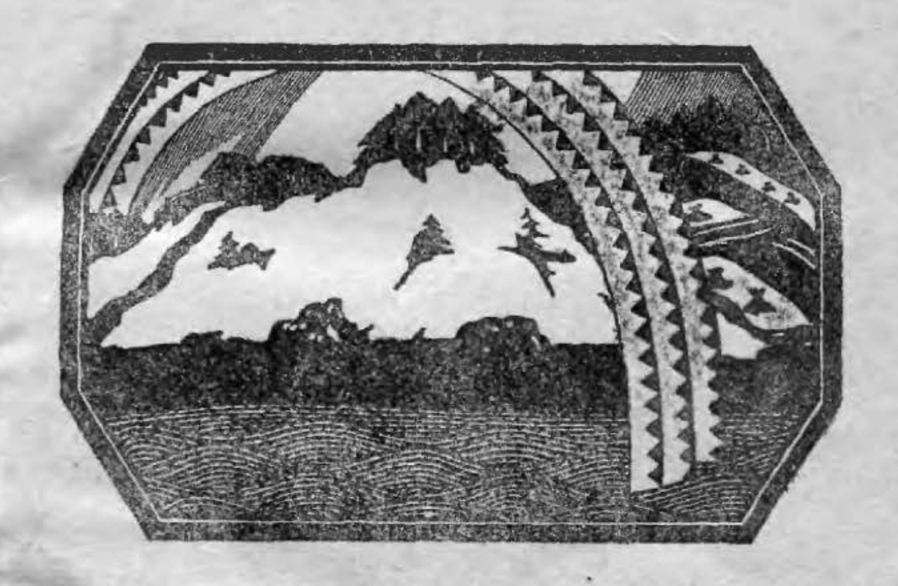
N 3-4

ИЗД.
В·Ц·И·К
Р·С·Ф·С·Р
МОСКВА

ВФ

ВЕСТНИК ЖИЗНИ

1919 г. № 3-4.

Георгий

Пожидаев

ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВЕННОСТЬ НАУКА

Германский империализм.

I. Внешняя политика Германии в эпоху Бисмарка.

Германия эпохи Бисмарка не была империалистической державой. Бисмарк был юнкером, консерватором, милитаристом, шовинистом, чем угодно, но он не был «империалистом» в современном смысле этого слова. Главную цель германской завоевательной политики Бисмарк видел в создании германского **национального** единства, под главенством короля прусского. Когда эта цель—создание могущественной объединенной Германии под главенством Пруссии — была достигнута, Бисмарк считал, что теперь остается только стремиться к сохранению завоеванного Германией положения и защищать этот status quo. «Я скучаю,— говорил Бисмарк после франко-прусской войны одному другу,—**все великие дела совершены.** Империя создана, она признана и уважаема всеми народами».

О мировой «политике и гегемонии» Германии на всех морях и континентах Бисмарк и не мечтал. «Ich war kein Kolonial», «Я не был сторонником колониальной политики»—характеризовал сам экс-канцлер свою колониальную политику. Он считал колонии совершенно ненужными для Германии и говорил в 1871 г.: «Нам, немцам, не нужны колонии; имея их, мы будем похожи на тех польских вельмож, которые щеголяют в горностаевых шубах, не имея под ними даже рубашки».

Считая приобретение колоний вредным для Германии, Бисмарк зато усиленно толкал «наследственного врага» Германии—Францию на путь колониальной политики.

Таким образом, политика Германии Бисмарка была диаметрально противоположна политике его преемников, канцлеров Вильгельма II. Германия Бисмарка помогла Франции овладеть Тунисом, Германия Вильгельма II— угрожала Франции войной из-за Марокко.

Войны 1866 и 1871 гг., в которых Бисмарк играл такую выдающуюся и руководящую роль, были исключительно войнами **национальными**, имевшими прежде всего целью создание большого национального германского тела под главенством Пруссии. Известно, как боролся Бисмарк после победы при Садовой против мегаломанских планов короля и военной партии, требовавших продолжения войны с целью окончательного разгрома Австрии и достижения более выгодных условий мира по сравнению с предложенными венским кабинетом. Сильное впечатление на читателя производят те страницы мемуаров, где железный канцлер описывает свою борьбу с военщиной против продолжения войны с Австрией. Вот как рассказывает он об историческом военном совете 23 июля 1866 г.

«23-го июля состоялся под председательством короля военный совет, на котором должно было быть решено, заключить ли мир или продолжать войну. Вследствие моей болезни, сопровождавшейся сильными страданиями, совещание пришлось устроить в моей

комнате. Я был на нем единственным штатским в мундире. Я высказал свое убеждение, что мир должен быть заключен на предложенных Австрией условиях, но остался в одиночестве. Король присоединился к военному большинству. Мои нервы не выдержали напряженных волнений, в которых проходили дни и ночи; **я молча встал, вышел в смежную спальню и там судорожно разрыдался.** Я слышал в это время, что в соседней комнате был прерван военный совет». [1]) (Курсив наш. М. П.).

Целая пропасть отделяет эпоху Бисмарка от нашей. Какой контраст во взглядах на внешнюю политику между железным канцлером и его современными нам преемниками, отзывающимися порой с парламентской трибуны о первом канцлере, как о гениальнейшем дипломате, какого только знала Европа, но все же преследующими совершенно иную политику, чем их великий учитель. Каким же движением, лихорадочным, глубоким и энергичным должен отличаться исторический процесс, чтобы на пространстве нескольких десятилетий создать два таких контраста, столь характерных каждый для своей эпохи, как Бисмарк и, скажем, Бетман Гольвег. Суровый, отнюдь не склонный к сантиментализму, немецкий помещик, представитель политики «крови и железа» плакал в истерическом припадке только из-за того, что «узколобая» военщина в своей жадности и недальновидности хотела перейти через границы, необходимые для создания сильного национального германского тела; теперешние преемники первого канцлера готовы разрыдаться при одной мысли о том, что им не удастся присоединить к Германии всю Бельгию, Литву, Курляндию, часть русской Польши, наконец, под тем или иным соусом, союзную Австро-Венгрию, не говоря уже о Малой Азии, африканских владениях и т. д.

В 1866 г. Бисмарк добился своего и заставил короля согласиться на мир на предложенных побежденной Австрией условиях. И Бисмарк сам вскрывает нам в своих мемуарах сущность своей внешней политики. Когда король доказывал Бисмарку, что «нельзя же оставить главного виновника безнаказанным», и продолжал настаивать на необходимости добиться новых территориальных уступок со стороны Австрии, именно, австрийской Силезии и части Чехии, Бисмарк возразил:

— Мы призваны вовсе не суд вершить, а **германскую** политику; конкурирование с нами Австрии не преступнее, чем наше конкуррирование с нею; наши задачи — **создать или положить начало образованию германского национального единства под предводительством короля прусского.** [1])

Здесь profession de foi всей внешней политики Бисмарка. Война 1871 г. возникла благодаря тому, что Франция Наполеона III не желала допустить создания германского национального единства, слияния южных германских государств с северо-германскими в одно единое целое. Маркс справедливо смотрел на войну 1870—1871 гг., как на одну из последних больших национальных войн в Европе, заканчивающую эпоху национальных войн и приведшую, наконец, к осуществлению **национальных** задач 1848 г., именно к национальной консолидации больших европейских государств. Эпоха 1848—1871 гг. привела к образованию больших национальных тел—Италии, Венгрии, Германии, рамки которых были достаточно широки и просторны для дальнейшего развития производительных сил, для дальнейшего роста капитализма.

Изучая основные черты внешней политики Бисмарка, его отношение к России, к балканскому вопросу, к колониальным захватам и т. д., нельзя не согласиться с немецким профессором Люквальдом, писавшим во время войны в журнале «Grensboten». что если бы теперь явился Бисмарк, он менее всего удовлетворил бы тех, кто ныне клянется Бисмарком и призывает его имя всуе. «Беранже в одном стихотворении — говорит Люквальд — противопоставляет Господа Бога некоторым Его служителям». Каждая строфа стихотворения Беранже кончается словами Гос-

---

[1]) «Gedanken und Erinnerungen» Von Otto Furst von Bismark. См. том II, стр. 43.

[1]) «Gedanken und Erinnerungen». Том II. См. стр. 46.

пода Бога: «О вашем боге я ничего не знаю. Я его не вижу у вас». Бисмарк мог бы тоже сказать, что он менее всего понимает бисмаркистов. Бисмарк в 1866 г. не разрешил воспользоваться всеми плодами победы над Австрией. Военные круги когда-то порицали и мирный договор 1871 г., а Бисмарк, возражая, говорил: «У меня такое чувство, что мы взяли больше, чем это было полезно». Бисмарк, доказывает Люквальд, смотрел благожелательно на превращение Франции в колониальное государство. Бисмарк не знал ни англофобства, ни руссофобства.

Чем же объяснить это различие между Бисмарком и его преемниками, между узкими и ограниченными задачами, которые ставил перед собой железный канцлер, этот колосс германской дипломатии, и между грандиозными, мегаломанскими планами, которыми увлекаются все эти карлики и пигмеи — Бетман - Гольвеги, Циммерманы, Бюловы и др.? Германия Бисмарка преследовала, прежде всего, «национальные» задачи, Германия Вильгельма II преследует задачи «мировые», империалистические.

Бисмарк не только мало интересовался африканским континентом или Малой Азией, на которую его преемники обратили такое внимание, сделав из Багдадского вопроса один из главных стержней, вокруг которых вращалась вся международная политика накануне войны [1]); железный канцлер не особенно горячо к сердцу принимал даже дела, столь близкого географически к Германии, Балканского полуострова. И это было вполне естественно. Раз Бисмарка не интересовали «мировые» проблемы, вопрос о гегемонии на желтом и черном континентах, в Средиземном море и т. д., Балканский полуостров, лежащий на пересечении путей из Центральной Европы в Азию, Африку, к Средиземному морю, — не мог представлять значения в глазах Бисмарка для Германии. Известна знаменитая фраза железного канцлера, произнесенная им 5-го декабря 1876 г. в рейхстаге, о том, что он не пожертвовал бы костями даже одного померанского гренадера ради Болгарии или, вообще, всего Балканского полуострова, фраза, столь часто цитировавшаяся с той поры в различных вариациях в европейской прессе. Во время переговоров о заключении Тройственного Союза с итальянским премьер-министром, бывшим радикалом и союзником Маццини и Гарибальди,—Франческа Криспи, Бисмарк, как рассказывает Криспи, категорически заявлял, что **«решение болгарского вопроса** его мало интересует», и если бы из-за этого вопроса когда-нибудь возникла война, он не принял бы в ней участия.

Более того, Бисмарк находил, что **«если бы русские пошли на Константинополь, это не имело бы особой важности.** Этим приобретением Россия обессилила бы себя».

Итак, даже после русско - турецкой войны Бисмарк ничего не имел бы не только против расширения русского влияния на Балканах, но и против утверждения России в Константинополе.

Если Бисмарк, тем не менее, становился в своей политике поперек планам России на Ближнем Востоке, делал он это крайне неохотно и лишь в угоду своим союзникам, из опасения остаться одиноким перед лицом Франции и России.

Как рассказывает Криспи в своих мемуарах (1849 — 1890), опубликованных в 1912 г. его племянником, депутатом Томмазо Паламенго Криспи и воспроизведенных в обширных выдержках во всей европейской журнальной печати [1]), он, Криспи, оспаривал взгляд Бисмарка и доказывал, что власть России в Константинополе Италия допустить не может. Это сделало бы Россию хозяином Средиземного моря, и ей легко было бы употребить в свою пользу морскую силу греков, с которыми она связана религиозными узами. Криспи совершенно не соглашался со взглядом Бисмарка, будто взятие Константинополя ослабило бы

[1]) См. об этом нашу книгу «Великие железнодорожные и морские пути». Гл. I. Багдадская дорога (Борьба за Малую Азию). Стр. 30—94.

[1]) Francesco Crispi. «I Mille». Milano. 1912; Francesco Crispi. Politica estera (1876—1890). Memorie et documenti raccolte ordinati da F. Palamenghi Crispi. Milano. 1912; Francesco Crispi. Questioni internationali. Diario e documenti ordinati da T. Palamenghi Crispi. Milano. 1913.

Россию. Наоборот, могуществу России в Европе обладание Константинополем дало бы базу, которая обеспечила бы великой империи власть над Востоком и Европой. Именно, чтобы воспрепятствовать этой страшной опасности— указывал Криспи Бисмарку — Италия будет держаться своей традиционной политики. Чтобы помешать России овладеть Константинополем, Кавур в 1854 г. принял участие в Крымской кампании, присоединившись к Франции и Англии и послав сардинские войска для принятия участия в осаде Севастополя. Иначе Италия не могла бы поступить и теперь.

«Мы, итальянцы»,—убеждал Криспи Бисмарка,—«не можем не интересоваться ближневосточным вопросом. Мы не можем позволить России пойти в Константинополь. Россия, утвердившаяся в Константинополе, сделалась бы господином на Средиземном море [1]).

Все это Криспи заносит в свой дневник с датой от 2-го октября 1887 г. (см. стр. 173—180), где он обстоятельно рассказывает о своем свидании с Бисмарком в Фридрихсруэ и о своей беседе с железным канцлером. Италия, как и Австрия, ставила определенные условия руководителю германской внешней политики. Итальянский премьер - министр не соглашался с безразличным отношением Бисмарка к вопросу о проливах, тем более, с готовностью германского канцлера чуть ли не оказать России содействие в осуществлении ее планов относительно Константинополя и всего Балканского полуострова.

О таком же отношении Бисмарка к вопросу о Константинополе свидетельствует и другой крупный европейский государственный деятель недавнего времени, именно — канцлер Гогенлое. В своих мемуарах, за датой от 21-го сентября 1886 г. Гогенлое [2]) рассказывает, что Бисмарк совершенно расходился во взглядах на балканские дела с кронпринцем. «Кронпринц высказал недавно Бисмарку свой взгляд, что хорошо было бы, если бы балканские государства сплотились против могущества России. Бисмарк не согласился с этим и сказал, что было бы счастьем, если бы Россия овладела Константинополем, так как это ослабило бы ее».

Итак, Бисмарк, по тем или другим мотивам, готов был отдать Константинополь и проливы России. Как бы то ни было, о германской гегемонии в Стамбуле и, вообще, в Оттоманской империи Бисмарк не мечтал. Мало того, с точки зрения железного канцлера, для Германии и Балканы не представляли особого интереса. Он предлагал России и Австрии столковаться относительно Балкан так, чтобы Россия подчинила своему влиянию восточную часть полуострова, а западную — признала входящей в сферу влияния Австрии. Но Австрия не согласилась на это из-за Венгрии. (См. в мемуарах Гогенлое запись от 10-го окт. 1886).

Бисмарк не брался итти с Австрией всюду и во всем. Он готов был лишь защищать Австро-Венгрию в том случае, если Россия поведет агрессивную политику и станет угрожать целости Габсбургской монархии, но в то же время он находил «необходимым сдерживать венгерских и польских фанатиков, чтобы не допустить никаких выпадов против России». Войну с Россией, в кото-

---

Первый том «Тысячи» касается героического периода эпохи об'единения Италии и рассказывает о походе Гарибальди в Сицилию и Неаполь, экспедиции, в которой Криспи играл видную роль. 2-й том посвящен внешней политике Италии за период 1877—1890 гг. и является важнейшим документом по истории Тройственного Союза. Наконец, 3-й из указанных томов касается эпохи канцлера Каприви и царствования Вильгельма II, содержит переписку Криспи о Триполитании, Бизерте, об австро-итальянских отношениях и ирредентизме, о балканском вопросе. В русской журналистике очень существенные и важные извлечения из 2-го тома писем Криспи были напечатаны в «Современном Мире» 1915 г., июнь. См. ст. «Италия и Тройственный Союз» (Из мемуаров Франческо Криспи), к которой и отсылаем интересующегося читателя. Этим же мемуарам посвящена статья Нольде «Италия в Тройственном Союзе. Из переписки Фр. Криспи» Русская Мысль. 1914. 5.

---

[1]) См. Francesco Crispi. Politica Estera. Стр. 175.

[2]) Denkwurdigkeiten des Fürsten Chlodwig 7 и Hohenlohe. Schillings fürst herausgegeben von Fr. Curtius. Stuttgart und Leipzig. 1907. 2 vol.

В русской прессе напечатана лишь незначительная часть этих мемуаров, относящаяся непосредственно к России. См. «Совр. Мир». 1915. Март. «Из мемуаров кн. Гогенлое». Перевод и предисловие А. Мовича.

рой пришлось бы поддерживать Австрию, Бисмарк считал несчастием. (См. мемуары Гогенлоэ от 27-го октября 1883). Ясно, что при такой точке зрения Бисмарк, считая необходимым, в интересах европейского равновесия и сохранения положения Германии в Европе, не допустить разгрома Австрии, отказывался в то же время отстаивать во что бы то ни стало балканские притязания двуединой империи.[1])

Бисмарк в следующих словах формулировал свою австрийскую политику:

«Германская империя не может считать своей задачей — отдавать силы и кровь своих подданных делу осуществления желаний соседа. Сохранение австро-венгерской монархии, как независимой и сильной великой державы, Германии необходимо в интересах европейского равновесия, ради которого она с чистой совестью может, в случае надобности, нарушить мир своей страны. Но от притязаний, выходящих за пределы этих гарантий, Вене следует воздержаться, так как союз был заключен не ради удовлетворения таких притязаний» [2]).

Железный канцлер не желал войны с Россией и стремился всеми силами остаться в добрых отношениях с могучей славянской империей, чтобы не толкнуть последнюю в объятия Англии. Бисмарк предвидел возможность англо-русского соглашения в случае обострения отношений между Германией и Россией.

Такую же позицию занял Бисмарк в 1890 г., в начале царствования Вильгельма II, и эта позиция послужила важнейшей причиной падения Бисмарка. Тогда уже существовал союз с Австро-Венгрией, но было еще в силе так-называемое «страховое соглашение» между Россией и Германией, обеспечивавшее каждой из этих стран доброжелательный нейтралитет другой, в случае нападения третьей державы.

Чем объяснить всю эту политику Бисмарка? В эпоху железного канцлера Германия представляла собой чисто континентальную, почти исключительно европейскую державу. Ни в Турции, ни на Дальнем Востоке, ни на Балканах у нее не было каких-либо серьезных интересов. Никакой самостоятельной турецкой, балканской или африканской политики у Германии того периода не было. Бисмарк после войны 1871 г. сделался международным консерватором, и единственная его цель заключалась в сохранении status quo. Во имя сохранения этого status quo он вступил в союз с Австрией, затем с Италией. Бисмарк, желая сохранить дружбу с Россией, боялся союза последней с Францией, опасаясь, что заключение такого союза может поколебать европейское равновесие. Чтобы не остаться в изолированном положении, Бисмарк и заключил союз с Австрией. Вот как Гогенлоэ в своих мемуарах, в заметке от 22-го сентября 1879 г. объясняет необходимость этого союза:

«Россия озлоблена против Австрии. Австрия расстраивает ее планы на Востоке. Чтобы осуществить эти планы, Россия должна объявить ей войну; тогда она запросит нас, как мы поступим. Если мы, в интересах России, сохраним нейтралитет, Австрия заключит союз с Францией и Англией, и мы с Россией останемся против них. Если мы сейчас ничего не предпримем, Австрия, может-быть, войдет в соглашение с Россией, и, если Франция будет тогда достаточно сильна, она нам объявит войну, а Россия и Австрия будут хранить неприязненный нейтралитет. Мы попадем тогда в изолированное положение, [1]) и даже можем очутиться перед коалицией Австрии, России и Франции. Если же мы свяжем Австрию договором, то Англия останется неизменно на этой стороне континентального союза, и тогда мы можем не опасаться враждебности России и Франции.

М. Павлович.

(Продолжение следует.)

---

[1]) Политика Бисмарка по отношению к Австрии прекрасно освещена в труде Эдуарда фон Вертеймера о графе Андраши. Edouard von Wertheimer. «Graf Iulius Andrassy». 2 volumes. 1910—1913 (Stuttgart).

[2]) «Gedanken und Erinnerungen». Von Otto Fürst von Bismarc. Stuttgart. 1898. См. том II, стр. 253.

[1]) Memoires du prince Clovis de Hohenlohe. Paris. 1909. Vol. III. См. стр. 32—33.

Империализм и пролетариат.

§ 1. Общая опасность империализма.

Мировой империализм представляет из себя рогатину, одно острие которой направлено против закрепощенного населения колоний, другое—против социально порабощенного пролетариата Европы.

В самом деле, империализм создает тот железный круг, по которому идет *вся политико-социальная* жизнь современных государств. Достигнув определенной ступени своего развития, **капитализм** выковывает вооруженную силу—**милитаризм**, и бурно устремляется к **империалистическим** захватам. С этого момента он начинает описывать вторую дугу, приводящую его к исходной точке: золото колоний оплодотворяет **капитализм**, толкает его на вторичные **империалистические** захваты, на столкновения из-за дележки добычи с соседями, что естественным путем усиливает развитие **милитаризма**.

Из этой внутренней спаянности империализма, капитализма и милитаризма вытекает та общая опасность, которая угрожает рабочим массам со стороны колониальной политики, проводимой главным образом на Востоке. Увеличение налогового бремени для покрытия совершенно непроизводительных колониальных расходов, чудовищный рост армий, а, в связи с ним, и государственного принуждения, усиление эксплуатации рабочего населения, вообще, **фактическая диктатура** промышленно - финансовой буржуазии —таковы неизбежные, ядовитые плоды мирового империализма. Последняя общая опасность, которую влечет за собой империализм на Востоке, заключается в тех неизбежных мировых конфликтах, которые сопутствуют ему. Рабочие массы во время этих вооруженных столкновений, разыгрывающихся от Питта и до наших дней на почве Европы, должны играть роль пушечного мяса, приносимого в жертву для обеспечения интересов акционеров Багдадской железной дороги или одесских мучных королей.

§ 2. Выкачивание золота, рабочей и военной силы.

Кроме этих общих грозных результатов империалистской политики, существуют и иные специфические опасности, угрожающие с ее стороны рабочему делу.

Империализм в культурных странах, т.-е., главным образом, в монархиях Востока, играет роль всасывающей банки, приставленной к ним для «оттягивания» золота в Европу. Совершенно несомненно, что империализм, в особенности на первых порах, вызывает сильнейшее оживление в промышленности и в торговле, благодаря открытию новых потребляющих рынков. Буржуазия, при помощи его, заинтересовывает широкие круги населения в своих заморских предприятиях.

Не меньшее значение, нежели в качестве рынков, имеют колонии, как новые, часто крайне выгодные, места для переселения обездоленного крестьянства или безработного пролетариата. Именно, на приобретениях колоний был основан огромный рост европейской эмиграции в прошедшем столетии. Если мы примем во внимание, что эмигрантами становятся наиболее смелые, предприимчивые люди, для нас станет ясным, что империализм создает огромную отдушину, через которую выходит наружу и рассеивается чрезмерно сгустившаяся энергия европейского пролетариата.

Оживление промышленности и торговли, а также новые возможности для отечественной эмиграции, создают империализму огромное число сторонников среди рабочих масс Европы, что способствует временному затемнению рабочего классового сознания и тем на-

носит сильный ущерб делу мирового социализма.

Вторая опасность именно восточного империализма заключается в том, что он обеспечивает в Азии огромный резерв рабочей силы, поступающий в монопольное пользование европейского капитализма. Благодаря бурному процессу пролетаризации населения больших государств Востока, они становятся миллионными резервуарами свободной рабочей силы, необычайно дешевой, в силу своей многочисленности, и чрезвычайно мало притязательной, благодаря низкому уровню своих культурных потребностей.

Европейцы, конечно, давно обратили внимание на этот резервуар, и сотнями тысяч вывозят китайских и японских кули и индийских шудр на плантации тихоокеанских островов, в тропические области Америки (Гвиана), а также на южно-африканские золотые копи.

Эти несчастные рабочие, употребляемые исключительно для самых тяжелых, изнурительных работ, конечно, сильнейшим образом сбивают заработную плату, удлиняют рабочий день и понижают общие условия труда.

Вполне понятно, психологически, что это ухудшение условий труда заставляет многих белых рабочих относиться чрезвычайно враждебно и презрительно к восточным эмигрантам. Они начинают протестовать против их массового переселения на территорию Европы или Америки; услужливая капиталистическая пресса, пользуясь этим, начинает раздувать «расовую» ненависть и отвращение к пришельцам и науськивать белых рабочих на цветных.

Дело заходит здесь так далеко, что случаются форменные погромы желтых рабочих, бойкот их, и т. п., и т. п., что вызывает даже международные осложнения.

Второй опасностью, причиняемой империализмом рабочему делу, является, таким образом, затемнение идеи трудового интернационала и искусственное выращивание национальной вражды и расовой обособленности.

Не ограничиваясь чисто финансовой и рабочей эксплоатацией Востока, западный империализм видит в нем также огромный военный резерв, откуда он без устали извлекает новые и новые войска для своих кампаний, как европейских, так и колониальных. Военная эксплуатация Востока началась уже давно. Англия, в начале прошлого столетия составившая из воинственных горных племен Индостана регулярную армию сипаев, использовала ее для всех своих завоеваний на двух материках. Экспедиционные корпуса, которые совершили завоевание Судана, Южной Африки, китайских и аравийских портов, главным образом, состояли из индусов, действующих лишь под руководством английских офицеров. Это давало незаменимые преимущества Великобритании, так как европейские солдаты совершенно неспособны совершать походы в этих нездоровых тропических странах.

На тот же путь встала уже в 40-х гг. прошлого столетия и Франция, сформировавшая в Алжире отряды зуавов, спагов, а, затем, приступившая к энергичному сформированию цветных войск в Индо-Китае. Для нее эти последние имели еще больше значения, нежели для какой-либо другой державы, в виду остановки прироста народонаселения и вытекающего отсюда ослабления армейского состава.

Таким образом, колониальный Восток дает империализму огромную силу в виде великолепных армий, состоящих из природных полудиких воинов; воюя на территории Европы, совершенно чуждой им во всех отношениях, они действуют, как чисто механическая, беспощадная сила, которой дали известное разрушительное задание.

Особенно ярко сказалось значение этих цветных армий в происходящей великой войне. Если бы у Англии не было индийских войск, то она в сущности совершенно не могла бы притти на помощь к Франции и Бельгии (как известно, уже в первые же месяцы войны она перекачала 200,000 сипаев во Францию, Египет, Юго-Восточную Африку, Персидский залив и Китай).

Этот рост колониальных армий, которому не предвидится пределов, представляет очень грозное явление для будущего пролетариата. Он не только увеличивает военную силу империализма, но дает ему в руки почти бездушное орудие, которое может быть с успе-

хом применено, в случае нужды, против рабочего класса. Империализм представляет здесь прямую угрозу будущей социальной революции, и происходящее сейчас вторжение англо-индийских войск на территорию Туркестанской Советской Республики, а также оккупация цветными войсками Германии и Австро-Венгрии — достаточно доказывают, как действительна и близка эта угроза.

§ 3. Консолидация мирового империализма.

Наибольшая опасность, которая угрожает пролетариату в результате колониальных предприятий, заключается в том, что они способствуют объединению мирового империализма.

Деятельность капитала различных государств на Востоке нельзя представлять в виде одного лишь соперничества, непримиримой вражды и рождающихся отсюда столкновений. На ряду с этим, мы наблюдаем многочисленные случаи сотрудничества, работы на компаньонских началах капиталов государств, которые в политике являются непримиримыми врагами. Объясняется этот, на первый взгляд противоречивый, факт тем, что природа капитала, по существу, интернациональна, и, в поисках за нужными для его предприятий средствами, последний не знает ни друзей, ни врагов. Благодаря этому, даже в период лихорадочных вооружений, перед лицом почти неминуемого столкновения, в момент самого звонкого патриотического бряцания оружием,—французские капиталисты начинают субсидировать «Немецкий Банк», взявший на себя постройку Багдадской железной дороги. Ту же трогательную картину дружеского сотрудничества на почве хищнической эксплуатации чужого народного хозяйства мы наблюдаем на Балканах, в Египте и в других странах.

Это дружеское слияние европейских капиталов, осуществляемое империализмом, может постепенно повлечь за собой и объединение этого последнего. Так же, как европейский капитализм превращается постепенно в одно согласованное хозяйственное предприятие, заменяющее конкурренцию отдельных национальных фирм, точно также и мировой империализм постепенно стремится отлиться в форму одной общей, военно-политической организации, которая заместила бы существующие сейчас соперничающие государства.

Империализм развивает, кроме финансового, и другие формы международного сотрудничества и, в первую голову,—военную. Во время боксерского восстания в Китае международный экспедиционный корпус состоял из отрядов, посланных всеми империалистическими государствами, от Англии, России и Австрии до Соединенных Штатов и Японии включительно. Интервенция в дела России, свидетелями которой мы являемся, дает еще более трогательный пример военного сотрудничества почти всех империалистических государств мира.

Наконец, в еще большей степени элемент компаньонства выступает при всякого рода империалистических дележках, при разграничении зон влияния, определении сфер специальных интересов и т. п.

Указанные факты объединения мирового империализма представляют из себя первые шаги по пути создания международной военной, империалистической организации. Конечно, мы не находим сейчас, хотя бы в зачаточном состоянии, единой организации, а лишь мощные, колониальные группировки, небывалые империалистические союзы, вступающие в борьбу друг с другом. В происходившей империалистической бойне мы видели две такие группировки, при чем в одной из них совершенно противоестественно объединились даже, на время, государства, с органически враждебными колониальными интересами: Япония и Соединенные Штаты.

Однако, уже для всех ясно, что мы находимся накануне новой перегруппировки, новых опытов объединения мирового империализма в несколько мощных государственно - экономических трестов, основой образования которых является все та же восточно-колониальная проблема, лишь отошедшая теперь на 90 градусов долготы,—с пристаней Константинополя на берега Желтого моря.

Мы не можем здесь, даже вкратце, останавливаться на этих вопросах,

требующих специального разбора, но нельзя не отметить факта, что в то время, как Соединенные Штаты ратуют за создание лиги народов, в которую, очевидно, войдут, главным образом, западные государства (так как пятая заповедь Вильсона предусматривает сохранение владычества над колониями), Япония, в самое последнее время, также приступает к созданию уже **восточной**, «желтой лиги народов», очевидно, для противодействия первой. Токийская пресса, с этой целью, приступила к бурной агитации в пользу «пробуждения Азии», объединении Китая, Сибири и Индии вокруг Японии, которая «самим небом» призвана сохранять «Азию для азиатов».

Объединение мирового империализма на почве Востока угрожает, таким образом, близкой перспективой новых боен, новых колоссальных международных столкновений, которые опять принесут нищету и массовое уничтожение трудящегося населения всего мира.

Теперь мы можем подчеркнуть столбцы тех кровавых цифр и зловещих записей, которые внесла железная рука империализма в прошлое, настоящее и будущее мирового рабочего движения.

Если для народов Востока итог этот выражается в двух простых и страшных словах: вымирание и вырождение, то для широких трудовых масс Запада он означает: необычайную экономическую и политическую эксплоатацию их отечественным империализмом, который, как паук, насосавшийся кровью Востока, тем крепче опутывает их своей паутиной; омрачение классового сознания лживыми колониальными миражами, прививку желтого национализма и чувства расовой обособленности, угрозу социальной революции от армий равнодушных к ее судьбе наемников и, наконец, обнищание и массовое уничтожение в результате тех грандиозных мировых конфликтов, которые неизбежно возникают на почве всеусиливающегося объединения мирового империализма.

Что же остается делать порабощенным массам Запада и Востока перед лицом этих зловещих фактов и перспектив? Должны ли они терпеливо ожидать той грядущей гибели империализма, которая неизбежно наступит в результате развития, разложения и гибели капиталистического строя и будущего торжества социализма? Или они должны ждать, чтобы он рассосался и исчез с поверхности колоний, в результате их национально-экономического развития, как это имело место с Англией в Соединенных Штатах или с Испанией в Южной Африке?

Для населения колоний этого вопроса, конечно, не может существовать, так как, в случае слишком долгого ожидания, им угрожает духовное и физическое вырождение, и даже вымирание.

Но должен ли оставаться выжидающим зрителем рабочий класс, ведя борьбу с империализмом лишь у себя на родине, стремясь нанести ему смертельный удар прямо в сердце и равнодушно относясь к его периферическим центрам жизнедеятельности?

Как мы видели, империализм, подобно мифическому титану Антею, прикасаясь к благодатной почве Востока, обретает новую мощь, в изобилии черпая оттуда золото, рабочую и военную силу, а также переживая там процесс внутреннего объединения. Всю эту, накопленную им хищническим путем энергию и силу он обрушивает на рабочие массы метрополии, обращая их в пушечное мясо и увлекая за собой маревом дешевых обещаний.

Пролетариат должен покончить с этой двойной игрой. Для того, чтобы задушить империализм, он должен, прежде всего, оторвать его, как Антея, от той почвы, которая придает ему волшебные силы, т.-е. от колоний Востока. Он должен подать помощь порабощенному населению последних, революционизировать, призвать их к объединению в великий Интернационал Востока, к созданию единого фронта борьбы с мировым империализмом, который простирался бы от Сиамского залива до Темзы и от Пекина до Парижа.

Когда осаждающие пытаются взять блокируемую крепость, они, прежде всего, отрезают ее от воды. Задачей революционного рабочего класса является отрезать, отторгнуть от мирового империализма питающие его колонии.

В. Кряжин.

Что дала пролетариату национализация?

Пролетарская революция в России проходит под знаменем борьбы с капитализмом. В октябре 1917 г. власть перешла в руки пролетариата, и он использовал ее для установления своей диктатуры в области экономических отношений.

В это время общим лозунгом, объединявшим широкие массы пролетариата, был лозунг рабочего контроля над промышленностью.

Однако, контроль над промышленностью являлся лишь подготовительною и переходною ступенью в деле строительства новой экономической жизни.

В ноябре—декабре прошлого года рабочим пришлось вступить в борьбу с промышленниками, главным образом, из-за их саботажа и явного нежелания подчиняться декретам и законам пролетарского правительства.

Как наиболее действительное и сильное средство борьбы, пролетариат применил национализацию промышленных округов, отдельных предприятий, фабрик и заводов.

В это время не могло быть и речи о последовательном, экономически обоснованном и целесообразном применении национализации. Наоборот, часто национализировались предприятия, не имеющие никакого значения для промышленной жизни страны, по самым разнообразным поводам.

Потребовался значительный промежуток времени, пока пролетариат пришел к мысли о необходимости руководствоваться в практической работе экономической целесообразностью и полезностью.

Так, например, с ноября—декабря прошлого года пролетариат приступил к национализации тяжелой индустрии, т.-е. предприятий по добыче угля, руды, выплавке и переработке металлов и пр. Национализация в первую очередь предприятий Урала, правда, объяснялась случайными причинами, а именно—злостным саботажем промышленников; однако, в данном случае этот шаг был необходим и целесообразен.

Действительно, Урал является одним из самых крупных центров металлургической промышленности России, весьма богатым потенциальными запасами, позволяющими ему развить интенсивную деятельность в будущем.

Забирая в свои руки **экономическую власть,** всякое правительство должно было обратить самое серьезное внимание как раз на Урал, Кузнецкий и Донецкий бассейны, являющиеся центром добычи угля и производства металла.

Внешние обстоятельства политической жизни препятствовали этой работе; так, например, захват немцами и Скоропадским Донецкого бассейна помешал довести до конца уже начатую национализацию, охватившую такие большие предприятия, как о-во Шодуар, Нижне-Днепровский и Екатеринославский заводы, Новороссийское о-во, Русско-Бельгийское и некоторые другие.

Даже эти начальные попытки можно характеризовать, как определенный поход против крупного капитала, который мог закончиться только всеобщей национализацией Донецкого бассейна.

Обычно, национализации подвергались, прежде всего, крупные единицы, более подготовленные и имеющие большее значение для промышленной жизни.

При этом отметим, что приходилось брать предприятия в наиболее трудный для них момент при крайне остром недостатке сырья и топлива, весьма незначительной и непродуктивной их работе, обусловленной, главным образом, недостатком всевозможных продуктов и изделий, что в корне парализовало возможность интенсивной и целесообразной работы предприятий.

Кроме того, во всех предприятиях наблюдался острый недостаток денег, что было совершенно искусственно со-

здано капиталистами, стремившимися, таким образом, привести в покорность пролетарские массы. Например, горнопромышленники Урала, эти своего рода зубры промышленности, приблизительно с сентября—ноября 1917 г. перестали снабжать денежными средствами уральские заводы и округа, а это приводило к постепенной остановке предприятий и в первую очередь к прекращению заготовки топлива.

Приблизительно с сентября—ноября 1917 г. они перестали снабжать денежными средствами уральские заводы и округа, а это приводило к постепенной остановке предприятий и в первую очередь к прекращению заготовки топлива.

По своим естественным условиям Урал находится в таком положении, что заготовка топлива может совершаться исключительно только осенью и зимой, при чем вся доставка и вывоз его из леса падает на зимний санный путь. Если этот промежуток времени останется неиспользованным, всякая дальнейшая работа предприятий становится невозможной, и заводы должны остановиться почти на целый год.

Несмотря на катастрофическое положение, созданное неполучением денег в течение нескольких месяцев, уральскому пролетариату удалось много сделать для спасения горно-заводской промышленности от угрожающей ей опасности.

Быстрая, сравнительно, национализация уральской промышленности обеспечила незамедлительный переход ее в руки пролетариата и Советского правительства. Последнее постаралось, со своей стороны, снабдить Урал необходимым количеством денежных средств, и это поддержало существование заводов.

Представители уральских рабочих прибегли к героическим мерам: они задержали абсолютно все платежи, не исключая и жалованья рабочим, но усилили заготовку дров, учитывая общее экономическое положение Урала и угрозу приостановки в будущем всей металлургической промышленности из-за недостатка топлива.

Если бы эти героические меры не были применены, Урал не мог бы работать, и заводы его остановились бы еще задолго до нашествия чехо-словаков и белогвардейцев.

Представители горно-промышленников Урала, со своей стороны, упорно твердят о том, что национализация погубила налаженный хозяйственный аппарат. Это неверно, так как именно национализация дала возможность заводам просуществовать наиболее тяжелое время, путем героического самопожертвования пролетарских масс.

Национализация предприятий в других местах и отраслях промышленности способствовала тоже их сохранению, так как, в случае оставления их в руках частных предпринимателей, им грозила гибель. Так, например, национализация Униона (металлургического завода и шахт) дала возможность значительно повысить производительность труда рабочих. В результате сильно увеличилась добыча угля и выплавка металла по сравнению с периодом до национализации. Эти результаты были достигнуты только усилиями пролетариата, так как капиталисты и промышленники были бессильны что-либо предпринять для приведения своих предприятий в порядок.

Между прочим, эта мысль подтверждается также и примером Украины и Донецкого бассейна.

В настоящее время там восстановлена власть капиталистов и промышленников—сокращены заработки, удлинен рабочий день, заведена «капиталистическая дисциплина» и пр. Несмотря на все эти меры, шахты, заводы и рудники все же приходят в упадок и разваливаются, рабочие разбегаются, и предприятия постепенно замирают.

Между тем, $1^1/_2$—2-хмесячная работа национализированного Урала, как мы указывали, дала определенные положительные результаты, достигнутые единственно благодаря пролетарской трудовой дисциплине, проявленной занятыми там рабочими.

Подобных примеров можно было бы привести очень много. Например, Ликинская мануфактура Смирнова была полуразрушена ее владельцем, решившим во что бы то ни стало провести общий локаут и избавиться от нежелательных ему рабочих, попутно добившись и понижения заработков.

Ликинская мануфактура была закрыта в течение почти 2-х месяцев и пущена в ход лишь тогда, когда власть перешла в руки пролетариата, и была, по ходатайству рабочих, объявлена национализация этой мануфактуры.

Без этого акта Ликинская мануфактура продолжала бы еще долго стоять без движения, ожидая милости владельца, между тем, как национализация дала возможность тотчас же пустить ее в ход.

Работа Ликинской мануфактуры показала, насколько злостным был саботаж предпринимателей, закрывших ее под предлогом недостатка сырья и топлива. Все необходимые материалы оказались налицо и в таком количестве, что они обеспечивали ее работу в течение значительного промежутка времени. По отзывам рабочих и всех посещавших Ликинскую мануфактуру после ее национализации—работа ее, начиная с ноября, вполне наладилась. Она окупает все расходы и, кроме того, дает известный доход, распределяемый весьма рационально представителями пролетариата.

То же самое повторялось и с другими национализированными предприятиями, напр., Пло, Сормовским, Коломенским, Кулебакским, Путиловским и многими другими заводами.

В этот период времени предприниматели все поставили на карту, предполагая, что рабочим не удастся справиться с трудностями задачи, заводы будут погибать и рассыпаться,—и в результате пролетариат попросит восстановления власти капитала. Поэтому они решительно ничего не делали для поддержания своих предприятий. Угрожала гибель даже таким промышленным колоссам, как Путиловскому заводу, попавшему в крайне затруднительное положение, благодаря безшабашной политике капиталистов и акционеров.

Национализация промышленности дала возможность поддержать существование крупных и сильных заводов, отнимая их от предпринимателей и ставя их в зависимость от пролетариата.

Таким образом заводы уцелели в это наиболее трудное время. Пролетариату удалось провести демобилизацию промышленности, при чем она протекала наиболее успешно в национализированных предприятиях, во главе которых стояло рабочее управление, и менее успешно—в предприятиях, лишь контролируемых пролетариатом. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из жизни Урала и других промышленных центров, где сравнительно без труда была проведена демобилизация крупных снарядных и военных заводов.

Национализация дала возможность демобилизовать промышленность и справиться с последовавшей разрухой, с саботажем промышленников и капиталистов. Она помогла заново строить экономическую и промышленную жизнь страны.

Логическим следствием ее явилось синдицирование и трестирование однородных предприятий.

Еще задолго до пролетарской революции и в противовес ее революционным лозунгам мелко-буржуазными политиками выдвигалось синдицирование и трестирование промышленности при сохранении старых капиталистических отношений, или же при нарушении их в незначительной степени.

Впоследствии, после перехода власти к пролетариату, в декабре и январе, велись серьезные переговоры о создании знаменитого треста паровозо и вагоно-строительных заводов; но в это время взяла верх мысль о ненужности этой меры, и проект был отложен на неопределенное время.

Мысль о синдицировании и трестировании промышленности возникла в новой форме уже после первых опытов национализации, при чем в первую очередь выдвинулась та же транспортная группа, что и раньше, а именно: Сормовский, Коломенский, Кулебакинский, Выксуренский, Ташинский, Мальцовский, Брянский, Вестингауз и другие заводы.

Точно такой же характер объединения национализированных предприятий (возможного только после фактического перехода их в руки пролетариата) носит синдикат химических заводов и образование, так называемой, волжской группы их.

Это объединение охватывает десятки предприятий с весьма солидным основным капиталом, постройками, зданиями и пр. Для его образования подбира-

лись наиболее здоровые и жизнеспособные предприятия, мелкие же и слабые фабрики, которые не могли бы работать с необходимой силой и энергией, просто закрывались. Аналогичный факт имел место при синдицировании текстильных предприятий.

Ныне уже выдвигается вопрос о приостановке всех мелких, а отчасти даже средних, предприятий кожевенной промышленности при обязательном сохранении и по возможности интенсивной работе более крупных, хорошо технически оборудованных предприятий, большинство которых уже фактически национализировано

Таким образом, национализация промышленности дает возможность применить прогрессивные методы работы, отвечающие запросам технического развития и прогресса.

Наблюдаемая ныне приостановка предприятий, сужение размаха их деятельности произошли исключительно в силу политических причин, лишивших советскую Россию значительной части сырья и топлива, отрезавших ее от всех источников добычи и заставивших ее жить исключительно за счет прежних запасов.

Ни одно правительство при таких условиях не смогло бы справиться со всеми трудностями, встающими перед ним в связи с необходимостью продолжать производство.

В данной конкретной обстановке могла помочь лишь полная возможность распоряжаться всеми предприятиями, всей хозяйственной жизнью, обусловливаемая их национализацией.

Фактическая национализация была поэтому необходима для правильного руководства промышленными предприятиями, для полного их подчинения **единой воле** регулирующих органов.

Хозяйственная жизнь строится в настоящий момент следующим образом: центральные органы экономической власти—Совнархозы—должны свободно распоряжаться всей хозяйственной жизнью страны, разрабатывая производственные программы для заводов и используя последние по возможности полно и целесообразно. Так, например, Северный С. Н. Х. разработал производственные программы для металлической и бумажной промышленности, основанные на детальном и полном изучении рессурсов этих отраслей и технических возможностей производства. Установление этих программ было возможно только потому, что экономическая власть получила полную возможность распоряжаться всеми, без исключения, предприятиями области, что крайне важно в практическом строительстве.

При установлении производственных программ приходится часто жертвовать существованием некоторых предприятий для обеспечения, развития и работы более жизненных единиц. Подобные факты имели, например, место в Петербурге, где был закрыт целый ряд заводов, и их материальные рессурсы перешли к работающим жизнеспособным заводам и предприятиям.

Таким образом, национализация дает возможность овладеть всем производственным механизмом и направить его по желательному плану, исключающему капиталистическую анархию производства.

Только при осуществлении национализации и при передачи власти над предприятиями в руки пролетариата возможно регулирование промышленности, в высшей степени необходимое для обедневшей и разоренной России.

Ведь сейчас у нас уничтожено большинство запасов сырья и топлива, а также подорвана и парализована в значительной степени и возможность дальнейшей их добычи в ближайшем будущем. Благодаря этому, восстановление промышленных рессурсов крайне затруднено и возможно лишь при условии твёрдой диктатуры пролетариата.

Война завела Россию в такой тупик, из которого можно выбраться, лишь прибегая к самым энергичным мерам по отношению к классу капиталистов, лишая его права владения, национализируя промышленные предприятия, округа, фабрики и заводы.

Противоречия капитализма настолько обострились, что он не мог дольше сохраниться в России. Началась экспроприация экспроприаторов, которая не может остановиться на полпути и должна быть доведена до логического конца.

Р. Арский.

Итоги советской работы в деревне.

При подведении этих итогов надо отдельно рассмотреть вопросы: 1) новая организация управления деревни, 2) классовое расслоение деревни, 3) достигнутые результаты проведения земельной реформы.

I.

Рабоче-Крестьянскому правительству год назад досталась в наследство, прежде всего, громадная путаница среди деревенских органов управлений.

Царская организация с ее становыми, урядниками, стражниками, земскими начальниками была разрушена еще до октября прошлого года. Но разрушена—**как система;** влияние же всей перечисленной почтенной компании крестьянских «захребетников» было огромно.

Не менее огромно было влияние помещиков и кулаков, над охранением земель которых так старалось правительство Керенского-Чернова-Церетели-Авксентьева и других эсеров и меньшевиков.

В организованных кадетами и эсерами земельных комитетах были почти сплошь и рядом кулаки; там же, где земкомы состояли из трудящихся и пытались всерьез взяться за отобрание частновладельческих земель — эти земкомы сажались за решетку Керенскими и Черновыми.

Ясно, что не могла быть прочной и устойчивой такая организация управления, которую само же правительство не «пущало» на работу и «тащило» в тюрьму.

Первым же делом нового правительства было распространить боевой лозунг: «вся власть советам», и на деревню. Советам крестьянских депутатов и земельным комитетам (очищенного состава) была дана задача: организовать управление в деревне.

Первая инструкция комиссара земледелия Милютина о волостных земкомах была взята из архива 1-го Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (апрель, 1917 г.) и страдала недостаточной определенностью, неполнотой и даже уклонением в сторону пресловутой мелкой земской единицы.

В декабре второй комиссар земледелия, левый эсер Колегаев дал уже лучшую инструкцию об организации волостных земкомов. Здесь была определенная система, были предусмотрены по возможности все подробности предстоявшей земельной реформы. Но основным недостатком этой инструкции по организации деревни было то, что главный орган деревни, исполняющий главную работу—земком — был совершенно **самостоятелен, независим от совета депутатов и его исполкома.**

Эта ошибка была исправлена в январе—феврале. Основной закон о земле говорил уже, что органом земельной (главной для деревни) реформы является не земельный комитет, а **земельный отдел** совета депутатов.

Управление, т. о., упрощалось, концентрировалось все в одном едином органе: Исполком и его отделы.

Немедленно за принятием основного закона, Комиссариат Земледелия дал соответствующие распоряжения на места о перестройке земкомов в земотделы.

Советская конституция (принятая 5-м Съездом Советов в июле) окончательно узаконила и подробно оформила новую организацию управления деревни.

Но, выработав формы, надо было влить в них и соответствующее содержание.

Дело в том, что деревня значительно отстала от города. Деревня переживала свой октябрь с очень значительным опозданием.

Пожалуй, только к лету перед крестьянскими массами стали те же вопросы борьбы с буржуазией, которые про-

летариат городов разрешил гораздо раньше.

Деревня сдвинулась с места сразу, с октября; весной она «сдвинула с места» помещиков, вдребезги разбила их сопротивление. Но во 1-х, это было вовсе не везде; есть места, где помещики и до сих пор благополучно владеют «своими» землями и кладут в карман барыши; во 2-х, даже прогнавши помещиков, забрав их земли,—деревня еще не совсем освободилась от боязни: «а ну-ка вернется барин?»; и в 3-х, освободиться от помещика, забрать его землю было сравнительно легкой задачей; а вот победить сотни тысяч «маленьких помещиков», кулаков, вплотную взяться за борьбу с многочисленным и сильным врагом—было несравненно труднее.

II.

Против помещика шла, обыкновенно, вся деревня. И часто кулаки вели ее. Так было и в революцию 1905—06 гг.; тоже наблюдалось и теперь.

Кулаки знали, что при переделе, при дележке помещичьей земли и имущества они сумеют получить больше других.

Против помещиков шла, повторяю, вся деревня. Но далеко не вся шла—и могла пойти — против кулака, против своей сельской буржуазии.

Крестьянин середняк, зажиточный «справный» хозяин сам охотно тянул в сторону кулаков. Они были ему близки, часто ближе, чем деревенская беднота, голытьба, «бесштанники».

Но даже не будучи враждебен бедноте, средний крестьянин, получив землю, не имел непосредственных, жгучих, злободневных поводов к инициативной борьбе против кулаков. Такой крестьянин охотно соглашался с доводами против кулаков, но перейти от слов к делу, приложить усилия для искоренения кулачества—он долго не мог.

Деревня, даже победив помещика, долгое время после октября, оставалась сравнительно однородной, если не по своему составу, то по своим настроениям, переживаниям, мыслям.

Этим легко пользовались кулаки, которые (в качестве умных людей) хорошо раньше других поняли, что значит иметь управление в своих руках.

В результате даже к лету текущего года мы имели поразительный контраст между городом и деревней. В городе, как в большом котле, кипела могучая острая классовая борьба пролетариата с буржуазией, а в сельских и волостных советах—сплошь и рядом—царили кулаки, сельская буржуазия, бывшие урядники, стражники, лавочники; а попы, во всяком случае, играли (извне) значительную руководящую роль.

Стало ясно, что надо перенести больше внимания на отставшую деревню, надо было внести классовую борьбу в деревню.

При описанном кулацком составе многих деревенских советов, при указанных настроениях всей массы среднего крестьянства — советская власть могла опереться в деревне в первую голову на бедноту. Наиболее пострадавшая от власти помещиков, кулаков и голода (и наименее получившая от закона о земле) деревенская беднота — сельские пролетарские и полупролетарские слои—только они и могли стать в центре борьбы с сельской буржуазией, только они и могли явиться застрельщиками, инициаторами этой борьбы.

По мысли декрета о создании комитетов деревенской бедноты, они должны были спаять вокруг себя, привлечь, перетянуть на свою сторону средних крестьян в самом остром, самом больном вопросе—о продовольствии.

И сначала комбедам именно такие по преимуществу функции и были поручены. Но жизнь очень скоро заставила их от вопросов распределения продовольствия переходить ко всем остальным, фактически захватывая власть в свои руки там, где широко развертывалась борьба с кулаками.

А эту борьбу комбеды начали. При всех неизбежных для первых шагов пробуждающегося отсталого класса ошибках, шатаниях, перегибаниях палки в одну сторону — все же комбеды сделали свое дело, т.-е. внесли классовую борьбу в деревню и дали необходимый толчок развитию самосознания полупролетарских слоев.

В этом и было все дело. Конечно, «все дело»—для начала только. Трудно было поднять, двинуть, раскачать, на-

поправить отставшие слои, трудны были и первые шаги при их попытках взять дело управления в свои руки. Немало еще препятствий стоит и встанет на пути; но одно несомненно: при помощи комбедов в деревне вспыхнула уже—и разгорается все ярче—та же классовая борьба, что и в городе.

А если оказалось при этом, что одновременное существование двух властей, двух органов управления в деревне (советов и комбедов) является ненужным, порою вредным — то здесь дело уже исправляется; комбеды фактически становятся советами, советы переизбираются из бедноты.

Необходимо тут же указать, что, если комбедам удалось начало работы по организации и воспитанию деревенской бедноты,—то этому они, прежде всего, обязаны экономическим последствиям проведения закона о земле.

Весной крестьяне поделили землю. Сплошь и рядом делили временно, недостаточно уравнительно, часто кулаки сохраняли свои большие наделы, часто и при переделе захватывали больше, чем полагается по уравнительной норме. Беднота и здесь бывала обделена.

Но даже и там, где «поравнение» происходило более правильно, согласно закону; даже и там, где беднота получила необходимую прирезку, — очень скоро выяснялась полная невозможность сколько-нибудь прочного действительного разрешения крестьянских нужд, при помощи уравнительной дележки земли.

Крестьяне «спокон веку» мечтали о прирезке, уравнительности; долго-долго добивались ее, а добившись,—могли скоро начать убеждаться, что **это не есть выход.**

Правда, земля есть, — но надо же иметь, чем ее обработать: нужны орудия, семена, инвентарь живой и мертвый, постройки, «капитал» на обзаведение, агрономические знания—все то, чего беднота не могла получить пока и не сможет получить скоро.

Последствия войны не позволяют государству сейчас помочь крестьянству в этих отношениях и не скоро еще позволят.

Значит—уравнительный способ разрешения земельного вопроса не годится. И беднота начинает это понимать.

На этой почве, на этом фундаменте и происходит организация сельской бедноты; забирание ею власти в свои руки, искание новых путей и выходов—неизбежны.

Этим и объясняется быстрый успех комбедов, быстрый рост их числа; в этом же и залог победы организующихся пролетарских слоев деревни над своей буржуазией.

Неудовлетворенность уравнительной прирезкой, невозможность при ее помощи поставить на ноги свое разоренное хозяйство — начинают все более выясняться перед многочисленными массами деревни.

На открытии Всероссийского Съезда Земотделов и Коммун Комиссар Земледелия огласил такие цифры: по 22 губерниям из всего земельного фонда 81% пошло на уравнительное распыление; 4% удалось взять на учет в качестве Советских Хозяйств (б. помещичьи имения); 1% получили коммуны, и 14% остались пока нераспределенными.

Следовательно: крестьяне сначала кинулись за прирезкой, на передел, взяли для этого громадную долю всего земельного фонда. И скоро увидели. как указывалось выше, что это не выход.

Появились коммуны. Их на 10/XI было до 1,500. На самом же деле—много больше; данные с мест (посланные для сведения в центр) всегда запаздывают, сводка всегда отстает от жизни.

Беднота ищет выхода: она находит его **в коллективизации земледельческого производства.**

Эти коммуны—далеко не идеал. Но они крайне нужны, как образчики, примеры, показатели искомого выхода.

Есть основания думать, что уже ближайшей весной общественные запашки (соединение наделов для общей их обработки целой деревней, селом) будут широко организованы по всей России. В качестве промежуточной, подсобной для перехода к полному коммунизму формы—эти общественные запашки, широкое развитие всякого рода трудовых артелей, товариществ, коопераций—далеко двинут деревню вперед.

Есть и еще завоевания революции в среде крестьянства. На всех крестьян-

ских съездах очень гладко и благополучно проходят решения организовать в сохраненных от раздела бывших имениях «советские хозяйства». Крестьяне уже не настаивают на дележке этих, хорошо оборудованных технически, площадей бывшего капиталистического посева. Крестьяне начинают понимать, что организация на этих площадях советских хозяйств даст громадную помощь государству в борьбе с продовольственным кризисом.

А организация этих советских хозяйств означает одновременно организацию громадных масс деревенской бедноты, рост ее сознания; эта организация даст громадную практику для обучения управлению.

По сведениям Отдела Советских Хозяйств Центрального Комиссариата Земледелия только по 19 губерниям имеется уже взятых на учет 406 имений с полмиллионом десятин удобной пашни. (А эти сведения крайне неполны; далеко отстают от действительности).

Можно рассчитывать, что ближайшей весной Земотделам удастся пустить в ход до 1,500—2,000 советских хозяйств, работающих по заранее установленному плану с применением всех завоеваний агрономической науки.

IV.

Подведем итоги. За год работы советской власти в деревне удалось закончить постройку удовлетворительных аппаратов земельной реформы в уездах и губерниях; идет перестройка волостных и сельских аппаратов управления; классовая борьба разгорается в деревне, и пролетарские слои берут власть в свои руки; отмена частной собственности на землю проведена; власть помещиков сломлена окончательно; кулаков берут за горло; уравнительная прирезка проведена, и полное уравнение на занятой крестьянами площади будет окончено весной; социалистическое сознание широко растет в деревне,—порукой тому влияние нашей партии; передовое крестьянство переходит к новым коллективным формам землепользования; крестьянство жадно учится агрономии и общим наукам; поворот от старых форм производства, надлом прежней психологии—налицо.

Деревня шагает в направлении к коммунизму.

Вл. Мещеряковъ.

Социалистическая Академия.

Основание государственной Социалистической Академии в Российской Советской Республике есть факт громадной важности в нашей истории.

Значение этого события так многосторонне, что положительно затрудняешься в выборе точки зрения, с которой правильнее было бы начать его освещение.

Особенно бросается в глаза его связь с социальной революцией, пролетарской диктатурой.

С этой стороны выясняется роль Академии, как аппарата классового сознания, необходимого и неизбежного орудия пролетарской мысли.

Ибо каждый класс создает излюбленные методы мировоззрения, каждый класс не только в содержании своего интереса, но в самом способе его выражения несет роковым образом печать своего хозяйственно-общественного положения.

Не случайностью был тот факт, что крестьянство выразило свои интересы в волшебной сказке, космическом мифе, предании о погибшем золотом рае, который некогда воскреснет в чуде нового пришествия солнечного Искупителя.

Не случайностью были рыцарская быль и богатырский эпос, в которые крупное землевладение вложило свои классовые стремления, надежды и аристократическую мораль.

Точно так же с неизбежностью естественного закона мещанство искало слов и понятий для своего классового интереса в упрощенной философии рационализма, в романтике «натуры», в холодном начале юридической справедливости.

И когда новейшая буржуазия с ее промышленным и финансовым капитализмом создавала, с одной стороны, свою позитивную, положительную науку, а с другой—громоздила друг на друга национальный принцип и государственность, империализм и демократию—она так же выражала сущность своего классового и хозяйственного положения, как пролетариат в своей борьбе против этих призрачных чудовищ—свою революционную душу.

Современный буржуазный университет воистину представляет собою святилище всех отживающих идеологий, сокровищницу старых достижений, точное отображение классовых надстроек буржуазного общества. Не даром оно так отчаянно борется за его нерушимость.

И оно право в своем стремлении сохранить во что бы то ни стало старую высшую школу. Буржуазный университет—это мозг буржуазного общества.

И в самом деле. Если закрыть нынешний университет, то спрашивается, где можно найти то удивительное сочетание противоречий, которое он в себе совмещает, где еще можно объединить богословие и химию, юридическую догматику и биологию, символ государственной веры и технологию, проповедь национализма и экономику.— Только в сумасшедшем доме или в классовом компромиссе.

Конечно, если бы пролетариат был только одним из классов буржуазного общества, для него, несомненно, нашелся бы уголок и в нынешнем университете. После великих возражений и протестов возле учения о священной собственности частного владельца были бы приткнуты робкие пожелания социалистического мечтателя и допущены скромные теории постепенного и мирного реформизма. На это согласны современные университеты и сейчас.

Но все дело в том, что русский пролетариат вышел из того подчиненного и печального положения, в котором он пребывал вместе со своими европейскими собратьями целые века. Революция 1917 года привела в октябре к его диктатуре, и из угнетенного класса он стал классом победителем, передовым борцом за новый общественный строй.

Совершенно очевидно, что класс победитель не мог удовлетвориться ролью одного из певцов в разноголосом хоре классовых идеологий. Становясь выра-

зителем всех угнетенных, перемещая центр тяжести всего социального уклада сверху вниз, он должен был обеспечить своей мысли и слову тот аппарат, который дал бы им чистое и полное выражение.

Но пролетариат ничего не желает, кроме объективной, положительной науки. Поскольку она уже существовала в буржуазном университете для наук естественных, постольку она продолжает свое развитие и при диктатуре пролетариата.

Но как раз этой науки почти совершенно не было в области наук общественных. Здес не только все окрашивалось в духе господ буржуазного общества, но совершалась настоящая научная подделка, при чем идеология выдавалась за науку, сочинялась несуществующая действительность, а теория превращалась в искусственное и фальшивое оправдание существующего строя.

В стенах старого университета без разрушения его гуманитарных факультетов такая коренная ломка была немыслима. И совершенно естественно, впредь до образования социальных факультетов в новом университете пролетарского типа, пришлось создавать особую Академию социальных или общественных наук, где бы разрабатывалась, действительно, наука, а не жалкое подобие ее.

Но не только в чистой общественной науке заинтересован пролетариат. Как творец нового общественного порядка, он имеет определенный практический интерес. И это в двух отношениях.

С одной стороны, он производит переоценку всех ценностей. Он находит новые критерии вредного и полезного, больного и здорового, организованного и хаотичного. Он подвергает критике отжившие заповеди и старые скрижали, рушит буржуазную правду и справедливость, разбивает абсолютизм, ниспровергает идолы и опрокидывает алтари.

С другой—он сам организует по началу целесообразности новую жизнь, прокладывает новые пути, создает новые формы и в виде социалистически-образованного общества творит систему не только хозяйственных, но и культурных отношений.

Само собою разумеется, что все эти великие задачи не могут быть разрешены или выполнены какой-нибудь одной организацией, хотя бы наиболее совершенной Академией и с богатейшими силами и средствами.

Пролетариат прежде всего сам творит свое социалистическое общество. И никакая гениальнейшая в мире интеллигенция заменить его в этом отношении не может.

Но, конечно, Академия общественных наук, созданная пролетариатом и для его целей, не может уклониться ни от работы по разрушению старого мировоззрения, ни от построения новых ценностей и критериев, ни от помощи в организационно - технической разработке планов и начертаний будущего.

А так как эти планы и критерии объемлются понятием социализма, то необходимо и Академия становится социалистической.

Итак, ее цель, согласно Положению о ней от 25 июня 1918 года, заключается в «изучении и преподавании как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями» (ст. 1), а специально в области научной—она имеет целью «научную разработку вопросов социализма и коммунизма, научное исследование в области социальных наук, философии и наук естественных, поскольку последние соприкасаются с науками социальными» (ст. 7).

Цель Академии ясна. Но спрашивается теперь, каковы ее средства. Найдет ли она достаточно научных сил, которые смогут в соответственной организации выполнить великую поставленную перед ней задачу.

На это отвечает прежде всего ее международный характер, который опять-таки логически вытекает из международного характера пролетарского революционного движения. К услугам Академии не один только народ или нация со своими научно-социалистическими силами. Уже сейчас сделаны шаги к тому, чтобы привлечь к работе в ней ученых социалистов всего мира.

Правда, тяжело отражается на Академии то обстоятельство, что борьба еще идет, что все крупные силы пролетар-

ской революции сейчас захвачены огненным движением мировой битвы,—но ведь социалисты никогда не пользовались, подобно буржуазным ученым, покоем и тишиной кабинетного уединения. Они умели научно работать и в то же время творить новую жизнь.

Правда и то, что много научных сил отпало от нас, благодаря великому расколу, и от интернационалистов отделились не только социал - предатели и наемники наших врагов, но и социал-демократические книжники и фарисеи, которые во имя буквы закона отвергли жизнь и думают, что можно кроить историю по мерке, ошибочно ими найденной в учении Маркса.

Что делать, обойдемся пока без них. Ибо мы служим не догмату книжной веры, а живому, революционному пролетариату и не хотим быть его командирами, но лишь орудием его действенной, активной мысли.

Но, с другой стороны, мы слишком хорошо знаем, что всякое истинное народное движение само создает нужные ему силы. И мы вовсе не рассчитываем только на тех научно подготовленных работников, которые к моменту октябрьского переворота оказались в рядах пролетариата. Напротив, эти работники, сильные знанием и наукою, еще придут, уже приходят.

Меньше всего можно думать, будто определенная группа хотя бы наилучших профессионалов-интеллигентов станет единственным источником света и знания для пролетарских масс. Если бы это было так, то она неминуемо выродилась бы в касту, и всякому научному движению был бы конец.

Но, к счастию, дело обстоит иначе. И те силы, которые теперь составляют ядро Академии, это только закваска для того, чтобы выделить из самой массы все пригодное для общей научной работы, вызвать к деятельности учеников, которые превзойдут своих учителей.

Главное здесь — правильный метод научной работы. Правильный метод творить чудеса. И если, по существу, всякая высшая школа ограничивается тем, что она дает своим ученикам метод, то Академя научного социализма в этом отношении может рассчитывать на исключительные результаты.

Ибо метод исторического материализма есть воистину волшебный ключ, который способен открыть и разрешить труднейшие научные проблемы в области обществоведения.

Начинающий ученый, иногда даже вчерашний ученик, способен при помощи этого метода к таким выводам, обобщениям, гипотезам и положениям, которых не сможет добиться престарелый ученый, всю жизнь работавший при помощи неправильных методов, опутанный сетью буржуазных предрассудков и научных суеверий.

А между тем, именно метод исторического материализма и есть основа всей важнейшей работы Академии.

Этот метод, впервые приложенный к изучению обществоведения в полном объеме, должен дать поразительные результаты.

Не надо забывать, что такой опыт производится впервые в истории. До сих пор марксисты работали почти исключительно в области политической экономии, рабочего вопроса, истории социализма и лишь отчасти финансовой науки. Право и государство, мораль и религия, эстетика и филология, история в полном объеме находились почти целиком под владычеством ложной философии, не менее ложного идеализма или произвольных ложных воззрений ученого.

Ныне в Академии делается попытка применения методов исторического материализма почти ко всем отраслям общественной науки. Социология и массовая психология, этика и эстетика, история религий наравне с историей хозяйства, правоведение и политика — все ставится на основу марксизма, все проверяется и исследуется при помощи его методов. Задача воистину грандиозная.

И надо надеяться, она будет выполнена при помощи той организации Академии, которая делает ее образцом демократического ученого и учебного установления.

Надо отдать справедливость уставу Социалистической Академии. В нем, как кажется, сделано все, чтобы, с одной стороны, связать ее с пролетарскими массами, а с другой—доставить ей прилив свежих сил и возможность научной работы.

В составе Академии учреждена прежде всего особая учебно-просветительная секция, которая раскрыла свои двери всем желающим работать и учиться, и отменой платы за учение так же, как отменой дипломов, первая проложила путь общей университетской реформе. Сейчас уже открываются в составе упомянутой секции четыре отдела: социально-исторический, финансово-экономический, политико-юридический и технико-экономический. В конце сентября, самое позднее 1 октября, начинаются занятия на всех этих отделах.

Для лиц, уже обладающих известной подготовкой и «желающих посвятить себя изучению проблем научного социализма», устанавливается дальнейшая возможность научной работы в качестве уже не слушателей, а так называемых «членов-соревнователей», которые не только обеспечиваются степендией, но могут свободно работать в избранной специальности при помощи ученых сил Академии.

После двухлетней работы в качестве члена-соревнователя молодой ученый легко может перейти, если пожелает, в разряд ее преподавателей, а затем и профессоров.

Для того, чтобы обеспечить полную свободу научной деятельности для тех лиц, которые бы не пожелали принять участия в преподавательской деятельности, но хотели бы целиком отдаться научной работе, установлено особое звание действительных членов Социалистической Академии, которое дает полный простор и возможность научного творчества.

Одним, однако, отличается организация Академии от всех высших учебных заведений; гарантируя полную свободу и независимость всем своим членам,—она в то же время предупреждает всякую возможность образования в ее стенах закостенелой касты, которая бы превратила дело научного творчества и академического преподавания в средство бюрократической эксплуатации Академии со стороны ее жрецов.

Поэтому в ней нет званий, а есть лишь должности. Все ее члены избираются только на короткий срок. Весь состав Академии, благодаря этому, становится подвижным и текучим, в его русло постоянно вливаются новые силы на смену старым, и нигде не открыто возможности для образования стоячих вод и неизбежно с ними связанного болота. Здесь, по словам Гераклита,—«все течет».

Марксисты слишком хорошо знают тенденцию каждой обособленной профессиональной группы интеллигентов к замкнутости и косности, к формальному авторитету и привиллегиям, чтобы не принять всех нужных предупредительных мер при организации Академии.

Вот почему Академия не дает никаких ученых званий и степеней, ее действительные члены и профессора избираются на срок в пять лет, преподаватели, проходящие свой доцентский стаж, выбираются всего на один год, а члены-соревнователи—на два года.

Но этого мало. В своем стремлении сделать невозможным кастовый дух и приблизить Академию к обществу, устав ее идет еще далее: во всем управлении автономной Академии уравниваются все элементы, входящие в ее состав: слушатели и соревнователи, профессора и действительные члены. Все эти группы через своих представителей на равных началах входят в состав ее Советов.

Так завершается устройство высшего рассадника социалистических знаний, в котором нет привиллегированных жрецов и формальных авторитетов, нет дутых званий и кастовой власти. Все члены Академии, начиная с ее слушателя и кончая действительным членом,—товарищи и братья в великом единении пролетарской мысли, все одинаково призваны к созданию новой общественной науки.

Надо верить, что первая в мире интернациональная Социалистическая Академия Российской Советской Республики будет тем культурным начинанием, которое достойно послужит делу социальной революции в ее идейном и научном созидании.

Крестьянство строило храмы, дворяне—крепости и дворцы, буржуазия создала театры и университеты.

Пролетариат — Социалистическую Академию.

М. Рейснер.

Итоги финансовой политики Советской власти.

(Под редакцией Заместителя Народного Комиссара Финансов Д. П. Боголепова).

Государственные финансы России к моменту октябрьской революции 1917 г. характеризовались состоянием полного разложения. Империалистическая война на истощение народных масс и хозяйственных сил борющихся стран закончилась очевидным проигрышем России. Тогда жизненные интересы трудового народа потребовали свержения старого порядка, но в конец изломанная дурным управлением, как царского, так и буржуазного правительств, государственная машина отказалась служить революционному народу. К тому же, далеко не все слои населения, даже трудового, оказались на высоте важнейшего исторического момента международной революции; потребовалось немало времени, пока саботировавшие элементы чиновничества поняли на предметном уроке всю неосновательность надежд на реставрацию власти капиталистических классов.

Перед Советской властью в момент победы рабочего класса была поставлена огромная творческая задача восстановления разрушенных во время империалистической войны ценностей, с другой же стороны, отрицательная и, однако же, первоначально не менее важная задача ликвидации всех прежних буржуазно-хозяйственных отношений. Обе задачи могли быть успешно достигнуты только при помощи правильно взятого курса, как обще-хозяйственной, так и — в более тесном смысле — финансовой политики.

Каково же было наследство, принятое Финансовым Учреждением Советской Республики от буржуазно-помещичьих правительств? К началу великой бойни народов наш государственный долг не достигал 9 миллиардов рублей (8.824 миллиона рублей на 1 января 1914 года); значительная часть этого долга составилась вследствие преступной бойни с Японией из-за Кореи и манчжурских зарослей и по расходам на «ликвидацию» войны, а равно и за сомнительное удовольствие иметь золотое обращение в бедной стране с упорно неблагоприятным рассчетным балансом по платежам за границу. Далее, война, финансировавшаяся в значительной степени за счет кредитных операций на внутреннем и заграничном рынках, стоила трудовому народу России:

В 1914 году	около	1.7	миллиардов руб.
» 1915 »	»	8.8	» »
» 1916 »	»	14.5	» »
» 1917 »	»	25.	» »,

а всего к моменту октябрьской революции произведено расходов, включая довоенный долг, около 60 миллиардов рублей.

Приняв во внимание высокий процент внутренних военных займов и безмерно более высокий процент заграничных займов, заключенных у бывших союзников в золотой валюте, мы должны притти к выводу, что одних только процентов по кредитованию империалистической войны рабочим и крестьянам России пришлось бы уплачивать около 4 миллиардов рублей (в том числе около миллиарда золотых рублей союзной бирже).

Не лучше кредита обстояло дело и с денежным обращением. Количество кредитных билетов, т.-е. неразменных денежных знаков к середине октября 1917 года уже превысило 28 миллиардов рублей. Между тем буржуазные правительства всех оттенков и формаций ничего не делали для обуздания бешеной спекуляции на продуктах первой необходимости, и бумажно-денежная инфляция, прежде всего, заставляла жестоко страдать широкие массы трудового народа. Государственный бюджет уже тогда должен был достигнуть «астрономических» размеров, но временное правительство за 8 месяцев его бесславного существования не успело составить даже полугодовой сметы. При этом лишь небольшая часть бюджета могла быть покрыта налогами. «Займовая» политика всех правительств до-октябрьской формации приводила к тому, что податное бремя для имущих классов было ничтожным, вся же тя-

жесть обложения ложилась на плечи рабочего класса и крестьянства. Правда, правительство Керенского произвело увеличение целого ряда прямых налогов, в том числе подоходного, единовременного, военно - прибыльного и т. п., но это повышение фактически сводилось к красивым жестам финансовой власти. Прогрессировавшее обесценение курса бумажного рубля и повсюду практиковавшееся массовое уклонение от платежа налогов, вследствие ничтожной взыскательной силы, находившейся в руках финансового управления (Терещенко, Шингарев, Некрасов и др.), делали производившиеся повышения налогов лишь номинальными.

После октябрьского переворота, уничтожившего господство буржуазного меньшинства населения, очередной задачей финансовой политики рабоче-крестьянского правительства сделалось возможное облегчение участи трудовых классов, чьи плечи ослабели от непомерного гнета империалистической войны. Народный Комиссариат Финансов, в тесном сотрудничестве с Народным Комиссариатом Труда, принял ряд важных мер к улучшению материального положения трудящихся. Временное правительство Керенского также делало ряд попыток к смягчению тяжелого положения рабочих и служащих, но наживавшее спекулятивные барыши и неумеряемое центральной властью патриотическое российское купечество всякий раз при увеличении окладов повышало также и цены на всю сумму «плехановских» прибавок... Советская власть установила новые оклады содержания уже с 1-го ноября 1917 года. В истекшем же 1918 году весьма значительное повышение тарифов для рабочих и служащих осуществилось дважды: декретом Совета Народных Комиссаров от 27-го июня и постановлением Центрального Исполнительного Комитета 16-го сентября.

Трудность изыскания средств на возросшую оплату труда и неменьшая трудность устройства аппарата снабжения этими средствами всей Советской России еще более усложняли задачу. Упорный и долгий саботаж со стороны «чиновников» бывшего министерства финансов, как по финансово-административным учреждениям, так и в бывшем Государственном банке, приводили к тому, что некоторое время всю «финансовую политику» от предварительной разработки финансовых мероприятий до чисто технического проведения их в жизнь делали Народный Комиссар с несколькими его помощниками. Вся же сложная административная машина бездействовала, и отрезанная от центра страна была предоставлена собственной участи. Подводя теперь «итоги» финансовой политики Советской власти, невольно приходишь к выводу, что при столь исключительных по своей тягостности условиях ни одно буржуазное министерство в мире не продержалось бы и двух дней. Между тем работа финансового аппарата не может приостановиться даже на самое короткое время. Рабочие требовали оплаты их заработков, мелко-буржуазная публика осаждала банки и сберегательные кассы, требуя выдачи вкладов; работа финансовых учреждений почти замирала, так как не было служащих для распределения денежных знаков по кассам, для выдачи населению и т. д. Но с деятельной помощью младших служащих удалось, наконец, наладить работу Народного Банка, как центрального распределителя денежных средств в стране, а также работу центральных учреждений Комиссариата Финансов. Ведя борьбу с саботажем, Комиссариат одновременно боролся и за улучшение личного состава. Старое чиновничество, совершенно неспособное понять новые течения финансовой политики для народа, столь отличной от прежней политики ограждения интересов землевладения и крупного промышленного и рентного капитала за счет податной эксплуатации рабочих и крестьянских масс, систематически заменялось людьми, более способными понять смысл и дух деятельности Советской власти. Это, пока еще далеко не полное, обновление личного состава Народного Комиссариата Финансов также следует отнести к положительным «итогам» финансово-административной работы руководителей Комиссариата. Но, если новый, более пригодный к работе личный состав явился сравнительно лишь недавно, как бы в конечном итоге, то финансовое законодательство не могло остановиться за отсутствием

этого состава в начале работ Комиссариата Финансов.

В ряду важнейших первоочередных мер в направлении социалистической финансовой политики явилась национализация банков, этих самых жизненных нервов капиталистического строя, по крайней мере, в стадии кредитно-денежного хозяйства. Национализация банков была декретирована 14-го декабря 1917 года и явилась результатом *упорной и, в общем, маложизненной* борьбы Народного Комиссариата Финансов за осуществление действительного контроля над деятельностью частных банков. Всевозможные формально-бухгалтерские ухищрения со стороны бывших частных банков делали невозможным действительный, а не формальный только, контроль над банковыми операциями.

Когда выяснилось, что самостоятельное существование частных банков не может быть долее терпимо, банки были *объявлены народной собственностью*, задача же овладения этим огромным аппаратом и приспособления его к служению на пользу трудовой России стала важнейшей задачей советской банковой политики. Малое количество технических сил сразу же поставило вопрос о наиболее целесообразном их использовании; последнее соображение обусловило создание единого Народного Банка Республики путем постепенной централизации отделов бывших коммерческих банков. Эта принятая в Петрограде и Москве система, естественно, не могла осуществиться одновременно и с одинаковым успехом во всей Советской России, что значительно замедляло национализацию банкового дела в провинции.

В особо тяжелых условиях протекала работа отделов текущих счетов, и лишь с июня 1918 года удалось наладить это дело в достаточно успешной степени. По мере передачи своих дел центральным отделам Народного Банка, суживается крут деятельности бывших частных банков; с ликвидацией товарных и фондовых отделов, а также бухгалтерии, закончится все дело банковой централизации. Последними по времени национализированными банковыми предприятиями были Московский Народный Банк (кредитовавший кооперативы), Общества Взаимного Кредита и Городские Кредитные Общества. С завершением их национализации руководство хозяйственной жизнью страны будет сосредоточено в едином Народном Банке, который ныне осуществляет не имевшую прецедента в истории финансов, труднейшую задачу финансирования социалистической промышленности.

Заслуживает внимания в качестве важного «итога» банковой политики Советской России совершающаяся централизация всех товарных отделов бывших частных банков. С момента возникновения центрального товарного отдела началась деятельная реализация актива, принятого от бывших частных банков. Реализация ссуд под товары шла не без успеха, так как грузы, находившиеся в складах банков, по общему правилу принадлежали к числу продовольственных, и поступления по ним были обеспечены, правда, с убытками для банка на разнице между ссудами, выданными бывшими частными банками под товары, и реквизиционными ценами этих товаров. Усиленную деятельность развивает также подотдел специальных текущих счетов под товары и товарные документы.

Национализация банков уже нанесла сильный удар финансовому капиталу, как «отечественному», так и заграничному (в виду сильной заинтересованности иностранного банкового капитала в русских банках, которые на деле были нередко лишь филиальными отделениями крупных банковых институтов заграницы). Едва ли, однако, не более сильный удар международному капиталу был нанесен постановлением Центрального Исполнительного Комитета от 21 января 1918 года. Рабоче-крестьянское правительство объявило уничтоженными все долговые обязательства, заключенные русской буржуазией при царском режиме и «демократических правительствах» Керенского. Трудящиеся массы России отказались платить капиталистам всех стран ежегодную дань за то лишь, что международный капитал помещением части своих сверхприбылей на военных поставках в военные займы рассчитывая на долгие годы закрепить свое экономическое господство. Буржуазные прави-

тельства, заключая внутренний и внешний займы, естественно, все острие своей «финансовой» политики вынуждены были бы направлять в сторону взыскания процентов с рабочих и крестьян, быть-может, с прямым закабалением значительной доли их труда.

Инициатива по внесению декретов об аннулировании займов принадлежит Высшему Совету Народного Хозяйства, на долю же Комиссариата Финансов выпало смягчение некоторых острых углов этой меры. Мелкие подписчики из малоимущих слоев населения, обманом привлеченные к подписке на военные займы, должны были получить известное удовлетворение. Организация различных льгот для малоимущих подписчиков, а также для некоторых общеполезных и демократических организаций, представляла собою очень хлопотливую задачу Народного Комиссариата Финансов, которая не вполне завершена и до сих пор, и еще не выразилась в окончательном «итоге» финансовой политики.

Значительные трудности испытал Комиссариат Финансов и при организации государственного бюджетного дела, искаженного при царском режиме исключением военных расходов из так называемого «мирного» бюджета и совершенно захиревшего при временном правительстве Керенского. Саботаж во всех ведомствах, переезд правительства в Москву также мешали упорядочению государственной отчетности. Все же, в конце июня, был распубликован бюджет за первое полугодие 1918 года (январь—июнь); в ноябре был утвержден бюджет на второе полугодие 1918 года (июль—декабрь); заканчиваются в настоящее время работы по составлению бюджета на первое полугодие (январь—июнь) 1919 года.

То обстоятельство, что мы имеем бюджет лишь в конце сметного периода, не может быть признано нормальным явлением, так как всякая смета имеет целью установление тесных пределов для расходования денег на определенные цели. Опоздание в установлении бюджетного плана заставляет распоряжающиеся отпуском кредитов органы прибегать к утверждению задним числом уже произведенных расходов по удовлетворению тех или иных народных потребностей,—и при таких условиях бюджет утрачивает свое значение, по крайней мере, в отношении необходимости твердо держаться предусмотренных в смете размеров кредита на данную цель.

Однако, это нарушение строгого бюджетного правила объясняется весьма уважительными причинами и, прежде всего, включением в состав государственного финансово - сметного хозяйства смет национализированной промышленности, затем—преобразованием местных финансово-податных учреждений, проведением некоторых мер чрезвычайного обложения и, наконец, объединением в известной части государственного и местного бюджетов (по удовлетворению общегосударственных потребностей).

Ныне, однако, составлением сметы на первое полугодие 1919 года положено начало для прекращения составления смет задним числом, и Советская Россия вступила на путь применения твердых норм бюджетного права.

Не переходя еще к более детальному сравнительному рассмотрению обоих бюджетов Советской России, необходимо остановиться на налоговой политике нынешних руководителей Народного Комиссариата Финансов. Прежние виды обложения, и в том числе наиболее совершенный из них—подоходный налог,—утратили свое значение. Реальные налоги не могут давать сколько-нибудь обильных поступлений, так как объекты реального обложения перешли в государственное достояние. В силу социализации земли, муниципализации городских недвижимых имуществ, национализации промышленности и торговли, аннулирования процентных бумаг и дивидендных ценностей, основания для взимания поземельного, подомового, промыслового, купонного, эмиссионного с акций и т. д. подоходного налогов,—почти полностью исчезли. То же относится к лично-подоходному налогу, который предполагает наличность владения приносящими доход капиталами, т.-е. существование буржуазно-капиталистической системы хозяйственных отношений; при социалистическом же строе подоходный налог практически означал бы не имеющее за собою достаточных оснований умень-

шение заработка рабочих и служащих. Если же все указанные виды обложения продолжают свое существование, то причина этому лежит в незавершенной еще до конца социализации хозяйственного строя.

Поэтому центр тяжести налоговой политики Советской власти лежит не в построении бюджета на этих «регулярных» источниках, а в мерах чрезвычайного обложения. К числу таких мер относятся декреты Центрального Исполнительного Комитета о единовременном чрезвычайном революционном налоге в 10 миллиардов рублей с городских и деревенских имущих классов от 30-го октября 1918 года и об обложении сельских хозяев натуральным налогом, в виде отчисления части сельско-хозяйственных продуктов. Единовременный налог преследует двоякую цель: настичь городскую и деревенскую имущую буржуазию, по существу уже два года не платившую налогов, в особенности же спекулятивные и кулацкие элементы города и деревни и вырвать, по возможности, с корнем «былое непотребное», с другой же стороны—ослабить дефицитность бюджета. Оба чрезвычайные налога, из коих единовременный 10-миллиардный уже начал давать поступления, преследуют цели снабжения армии и населения, испытывающих крайнюю нужду в продуктах сельского хозяйства, с другой же стороны—уравнения условий землепользования для всего трудового крестьянства обложением более состоятельных и богатых крестьян, захвативших большие и лучшие участки земли. Что же касается натурального налога, то в заседании Центрального Исполнительного Комитета от 23-го декабря 1918 года в налог внесены некоторые изменения, сводящиеся частью к освобождению от уплаты стоимости причитавшейся с плательщиков части натурального налога за 1918 год (льгота только в отношении крестьян, которые сдадут до 1 марта 1919 года излишки хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов, согласно закону о хлебной монополии), частью же к повышению мер взыскания налога (в отношении к тем плательщикам, которые не выполнят своих поставок до 1 марта 1919 г.).

Помимо того, прежняя административно-финансовая система подверглась кардинальному улучшению в соответствии с новыми течениями финансовой политики; сюда относятся: уничтожение казенных палат и казначейств, организация финансовых отделов при местных советах, более или менее полное преобразование податного надзора, преобразование податных присутствий введением туда новых членов по назначению Совдепов и т. д.

В области косвенного обложения таможенные доходы, естественно, не поступают, вследствие дружественного наступления «союзников» на территории Советской Республики. Ставки косвенных налогов (акцизы и монополии) пришлось несколько повысить для приведения их в соответствие с обесценивающейся валютой. Довольно значительно повышен железнодорожный тариф, именно, до стоимости проезда по прежнему первому классу.

Наконец, заслуживает живейшего внимания декрет Совета Народных Комиссаров о денежных средствах и расходах местных Советов от 3 декабря 1918 года, который можно причислить к совместным «итогам» финансовой политики Народного Комиссариата Финансов и Народного Комиссариата Внутренних Дел (по отделу Местного Хозяйства). Впервые точно определены положения о налогах, взимаемых на нужды местных Советов (губернских, уездных, волостных); сюда, помимо налогов, практиковавшихся бывшими земскими самоуправлениями, отчислен и ряд новых налогов и сборов, вновь подтверждено право местных Советов (кроме волостных) устанавливать единовременное, чрезвычайное, революционное обложение на началах, указанных в декрете Совета Народных Комиссаров в начале ноября 1918 г. («Известия», № *242*, от 5 ноября); наконец, указан порядок выдачи пособий местным Советам из средств государственного казначейства и установлен порядок расходования денежных средств Советов. Этим мероприятием подведен «итог» исканиям советской финансовой политики в сфере местных финансов.

Чтобы закончить перечень более важных мер финансовой политики во всех областях государственных финансов,

необходимо указать на расширение сети сберегательных касс: декретом Совета Народных Комиссаров от 2 мая 1918 года признано необходимым срочно открыть в сельских местностях 2.340 почтовых отделений со сберегательными кассами.

В заключение мы остановимся на бюджетной смете второй половины 1918 года, как на заключительном «итоге», резюмирующем в главных чертах деятельность Народного Комиссариата Финансов. В бюджетной речи Народного Комиссара Финансов, тов. Крестинского, произнесенной в заседании Центрального Исполнительного Комитета 30 ноября 1918 года, можно было с удовлетворением отметить некоторые **новые** черты бюджета социалистического государства, именно, преобладание в расходной части бюджета производительных и культурных расходов: по многочисленным предприятиям Высшего Совета Народного Хозяйства (1-е полугодие 1918 года в круглых цифрах 2,7 миллиарда рублей, 2-е полугодие—4,6 миллиарда руб, а всего за 1918 год около 7,2 миллиардов руб.), Народного Комиссариата Просвещения (0,5 миллиард. рублей и 2,4 миллиард. рублей, а всего около 2,9 миллиард. рублей), Народного Комиссариата Здравоохранения (только на 2-е полугодие 0,1 миллиард. рублей), Народного Комиссариата Продовольствия (1,4 миллиард. рублей и 3,1 миллиард. рублей, а всего 4,5 миллиард. руб.), Народного Комиссариата Земледелия (0,2 миллиард. руб. и 0,5 миллиард. руб., а всего 0,65 миллиард. руб.), Народного Комиссариата Путей Сообщения и Почт и Телеграфов (4,2 миллиард. руб. и 4,2 миллиард. руб., а всего 8,4 миллиард. руб.). В общем же итоге таких расходов за 1-е полугодие 9,5 миллиард. руб., а за 2-е—15,57 миллиард. руб. Расходы же по всем статьям и параграфам сметы за 2-е полугодие исчислены в 29,1 миллиард. руб., а дефицит по бюджету за то же полугодие 1918 года определяется в 16,37 миллиард. рублей (29,1 миллиард. руб.—2,73 от постоянных источников и 10 миллиард. руб. от чрезвычайного обложения).

Однако, из сметного дефицита следует еще, по мнению Народного Комиссариата Финансов, сделать ряд вычетов: около 3 миллиард. руб. валовой прибыли от национализированных предприятий, около 3 миллиард. руб., неиспользованных в первом сметном периоде кредитов, вторично внесенных в смету на июль—декабрь, и около 3-х же миллиард. руб. операционных расходов Народного Комиссариата Продовольствия, которые позднее вернутся на ценах заготовляемых ныне продуктов. Оставшийся за этим вычетом дефицит в 7,37 миллиардов рублей будет перепокрыт за счет поступлений от натурального налога с сельских хозяев в виде отчисления части продуктов, если эти натуральные поступления перевести по твердым ценам на деньги (декрет 30 октября 1918 года).

Более или менее удачное сведение сметы на 2-е полугодие 1918 года отчасти объясняется установлением единовременного обложения городской и сельской буржуазии в размере 10 миллиардов рублей. Бумажно-денежная инфляция в стране, скопление запасов денежных знаков у спекулянтов на бедствиях трудового народа, вероятно. вновь заставят прибегнуть к мерам чрезвычайного обложения и в ближайшие сметные периоды.

Советской России предстоит еще покрывать ряд своих бюджетных денежных дефицитов выпусками кредитных билетов. Наводнение страны бумажными деньгами, однако, не грозит социалистическому государству денежным крахом. Переустройство хозяйственной жизни на началах товарообмена упразднит самую нужду в деньгах. Все далее идущая социализация общества и хозяйства приведут к тому же результату. И, если государства капиталистическою владыческого типа (ойкосные рабовладельческие государства античного мира) могли длительно существовать, не нуждаясь в денежном обращении, то тем более, новое коммунистическое государство сумеет перейти к новым безденежным экономическим формам.

До тех же пор итоги финансовой политики каждого следующего бюджетного периода Советской России будут качественно наилучшими, поскольку ими обеспечивается возможность наиболее безболезненного перехода к формам коммунистического строя в чистом виде.

Евгеника и социализм.

В 1798 году вышла книга английского экономиста Мальтуса—«Опыт о принципе народонаселения».

Это был конец XVIII века, идеи Французской революции находили в Англии яркие отклики; в широких массах чувствовалось политическое брожение, и теория Мальтуса о разрешении социальной проблемы не могла не привлечь к себе широкого внимания.

Мальтус, не отрицая всей неправильности социального устройства, полагал, что причина бедности заключается не в нем, а в чрезмерном размножении человечества, которое не соответствует росту производства хлеба и других пищевых продуктов; что каково бы ни было социальное устройство, рост населения обгонит увеличение средств существования; что, если ничто не будет задерживать роста населения, то каждые 25 лет оно будет увеличиваться в геометрической прогрессии (т.-е. как 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.), тогда как средства существования будут увеличиваться в то же время в арифметической прогрессии (как 1, 2, 3, 4 и т. д.).

Только пороки, войны, болезни, голод,—что задерживает или делает невозможным деторождение, — могут, по мнению Мальтуса, восстанавливать равновесие между ростом населения и увеличением средств существования. Позднее он признал, что и нравственное самообуздание человека — воздержание от брака и деторождения—может ограничить чрезмерный рост населения.

Интерес к теории Мальтуса со временем стал ослабевать, и только в последнее время ее возродила новая наука «Евгеника» (в буквальном смысле слова значит—наука о хорошем рождении), ставящая себе несколько иные задачи, чем решение проблемы бедности,—улучшение расы.

На первом конгрессе евгеников, который состоялся в Лондоне в 1912 году, определилось их основное направление, которое считало главным фактором улучшения расы—изучение закона наследственности и контроль над ним.

Основным методом для достижения своей цели—улучшения расы,—евгеники считают ограничение деторождения. Они приводят ряд статистических данных для доказательства правильности своего основного метода. Между количеством и качеством получаемого прироста у животных и растений существует обратное соотношение. То же самое наблюдается и у человека. Доктор Плец, в своей книге—«Расовая гигиена»,—дает таблицу большего процента смертности более поздних по рождению детей.

Из числа	первенцев	. . .	22,9%
» »	2-х детей	. . .	20,4%
» »	3-х »	. . .	21,2%
» »	4-х »	. . .	23,2%
» »	5-ти »	. . .	26,3%
» »	6-ти »	. . .	28,9%
» »	7-ми »	. . .	33,1%
» »	8-ми »	. . .	33,2%
» »	9-ти »	. . .	36,1%
» »	10-ти »	. . .	41,3%
» »	11-ти »	. . .	51,4%
» »	12-ти »	. . .	59,7%

Больший процент смертности обусловливается большей слабостью и неприспособленностью детского организма. Зависит это от нескольких причин. Во-первых — организм родителей изнашивается, и они не могут дать в наследство своему потомству того запаса жизненной энергии, которая приходилась на долю первых детей. Доктор Бремерс дает очень интересные наблюдения над 14.000 легочных больных, лечившихся в его санатории. Оказалось, что часто туберкулез появляется у лиц, родители которых не страдали туберкулезом. Выпадает это на долю младших детей (приблизительно начиная с 6-го ребенка), старшие же дети в этой семье остаются здоровыми.

Во-вторых, — родители, потерявшие уже большую часть своей энергии и сил, не могут уделять последним детям ту долю внимания и забот, которые они уделяли воспитанию первых детей.

В-третьих,—огромное значение имеют экономические причины—рождение каждого нового ребенка вызывает новые расходы, которые тяжелым бременем ложатся на семью и не могут не отражаться на самом ребенке.

Кроме интересов ребенка, евгеники учитывают интересы матери. Частые беременности и роды изнуряют организм женщины, и чем чаще они имеют место, тем серьезнее опасность для жизни и здоровья матери.

Вот те главные причины, которые побуждают искать путей для ограничения деторождения.

Как же ограничить деторождение?

Евгеники разбирают два способа: один—воздержание от половых сношений, другой — употребление предохранительных средств.

Первый они считают вредным для психики и физики, как мужчин, так и женщин. И в том случае, если даже фактическое воздержание имеет место, то очень редко оно сопровождается соответствующим душевным состоянием, в большинстве же случаев оно вызывает большую психическую неуравновешенность, изнуряюще действующую на весь организм, в связи с эмоциональными половыми возбуждениями. Но даже, если при половом воздержании имеется соответствующий душевный строй, физика человека дает о себе знать, и подавление половой функции ведет к болезненным последствиям.

Второй способ—употребление презервативов—евгеники не считают вредным для мужского и женского организма; кроме того, употребление их устраняет возможность заболевания венерическими болезнями, устраняет другие способы избежания беременности—принятие всяких снадобий, и, наконец, вытравление плода, что крайне вредно отзывается на организме женщины.

С моральной стороны, употребление презервативов не считается евгениками нарушением нравственности, когда оно имеет в виду интересы ребенка, интересы расы.

Еще один лишний довод приводят евгеники за этот способ—употребление презервативов может помешать распространению проституции, так как нередко нежелательная беременность толкает женщину на путь ее, с другой стороны, часто боязнь увеличить свою семью заставляет мужчин пользоваться услугами проституции.

Рассматривая вопрос деторождения в социальной плоскости, евгеники ставят вопрос—вредно ли для общества ограничение его?

Половой отбор дает наиболее здоровых и способных людей, «а всякое общество»,—говорят евгеники,—«процветает, благодаря способным индивидам, и погибает благодаря негодным».

Большой процент смертности среди людей объясняется несоответствием между количеством людей и пищевых продуктов, и как только уменьшится число потребителей, так для остающихся увеличатся шансы на жизнь. Следовательно, если падет число рождений, падет и число смертей.

Степень культурности страны евгеники ставят опять-таки в зависимость от количества рождений. Они полагают, что, если бы мы размножались так же быстро, как китайцы, то мы были бы так же жалки и бедны, как они, и что это может служить нам серьезным предостережением, до какого состояния может дойти народ, если он размножается без всякого разумного ограничения.

Несмотря на то, что во Франции евгенизм привился сильнее, чем в других странах, неправильно, говорят евгеники, указывать на Францию, как на страну, где численность населения прогрессивно падает. Результаты народной переписи дают следующую таблицу:

в году	
1876	36.905.758
1881	37.672.048
1886	38.218.903
1891	38.343.192
1896	38.517.975
1901	38.441.338
1906	39.252.267

Неправильно также считать ее страной упадка, так как до сих пор Франция занимает одно из первых мест в ряду культурных государств. Евгеники приводят еще таблицу, показывающую, что продолжительность жизни во Франции увеличивается.

за года		средняя продолжительность жизни во Франции.
1817—1832		39,6 лет.
1877—1881		42.1 »
1890—1892		43,1 »
1898—1903	для мужчин	45,74 »
	для женщин	49,13 »

Блестящим подтверждением целесообразности своей теории евгеники считают Австралию, где правительственный статистик штата Виктории д-р Лин установил, что падение цифры рождаемости, в связи с распространением презервативов, с избытком восполняется низкой цифрой смертности, и что перевес рождений над смертностью там больше, чем в большинстве стран Европы.

Особенно интересует их побочный вывод комиссии, которая была назначена в 1903 году для выяснения причин значительного сокращения числа рождений,—о быстром росте культуры в Австралии, что они тоже ставят в связь с развитием там идей евгеники.

Евгеники не могли, конечно, пройти мимо крупнейшего вопроса современности—рабочего вопроса. Повторяя Мальтуса, они пытаются доказать, что решение его может быть достигнуто путем применения евгенических методов рабочим классом. Теперь, утверждают они, большая деторождаемость наполняет кадры рабов капитализма, и чем больше будет рождаться людей, тем больше будет иметь место эксплоатация их.

Ниже мы осветим отношение социалистических представителей рабочего класса к евгенике, сейчас же закончим изложение евгенической теории.

Помимо ограничения деторождения, есть еще несколько требований, которые евгеники считают необходимым для улучшения расы.

Заключаются они в следующем: для желающих вступить в брак обязательно освидетельствование врачом для выяснения их физического и психического здоровья и тех свойств, которые могут вредно отразиться на их потомстве; стерилизация (лишение возможности производить потомство) лиц, дети которых заведомо обречены на вырождение—душевно-больных, сифилитиков, людей с явно выраженными преступными наклонностями и т. п.; гигиеническое воспитание женщины, устраняющее из образа жизни и одежды все уродливое и мешающее развитию организма—сидячий образ жизни, ношение корсета, сдавливающего грудную клетку и мешающего свободно вбирать в себя воздух, высокие каблуки, которые, благодаря неестественному положению тела, часто способствуют искривлению матки и т. п.; особый режим для будущей матери, который культивировал бы все здоровое и красивое, как в духовном, так и в физическом отношении.

С этими положениями «Евгеники» не только нельзя не согласиться, но они заставляют желать самого широкого распространения их среди общества.

Но не в этих практических советах центр тяжести «Евгеники», а в основном ее требовании—ограничении деторождения, и против этого ее требования резче всех протестуют социалисты, например, Р. Люксембург, К. Цеткина, Каутский. *)

Они протестуют, прежде всего, против ограничения деторождения, как средства классовой борьбы. Центр тяжести должен лежать в борьбе за улучшение социальных условий, которые дали бы возможность родителям дать всем своим детям наилучшие условия для их всестороннего развития.

Статистика евгеников не так убедительна, как это им кажется. Так, таблица д-ра Плеца о большей смертности среди последних детей показывает, что колебание цифр очень незначительно до 5-го ребенка; значительное же повышение смертности следующих детей может быть обусловливаемо не местом, которое они занимают в семье, а ее социальными условиями.

Статистика д-ра Бремерса тоже говорит, что, только начиная от 6-го ребенка, выступают признаки вырождения.

О несоответствии количества пищи с количеством населения, можно сказать, что у нас слишком неразвиты все возможности добывания пищевых продуктов, не использованы химические возможности, не развиты сельскохозяйственные науки, а, главное, мало применяются на практике, чтобы можно было пользоваться таким сомнительным доводом.

Австралия так же не может быть подтверждением торжества «Евгеники», так как социальные условия, избыток природных богатств, состав населения колонии из здоровых, энергичных и предприимчивых людей (именно такие люди, обыкновенно, оставляют родину и

---

[1]) Будет кстати вспомнить, что из социалистов первым подверг критике учение Мальтуса К. Маркс в I т. «Капитала».

едут в новые края), а не распространение идей «Евгеники», были главными факторами ее культурного развития.

Очень интересные наблюдения сделали политико-экономы о Германии, где расцвет промышленности совпал с большим ростом населения. Один французский публицист сказал об этом так: «Каждые 3 года мы терпим поражение при Седане, каждые 10 лет мы теряем Эльзас».

Эти данные о Германии как раз показывают, что увеличение населения совсем не способствует падению экономического благосостояния страны (как утверждают евгеники) и что для большего расцвета Франции желательно не падение рождаемости, а увеличение ее.

Можно сделать много возражений на аргументы евгеников, чтобы обнаружить их несостоятельность, что и сделали Каутский и Р. Люксембург, совершенно правильно отвергая «Евгенику», как всеисцеляющее средство против социальных бедствий, выдвигая на место ее классовую борьбу, борьбу за социализм.

Н. Борисова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

История коммунистической партии в России.

I. Зарождение коммунистической партии.

Изложить в немногих словах историю партии коммунистов чрезвычайно трудно, и мне надо выбрать поэтому какой-нибудь стержень, вокруг которого можно было бы сгруппировать факты, интересующие сейчас весь пролетариат России. Роль этого стержня в истории русского коммунизма, несомненно играл Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Трудно выбрать фигуру более яркую, для того, чтобы на ней проследить историю русского революционного рабочего движения.

Брат Вл. Ильича, Александр Ильич Ульянов не был марксистом. Он знаменует тот переходный момент революционного движения в России, когда старые революционные партии разочаровались в методах борьбы, которые прежде проповедывались ими, и когда стал зарождаться в России марксизм. До нарождения рабочего движения знамя революции в России держала в руках интеллигенция, и эта революционная интеллигенция, выдвинувшая из своей среды мужественных и героических борцов за народную волю, — пережила в своем развитии два этапа. Эта интеллигенция состояла по большей части из так называемых разночинцев, сыновей мелкопоместных дворян, чиновников, мелких купцов, иногда сыновей крестьян; они прошли через университеты и научились там, в дружеской среде свободного, тогда еще революционного студенчества ненавидеть царизм и ценить, по книгам западно-европейских социалистов, социализм. Именно они поставили перед собой задачу осуществления свободы и социализма в России, при чем первым делом обратили свое внимание на широкие слои крестьянства. Рабочий класс тогда в России был очень малочисленен, так как промышленность была весьма незначительно развита. И вот эти идеалисты пришли к теории, что если довести крестьян до сознания того, кто мешает им свободно жить и осуществлять социализм, если объяснить крестьянам их истинные интересы, то тогда, несомненно, они поднимут восстание и свергнут царизм. Эти молодые революционеры отправились для этого в народ и создали целое движение, которое так и называлось «хождение в народ». Они отправлялись в деревню с пропагандистскими целями, с целями агитации, иногда с целью непосредственно поднять крестьянские бунты.

Однако, очень скоро они убедились, что крестьянство, только что вышедшее из-под ярма крепостничества, только что увидевшее свободу, распыленное, разбросанное, политически безграмотное, что это крестьянство не откликается на их революционный призыв. Эпо-

ха хождения в народ, расцветшая в 70-х годах, кончилась, поэтому, крахом. Крестьянство не оказалось способным в этот момент поднять всероссийское крестьянское революционное движение против царизма. В революционном сознании интеллигенции наступил тогда перелом, и новая программа уже гласила, что если народные массы неспособны подняться против царизма, то тогда интеллигенция сама должна взять на себя задачу ниспровергнуть царизм и расчистить дорогу крестьянству, которое тогда прямо и свободно направится к социализму. Но как небольшая группа интеллигентов могла осуществить эту задачу, будучи оторвана от масс и не находя в них ни малейшего сочувствия? Совершенно естественно, что тогда возникла теория и практика террористической борьбы, т.-е. такой борьбы, в которой царизм и интеллигенция противостояли друг другу, как борцы, и последняя стремилась, рядом революционных ударов по виднейшим представителям царизма, ниспровергнуть самый монархический строй. Героическая и великая в истории не только русского, но и всемирного революционного движения партия Народной Воли во главе с Желябовым, Перовской, Халтуриным, которым, в настоящее время мы,—восставший революционный пролетариат,—ставим памятники, взяла на себя эту мученическую роль борца с грабителями и эксплуататорами народа. Они выполнили свою задачу. Они наказали и казнили целый ряд генералов, целый ряд охранников и завершили это казнью Александра II (1-го марта 1881 г.). Но надежды их и тут не оправдались. Оказалось, что даже, когда Александр II пал, как жертва своего собственного жандармского усердия, когда трон очистился, то все-таки не создалось никакого широкого массового революционного движения: трон был автоматически занят его сыном, Александром III, и реакция еще более усилилась. Героические интеллигенты, революционеры и демократы, которые думали, что убийством царя и нескольких генералов можно разбудить широкие крестьянские массы, — были разбиты; большинство из них повешено, часть заключена в Шлиссельбург и там погибла. Оказалось, что, несмотря на весь свой героический и революционный пыл, несмотря на самые лучшие свои пожелания, они не нащупали той правильной дороги, идя по которой, можно разбудить к политической жизни, пробудить к восстанию широкие массы русского народа. С этого момента и начинается разлад среди этой революционной интеллигенции, после того, как она претерпела полный крах своей старой теории. Она обратилась к народу, к крестьянам, и крестьяне ее не поняли. Она попыталась сама, один на один, сразиться с царизмом, но из этого не вышло никакого революционного движения. Вся русская революция уперлась в тупик. Надо было найти какие-то новые методы, надо было как-то иначе представить себе ход революционного движения в России, нужно было нащупать среди общественных классов России какой-нибудь новый рычаг, опираясь на который можно было бы не только свергнуть царизм, но и уничтожить в России буржуазную эксплуатацию. В этот момент, на этом переломе, когда старые задачи и теории потерпели крах, а новых еще не народилось, на революционный путь вступил Владимир Ильич Ленин. Начал он свою деятельность под руководством брата своего, Александра Ильича. Последний принадлежал к той группе революционных интеллигентов, которые, несмотря на то, что взрыв 1-го марта 1881 г. был потушен в крови и на виселицах, сделали еще одну героическую попытку — наказать следующего царя, Александра III. Он был человеком, который подавал великие надежды, как будущий ученый, и профессора Петроградского университета, где он учился, предрекали ему громадную научную деятельность. В тот момент, когда наиболее видные борцы погибали на виселицах или были замуравлены в Шлиссельбургской крепости, когда вся интеллигенция разбилась на фракции, когда у нее опустились руки, и она не знала, как же продолжать революционную борьбу, тогда Ал. И. Ульянов взял на себя задачу вновь собрать рассыпанные ряды, собрать хоть маленькую группу, которая опять подняла бы знамя революционной борьбы. Он образовал в Петрограде группу из студентов и нескольких рабочих и по-

ставил перед собой задачу казнить Александра III, который к этому времени уже вполне показал себя, как ярый сторонник реакции, как царь помещиков и купцов. В тот же день, когда был казнен Александр II, но 6 лет спустя, т.-е. 1-го марта 1887 г., во главе группы террористов, брат тов. Ленина вышел на улицу с бомбами в руках, бомбами, сделанными в виде книг, чтобы сбить со следа царских ищеек, с целью бросить эти бомбы в Александра III. Но в их группе оказался провокатор. Лишь только они вышли на улицу, как были схвачены; и брат Владимира Ильича и еще несколько товарищей через несколько дней были повешены. Попытка кучки интеллигентов и передовых рабочих покончить с самодержавием вновь окончилась неудачей, и это был последний удар по той теории, которая предполагала, что можно покончить с царизмом силами небольшой группы революционной интеллигенции. Сам Ал. И. уже не был чужд той великой науке, которая показывала, где же, действительно, надлежит искать путей к освобождению рабочего класса. Он первый дал Вл. Ил—чу ту великую книгу, изучая которую, не только русский, но и мировой пролетариат нашел путь к своему освобождению: из рук своего брата—мученика Вл. Ил., тогда еще молодой гимназист, получил книгу Карла Маркса «Капитал». Влад. Ил. рассказывал мне, как путешествуя на перекладных из гимназии, а затем из университета к себе в деревню (в Симбирскую губернию), они горячо спорили с братом, и тот, за несколько месяцев до своей гибели, рассказывал ему о марксизме и о книгах К. Маркса.

Несколько лет Вл. Ил. отдал на изучение этой книги. Это была мрачная эпоха. Теории, которыми руководствовалась старая революционная интеллигенция, окончательно были развенчаны; казалось, что русский царизм, опираясь на буржуазную реакцию всего мира, которая снабжала его через парижскую биржу деньгами, окончательно несокрушим, что он навеки захватил всю Россию в свои руки и держит ее, не разжимая своего жандармского кулака. В этот момент Вл. Ил. начинает изучать теорию научного социализма, теорию восстания и освобождения пролетариата, и через несколько лет приходит к убеждению, что есть в России сила, которая способна повести борьбу против царизма и сделать это более успешно, нежели партия Народной Воли. Одновременно с тем, как в конце 80-х годов Вл. Ил. здесь в России изучает теорию революционного марксизма, несколько старых русских революционеров, во главе с Г. В. Плехановым, потеряв надежду на возможность непосредственного, широкого, массового революционного движения в России, уезжают за границу и там тоже начинают изучать систему марксизма. В 1883 г., через два года после того, как партией Народной Воли был казнен Александр II, Г. В. Плеханов, вместе с В. Засулич и Г. Дейчем, образовывают группу «Освобождения Труда», которая ставит себе задачей пропаганду, в первую очередь среди учащейся молодежи, научного социализма. Влад. Ил. рассказывал, что, когда он в своем захолустье в Казани пришел к убеждению, что марксизм есть единственная теория, действительно освобождающая пролетариат не только от гнета царизма, но и от гнета буржуазии, когда он убедился, что дальнейшее развитие революции в России возможно только тогда, когда в ней примет участие рабочий класс, он задался мыслью: есть ли еще где-либо в России группа лиц, которые пришли бы к такому же убеждению? Казалось, в России не было места для такого движения. Крестьянство, задавленное недоимками, урядниками, земскими начальниками, стонало под гнетом царизма. Пролетариат только что начинал создаваться. Интеллигенция, разочарованная в крестьянстве, после неудачных попыток террора, относилась недоверчиво и к рабочему классу, считая его слишком малочисленным в России и слишком малоорганизованным; она полагала, что в Западной Европе он может бороться, а здесь, в России, возлагать надежды на рабочий класс, это значит откладывать революцию очень надолго. И вот, в эту пору глухой реакции, в начале 90-х годов Вл. Ил. предпринимает поездку по России со специальной целью разыскивать по всему лицу земли русской таких передовых интеллиген-

тов или рабочих, которые, сплотившись, образовали бы первую группу работников-марксистов. Он объезжает почти всю Россию, посещая все ее промышленные центры и понемножку, в разных местах, он находит эти передовые группы рабочих и интеллигентов, которые тоже пришли к убеждению, что вся история революции опирается только на рабочий класс, и что только та партия действительно ниспровергнет царизм, которая сумеет войти в связь с рабочим классом. Теперь нам все это кажется очень простым, и мы готовы высмеять каждого, кто усомнился бы в революционной энергии рабочего класса. Тогда же на этих нескольких людей, которые стали проповедывать в России идею борьбы рабочего класса, смотрели как на фантазеров, как на сказочников, которые выдумали какой-то рабочий класс в крестьянской стране, и надеются, что именно он произведет революцию. Но эти люди, имея во главе В. И. Ленина и опираясь на ту теоретическую работу, которая была произведена за границей группой «Освобождения Труда», не покладая рук, принялись за новую революционную работу. Она казалась очень будничной, элементарной и простой и как будто не имела в себе ничего революционного. Ведь они встретились с пролетариатом, у которого была очень слабо развита не только политическая мысль, но даже сознание экономических интересов. Эти пролетарии не сознавали себя членами одного класса, разбросанного не только по всей России, но и по всему миру; перед каждым из них в отдельности стояла маленькая задача—как бы улучшить свое положение на фабрике, как бы прекратить штрафы, как бы повысить заработную плату и понизить рабочий день. И вот с того и начал В. И. Ленин. Теперь, когда мы знаем, что коммунистическая партия России, во главе с Лениным, стоит во главе мирового пролетариата, когда каждый день несет нам известия о новых революционных потрясениях, когда мы видим, как рабочий класс своим молотом выковывает новую землю, какой мелочной, какой незначительной кажется нам эта работа, с которой начал Влад. Ил.! Он обходил фабрики, собирал сведения по заводам, собирал у себя, в студенческой комнатушке, осторожно, конспиративно нескольких рабочих, которые рассказывали о притеснениях, штрафах и проделках мастеров, писал листки, которые печатались в тайных типографиях, и в которых обсуждались эти вопросы. Несмотря на свою кажущуюся незначительность, это был единственный путь к тому, чтобы пробудить в пролетариате сознание его классовых интересов и объединить отдельные пролетарские единицы для общей борьбы. И тут сказалась одна из величайших черт Влад. Ил—ча. Погруженный по горло во все эти фабричные недостатки и злоупотребления, он уже провидел громаднейшую революционную роль, которую сыграет в будущем пролетариат. Он пошел на эту маленькую работу, потому что знал, что здесь возрастает та сила, которая некогда перевернет весь мир, и замечательно, что во имя этой великой цели он способен был сосредоточить всю свою энергию на писании листочков о фабричных злоупотреблениях, которые потом в клозетах тайком читались рабочими. В этом сказалась великая черта доверия к революционной энергии рабочего класса. Эта работа, производившаяся в Петербурге, привела к созданию первой рабочей организации в России. Одними из первых рабочих — соц.-демократов были: тов. Бабушкин, расстрелянный в 1905 году ген. Ренненкампфом в Сибири, где он поднял восстание среди красноярских рабочих, т. Шелгунов, который и посейчас живет в Петрограде, потеряв в ссылках и казематах царизма свое зрение, и др. Собрав вокруг себя этих выдающихся рабочих и нескольких интеллигентов, Вл. Ил. основал в Петрограде первую рабочую организацию, широкую и массовую, на основах научного социализма, которая называлась тогда «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Этот союз ставил своею целью вызвать движение пролетариата не только за политическое освобождение, но и за освобождение его от капитализма, за социализм. Работа эта очень быстро оправдалась. В конце 1895 и 1896 г. агитация «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» приобретает такие размеры и такой размах, что

впервые в Петрограде разражается громадная стачка текстильных рабочих, стачка, в которую было вовлечено до 40 тыс. рабочих. И опять-таки, уже после 1905 г.—40 тыс. бастующих рабочих кажутся нам мелочью, пустяками. Но не так было в 1895 г. Тогда эта стачка сыграла громадную революционную роль, потому что она показала, прежде всего, что рабочий класс—это могучая сила, способная в каждый данный момент выступить, как организованная, сплоченная организация; она доказала затем самому рабочему классу, который был распылен, не сознавал своей силы и позволял издеваться над собой каждому фабричному мастеру и каждому царскому уряднику, что если рабочий класс выступает организованно, то для него обеспечена победа, ибо эта стачка, действительно, увенчалась победой. Государственный Совет принужден был обсуждать требования рабочих, он должен был пойти на уступки. Та самая интеллигенция, которая опустила руки после поражения партии Народной Воли, и которая никогда не думала, что рабочий класс способен на такие организованные массовые выступления, — спохватилась и задумалась. Эта стачка доказала, что рабочий класс в России существует, что, именно, он легче всего поддается организации, и потому является единственной силой, которая способна вести борьбу с царизмом. Во главе этой организации стоял т. Ленин. Понятно, что он и должен был понести обычное царское наказание за эту стачку. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был раскрыт, были произведены аресты, т. Ленин был посажен в тюрьму и, просидев там достаточное время, был отправлен в ссылку в Сибирь. Но массовое рабочее движение и организация партийных ячеек, в виде местных «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», не прекратились. Вслед за Петроградом,—в Москве, затем в Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, на Урале стали возникать такие же точно организации. Вскоре большинство заводских и промышленных пунктов России обзавелось ими, после чего на очередь встала новая задача: объединить усилия рабочих отдельных заводов, создать какой-нибудь центр, который руководил бы борьбой рабочего класса на территории всей России и поддерживал бы сношения русского рабочего класса с западно-европейским пролетариатом. Правительство, конечно, не дремало. Все силы полиции были направлены против зарождающегося рабочего движения не только в смысле прямого подавления рабочих, но и в смысле обмана их. Поставить перед собой, в этих условиях, задачу: создать в России партию коммунистов, партию рабочих — марксистов было грандиозным предприятием. Передовые рабочие различных городов России не остановились перед этой задачей. Ибо они знали,—их научил этому марксизм и его проводник Ленин,—что рабочее движение, однажды вступивши на революционный путь, неизбежно придет к победе. И они несли жертвы и создавали новые и новые организации. Эта надежда, эта вера давала им возможность в самых тяжелых условиях нести мелкую кропотливую работу. В марте 1898 года эти передовые рабочие созвали первый съезд российской с.-д. рабочей партии (как тогда называлась наша партия). Этот съезд собрался в Минске; на нем было всего 12 человек, представлявших собой тогда все будущее революционное и рабочее движение в России. Они собрались для того, чтобы составить манифест нашей партии, для того, чтобы создать устав нашей организации, чтобы закрепить связь между отдельными городами, и ввести в общее русло те забастовки, в которых, прежде всего, выливалось рабочее движение. Еще одна важная задача стояла тогда перед нами—связать это экономическое движение рабочего класса с политической задачей, ибо уже тогда стало выясняться, что рабочие, вдвинутые в движение, часто были склонны ограничиваться чисто экономическими требованиями; они еще не отдавали себе отчета, что вся эта система эксплуатации их тесно связана с политическим режимом. Тогда нередко можно было встретить малосознательных рабочих, которые говорили: «Да, экономическую борьбу за прибавку заработной платы, против мастера — мы готовы вести, и согласны устроить забастовку, но царь-то, царизм здесь не при чем, это мы с хозяином боремся!»

почему эти первые союзы борь- должны были поставить рабо- движение, тогда только зачи- іееся, на рельсы политиче- борьбы. Они должны были зать рабочим, что они не могут до- ся улучшения своего экономиче- о состояния, если они не свергнут зма. Влад. Ил-ча на съезде не мог- быть, он был тогда в Сибири, но ние его среди передовых рабочих а было уже настолько велико, что, а они задумали издавать свой под- ный центральный орган, названный а «Рабочей газетой», то они при- или редактором его — Вл. Ил-ча. ытка этого объединения была очень гро разбита. Не успели эти това- и разъехаться со своего съезда, как были арестованы. Наметившаяся ь между организациями различных одов была разбита, и притом на не- ько лет. Рабочий класс опять остал- без общего, центрального руковод- . Но товарищи, сосланные в Сибирь, и, что перед ними стоят две зада- Первая задача—наметить путь даль- шего развития России, опровергнуть зрушить методом марксизма все ста- народнические теории на счет того, Россия не будет развиваться через италчзм, что в России не будет ре- юционного пролетариата, что в Рос- вся сила в крестьянстве; другая за- а—создать научно-обоснованную те- ю о росте пролетариата, о том, что летариат в России неизбежно при- к социализму, и что путь к этому иализму лежит через низвержение одержавия, почему и необходимо, раясь на эти научные положения, дать боевую организацию рабочего сса. Влад Ил. отдался тогда обоим м задачам. В Сибири он написал игу, в которой научно обосновывал точки зрения марксизма) то пред- вление о развитии русского хозяй- а и русских классов, которое легло сле в основу всей его политической рьбы: эта книга называется «Разви- е капитализма в России». И в то же емя он обдумывал, как создать цен- альный орган боевой рабочей орга- зации. Он убедился на примере пер- го съезда, что эта организация, по- ольку она создается здесь, в России, д крылом царизма, с необходимостью осуждена на гибель. Он видел, с другой стороны, что рабочему классу России нужно пройти долгую школу для того, чтобы из области экономической борьбы подняться до борьбы политической. Он видел, вместе с тем, что целые группы интеллигенции и в России, и в Западной Европе употребляют все усилия для того, чтобы подменить революционный марксизм таким учением, которое признавало бы права рабочих на экономическую борьбу и на улучшение своего положения, но, вместе с тем, устраняло бы из марксизма все его революционные элементы. В России, к тому времени, сложилась даже целая группа, тоже состоявшая отчасти из рабочих, а, главным образом, из интеллигенции, которая говорила: пускай рабочие ведут борьбу на экономической почве, ведь, нельзя отрицать, что они живут плохо, что среди них большая смертность, постоянное недоедание, что они получают незначительный заработок. Пускай они ведут, поэтому, экономическую борьбу путем забастовок, но пускай не суются в борьбу политическую. Последняя,—говорили эти люди,—принадлежит буржуазии, которая и должна ее вести. Тем более, что обширные круги буржуазии тогда в России были настроены отчасти против царя.

Как же можно было осуществить тогда эти три задачи: дать научное обоснование рабочему движению в России, создать боевую сплоченную организацию передовых рабочих и вести самую яростную борьбу, идейную и организованную, со всеми партиями, которые сворачивали рабочее движение с истинного пути и, таким образом, очищали дорогу для буржуазии? Влад. Ил. выдвинул тогда план, который заключался в том, чтобы создать единый руководящий идейный центр не в России, а за границей. Находясь в постоянной связи с рабочими массами России, этот центр был бы тогда в безопасности от ударов царизма и мог бы постоянно руководить пропагандой, агитацией и организацией русских рабочих масс. Как только кончилась 3-хгодичная ссылка Вл. Ил—ча, он опять предпринимает объезд России, собирает группу наиболее преданных рабочих и интеллигентов и основывает

газету, которая в истории русского рабочего движения и в истории международного движения имеет громаднейшее значение. Газета эта называлась «Искра», и эпиграфом для нее были выбраны следующие слова: «Из искры возгорится пламя». Этими словами величайший русский поэт Пушкин ответил на воззвание декабристов. В них была выражена надежда, что из слабого и малого тогда еще рабочего движения возгорится, действительно, пламя революционного пожара. И вместе с тем этой фразой, взятой из переписки революционеров-дворян с Пушкиным, отмечалась и другая сторона, а именно—то, что рабочее движение поддерживает и хочет перенести в российский пролетариат те героические традиции революционной борьбы, которых не допускали тогда оппортунистские экономисты. Целью «Искры», по выражению Вл. Ил—ча, было создание «организации профессиональных революционеров». Профессиональный революционер, по мысли Ленина, должен был отдаваться весь и целиком революции. Он отнимал его от станка, от письменного стола, отнимал его от его обычной будничной работы и говорил: «русскому рабочему классу, раскинутому на громаднейшей территории, которому приходится вести борьбу не только с царизмом, не только с буржуазией, но с теми элементами, которые оттягивают его с правильного пути,—нужен железный костяк, вокруг которого можно было бы сложить революционную организацию пролетариев. Этот костяк должен создаться из людей, которые всецело отдадут себя революционной работе, для которых революция будет не украшением, не отдыхом от постоянных занятий, а профессией, такой же профессией, как и всякая другая, отличающаяся от других только тем, что здесь человек идет на гибель ради интересов целого класса». Влад. Ил. создал эту организацию, и целая группа товарищей, сплотившихся вокруг него, работала над тем, чтобы создать железный костяк пролетарской партии. И он был создан. Вся Россия, вскоре после того, как вышла эта газета (первый ее номер вышел в 1900 г.), покрылась сетью этих профессиональных, революционных ячеек, которые были связаны с заграничным центром и в то же время вели работу среди широких народных масс; на деньги, которые собирались рабочими массами, печаталась партийная литература, переводился Маркс, писались брошюры и воззвания. Тайным путем, при помощи необычайных ухищрений, о которых помнят, вероятно, и знают только старые революционеры, перевозилась эта литература через границу, через кордоны и царские заставы, ввозилась в рабочие города и распределялась по рабочим кварталам. И каждую неделю, каждый день из этих рабочих кварталов отправлялись в центры выдающиеся люди для того, чтобы регулировать и объединять это рабочее движение. На поверхности ничего этого не было видно. Буржуазная пресса создавала свои газеты, писала статьи, ученые издавали книги, все казалось так спокойно и мирно, что даже не происходили демонстрации. А внизу организация «Искры», эта первая ячейка нашей партии, вела кротовью, подпольную работу, и в каждом рабочем городе, на каждом заводе начинали узнавать, что есть какая-то партия марксистов, партия рабочей революции, которая стоит за рабочий класс и обучает рабочего, как ему надо бороться. После нескольких лет работы созван был второй съезд с.-д. партии в 1903 году. Первый съезд, как я уже сказал, не увенчался успехом. Организация, которая была создана им, была разбита, и потому наши товарищи не решились созвать съезд в России. Они созвали его за границей. Но если на первом съезде присутствовало только 12 человек — представителей от немногих союзов борьбы, то на втором съезде были представители уже более, чем от 500 организаций, имевших уже за своей спиной целый ряд удачных забастовок, настолько научившихся уже связывать свои действия, что в Одессе начинали забастовку лишь тогда, когда предварительно справлялись: поддержат ли ее екатеринославцы и киевцы, и как отнесутся к этому питерцы. На этом съезде (в августе 1903 г.) и была выработана первая программа российской с.-д. рабочей партии, которая полностью и целиком охватывала тогда те требования, которые предъявлял рабочий класс, и

тот путь, по которому он собирался итти. На этом же съезде произошел тот раскол на большевиков и меньшевиков, который очень долго разделял ряды рабочих, и названия от которого сохранились и до сих пор. В нескольких словах я сейчас остановлюсь на причинах этого раскола и на том, почему и как сложились эти фракции так-называемых большевиков и меньшевиков. Слова эти произошли от того, что на этом съезде Ленин, стоявший во главе тех, которых потом назвали большевиками, получил несколькими голосами больше, чем другая группа, во главе которой стоял Мартов, а впоследствии Плеханов. Так как сошедшиеся на съезд товарищи сошлись почти во всем — единогласно приняли программу, почти единогласно приняли целый ряд резолюций тактических и разошлись только по поводу некоторых чисто организационных вопросов,— то казалось, что все это пустячные разногласия, что это не более как спор фракций; и многие, не очень умные люди, говорили тогда, что это лишь склока, что, мол, перессорились люди, неведомо из-за чего, а потому надо им помириться и вновь объединиться. Но Влад. Ил., который стоял тогда во главе фракции большевиков, не шел ни на какие уступки и не соглашался ни на какое примирение. После этого его часто стали ругать и до сих пор продолжают бранить сектантом, человеком непримиримым, который ведет свою линию черезчур прямолинейно. И в этих упреках, которые с тех пор повторяются на страницах всей буржуазной прессы, есть значительная доля правды; ибо рабочий класс и его вожди, которые объявили борьбу всему буржуазному миру, которые вступили в эпоху мировых катастрофических революционных переворотов, если они желают, действительно, итти по правильному пути к победе, они не могут быть иными, как непримиримыми. В этой брани и упреках по поводу непримиримости сказывалось лишь то, что буржуазный и мелко-буржуазный мир все время пытался увлечь рабочий класс с того пути непримиримой борьбы, на который выводил его Ленин и та группа, которая с ним вместе отстаивала ортодоксальный научный марксизм. Им казалось недопустимым, чтобы рабочий класс отстаивал свои интересы, не идя ни на какое примирение с буржуазным миром, не сворачивая со своей дороги. И они говорили: вы сектанты, вы создаете какую-то секту людей, которые верят в будущую социальную революцию и не хотят обращать внимание на то, что делается вокруг них.—Мы же говорили: «Да, совершенно верно, что мы подбираем людей, которые действительно верят в правильность революционного пути развития пролетариата; что мы хотим создать авангард из рабочих, которые знают свою дорогу, и что ни на какие соглашения с буржуазными элементами мы не пойдем: но совершенно неверно, что мы отрываемся от жизни. Да, мы отрываемся от жизни мелко-буржуазной колеблющейся демократии, но мы тем самым связываемся с жизнью самых широких рабочих масс; что же касается до того, что мы отошли от жизни, что мы ее не знаем, что рабочие массы с нами не пойдут, то мы посмотрим и увидим это, когда рабочий класс будет увлечен в широкое массовое рабочее движение. Только сами рабочие могут разрешить этот спор. — Таким образом, то, что казалось вначале пустым организационным вопросом, из-за которого, как будто, не стоило спорить и ссориться, после, в развитии революционного движения, очень быстро наполнилось самым определенным классовым содержанием. Оказалось, что те споры, которые велись на втором съезде с.-д. партии в 1903 г., предвосхищали всю ту классовую борьбу, которая впоследствии развернулась на пространстве всей России. А борьба была чрезвычайно тяжела. На сторону противников Ленина встала тогда вся интеллигенция и все старые вожди с.-д.: Плеханов и другие члены группы «Освобождения Труда», которые первые положили теоретические основы марксизма в России. Ленин, как теоретик и вождь, остался один, и вот тогда-то в 1903 г. он переживал трудные моменты своей жизни. Он ходил тогда по горам Швейцарии и думал: «Не ошибаюсь ли я на самом деле? Быть-может, те авторитеты, которые десятки лет работают в рабочем движении—Плеханов, Засулич, Дейч или мои

же товарищи по редакции «Искры»— Мартов, Аксельрод, быть-может, правы они, и ошибаюсь я, проповедуя непримиримость в революционном движении рабочего класса? Быть-может, я действительно оторвался от рабочего класса и останусь в одиночестве»? И вот тогда-то, в одиночестве, он принял то решение, которое впоследствии всегда руководило его действиями. Оно заключалось в следующем: «Хотя бы и один, я останусь верен интересам революционного пролетариата; хотя бы и один, я буду проводить линию революционного марксизма; я уверен, что когда революционный пролетариат сам возьмет движение в свои руки, сам выступит на историческую арену, он пойдет по тому же самому пути, который я ему указал». Эта черта Влад. Ил-ча,— решимость остаться хотя бы в полном одиночестве, придерживаясь выбранной им линии поведения, эта черта сказалась и в другой чрезвычайно критический момент жизни не только русского рабочего класса, но и всего европейского пролетариата. Когда разразилась война (через 10 лет после событий, на которых я сейчас остановился), и когда все вожди 2-го Интернационала, все ученые и теоретики: Жорес, Каутский, Гаазе, Вандервельде, даже Гед и Вальян, связанные с первой пролетарской революцией в мире,—парижской коммуной 1871 г., склонились на сторону буржуазии, когда даже рабочий класс сам стал уклоняться в сторону империализма, и в нем не хватило достаточно силы, чтобы сейчас же дать отпор империализму,—только один Влад. Ил. сказал: «Пусть все вожди переходят на ту сторону, пусть рабочий класс сам ошибается и отдает себя на съедение империализму, я знаю, что путь революционного развития заключается в том, чтобы провозгласить войну войне, и, хотя бы я остался один, я это знамя буду держать, зная, что рабочий класс не может долго ошибаться, что он может быть завлечен на неправильную дорогу, но с нее он скоро вернется обратно». Как смеялись тогда над Влад. Ил., какими чудаками казалась та группа русских эмигрантов, которые там, в Швейцарии, оторванные от России, отгороженные от русского рабочего класса царскими кордонами, провозгласили в маленьких несчастных листках (которых нельзя было много печатать, потому что не было денег) войну войне и назвали изменником всякого, кто хотя бы один палец подал империализму! Их называли чудаками, фантазерами, но прошло всего несколько лет, и те, которые в тот момент казались чудаками, оказались на самом деле единственными, понявшими истинный смысл истории, единственными, усвоившими действительное направление исторических событий. И, когда после этих двух фактов, кто-либо в буржуазной печати говорит о сектантстве и об оторванности от жизни т. Ленина, так это на деле обозначает оторванность его от буржуазной жизни, от буржуазных предрассудков, но за то полное доверие именно к революционному развитию рабочего класса, ибо откуда могла взяться эта смелость отстаивать свои теоретические положения, когда, казалось, кругом нет для этого ни малейших благоприятных условий, притом это доверие основывалось на уверенности в том, что рабочий класс есть, действительно, революционная сила, не потому, что этого хочется тому или другому рабочему, но потому, что весь рабочий класс поставлен в такие условия, когда он неизбежно движется по пути социальной революции. Вот эта громадная вера в рабочий класс, непреодолимая уверенность в неизбежности социальной революции и составляет фундамент всей политической деятельности В. И. Ленина и фундамент деятельности всей нашей коммунистической партии в целом.

Ю. Каменев.

(Окончание следует.)

Северный Союз Русских Рабочих.

(К сорокалетнему юбилею).

В середине семидесятых годов прошлого века много разговоров среди правоверных народников-бунтарей, поддерживавших сношения с петербургскими рабочими, вызвало странное поведение столяра Степана Халтурина, уже в то время бывшего видной фигурой в революционном мире и пользовавшегося широкой популярностью в рабочих кружках Петербурга. Бунтарей повергло в изумление то, что Халтурин засел за книги и принялся почему-то усердно изучать европейские конституции. Такое пристрастие Халтурина к чтению неприятно поражало революционную молодежь. Питая глубокую и живую веру в то, что русский народ, в силу всего хода его истории, отмечен исключительной склонностью к социализму, и в то, что современная Россия сохранила в неприкосновенности все черты, характерные для старой Руси Степана Разина, Булавина и Пугачева, народники приходили к выводам, что социальная революция в России неизбежна, что русское крестьянство представляет из себя великолепный горючий материал, для воспламенения которого достаточно самой слабой искры, и что, вследствие этого, работа революционера сводится к роли спички, поджигающей костер, для чего ему нет надобности обладать ни продолжительной подготовкой, ни основательными научными знаниями. Бунтари не допускали мысли о том, чтобы усидчивый и усердный любитель чтения мог обладать, действительно, революционной натурой: «пристрастие к книге считалось недостатком, признаком холодного, нереволюционного темперамента». *) Поэтому-то интеллигентные народники, сталкивавшиеся с Халтуриным, известным им в качестве искреннего и преданного своему делу социалиста, совершенно не могли себе объяснить его усидчивой работы над книгами.

Охватившее их изумление еще более усиливалось от странного выбора книг, наполнявших тесную каморку, в которой жил Халтурин. Если бы Халтурин читал «Хитрую механику» или «Мудрицу Наумовну», или еще какую-нибудь из агитационных брошюр того времени, это было бы понятным и казалось бы вполне естественным, но европейские конституции!.. Кому и на что они нужны? Рядовой, не поколебавшийся еще в своих убеждениях бунтарь только руками разводил от изумления, не находя никакого разумного, с его точки зрения, ответа на этот вопрос, ибо его основная точка зрения заключалась как раз в том, что все имеющее отношение к политической борьбе в рамках существующего строя признавалось им исходящим от лукавого. В конституциях, в участии в парламентской жизни, в признании необходимости политической свободы он видел проявление буржуазности, недопустимый компромисс, губящий святое дело социальной революции, вредную ересь, против которой необходима упорная борьба. Мысль, незадолго до того высказанная одним видным западно-европейским общественным деятелем, что для истинного революционера легальные способы борьбы, в зависимости от обстоятельств времени и места, бывают столь же приемлемыми, как и нелегальные, что действительная революционность заключается в использовании, сообразно с условиями момента и открываемыми ими возможностями, и тех, и других средств борьбы,—была совершенно чужда социалистически настроенному русскому интеллигенту того времени.

---

[1]) Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Стр. ?

Для чего же, однако, изучал Халтурин европейские конституции? Дело в том, что в его уме зародилась мысль о создании в России рабочей партии, подобной социалистическим партиям Западной Европы. Размышляя над практикой стачечного движения в России, наблюдая неприкрытую, откровенную поддержку, оказываемую правительством капиталу, Халтурин пришел к выводу, что политическое освобождение русского рабочего класса должно стать очередной задачей, и что политические свободы нужны и полезны не только одной буржуазии, но и пролетариату, находящему в них необходимое и могучее средство в борьбе за свое окончательное освобождение. Халтурин почувствовал, что, говоря словами «Коммунистического манифеста», «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Поэтому-то он и принялся так усердно за изучение условий, в которых протекает эта борьба на Западе.

Необходимость объединения в сплоченную организацию разрозненных рабочих кружков, в немалом числе существовавших уже в Петербурге того времени, живо чувствовалась участниками этих кружков. Особенно сильно стремления к объединению проявились осенью 1878 года под влиянием упорных и продолжительных стачек на Новой Бумагопрядильне, на фабриках Кенига и Шау, воочию показавших деятелям рабочих кружков, как незначительны их связи с рабочей массой.

23-го и 30-го декабря 1878 г. состоялись собрания участников петербургских рабочих кружков. На этих собраниях были выработаны и приняты устав и программа «Северного Союза Русских Рабочих». С первых же дней своего существования Союз насчитывал не менее 200 человек; кроме того, вокруг него группировалось большое число сочувствующих, но пока еще не посвященных в организационную тайну рабочих. Во всех главных рабочих кварталах Петербурга были организованы особые кружки, имевшие свою кассу, конспиративную квартиру и комитет, заведующий всеми делами кружка. Члены всех местных комитетов входили в состав Центрального кружка, собиравшегося через известные промежутки времени для разрешения общих дел Союза. В распоряжении Центрального кружка находилась особая касса и значительная по количеству книг библиотека.

Планы у организаторов Северного Союза были широкие. Они имели в виду не только создать рабочие кружки в промышленных центрах северной России, но и сделать впоследствии свою организацию всероссийской.

Программа Союза резко отличалась от всех существовавших в России ранее социалистических программ. Все эти программы имели одну общую черту, обусловленную самым миросозерцанием их составителей: в них отсутствовали требования, из которых слагалась программа-минимум позднейших социалистических партий. Стремясь к социальной революции, казавшейся делом ближайшего будущего, и относясь отрицательно к деятельности чисто политического характера, народники, как лавристы, так и бакунисты, не стремились к каким-либо реформам в рамках существующего строя, считая их скорее вредными, чем полезными для конечной цели движения. Поэтому, все положения и принципы, которые находили себе место в их программах, относились к тому светлому будущему, которое должно наступить после социального переворота. В пределах же существующего строя все их стремления и желания сводились к охранению и поддержанию общины, промысловых артелей и иных «устоев», которые, по их мнению, создавали и поддерживали в русском крестьянстве навыки к мирской, общинной жизни, «социалистическое миросозерцание».

В. программе «Северного Союза» впервые в России появилась часть, заключающая в себе то, что называется программой-минимум.

Программа Северного Союза выдвигала на первое место ряд социалистических требований, мало чем отличавшихся от положений, заключавшихся в программах народников: тут были и ниспровержение существующего политического и экономического строя, и учреждение свободной федерации общин, основанных на политической равноправности и полном самоуправлении «на началах русского обычного права», и уничтожение поземельной

собственности с заменою ее общинным землевладением, и ассоционная организация труда, предоставляющая в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства. Но, на ряду с этим, программа заключала в себе ряд «непосредственных требований», осуществимых и до коренного социального переворота. Союз включал эти требования в свою программу на том основании, что «политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий», и что «ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса». Среди этих требований мы находим: свободу слова, печати, собраний, передвижения, уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям, обязательное и бесплатное обучение, полное самоуправление сельской общины, уничтожение сословных прав и преимуществ, замену постоянных войск вооружением народа, отмену косвенных налогов и установление прямого подоходного и наследственного налогов, ограничение рабочего времени и запрещение детского труда, учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

В настоящее время нетрудно критиковать эту программу; легко находить в ней недостатки, пробелы и ошибки. Гораздо труднее представить себе ту громадную умственную работу, которую необходимо было проделать для составления такой программы в России конца 70-х годов. Для этого необходимо было не только преодолеть массу предрассудков, из которых слагалось традиционное мировоззрение народников, но и проникнуться еще теми скрытыми великими возможностями, которые были заложены в только-что начинающемся русском рабочем движении. Старой интеллигентской Руси, не отводившей пролетариату никакой самостоятельной роли и возлагавшей все свои надежды на крестьянские бунты, в программе «Северного Союза» противостала новая едва зарождающаяся пролетарская Россия. Народники поняли, что что-то новое готовится притти им на смену. Они знали, с какой мало скрываемой насмешкой относился Халтурин к интеллигентскому народолюбию и радикализму, в которых он видел лишь проявление поверхностного и скоропреходящего настроения, без следа испаряющегося при получении теплых местечек; [1]) знали они и о том, что лишь в русском пролетариате и в его движении видел Халтурин будущее русской революции.

Опубликование программы «Северного Союза» вызвало укоризненное покачивание головой и неодобрительные отзывы со стороны правоверных, ревниво блюдущих чистоту и незапятнанность своего учения народников, увидевших в этой программе много еретического, противоречащего традициям и установившимся взглядам. Посвященная этой программе передовая статья № 4 «Земли и Воли» усматривала в ней «смешение програм различных западных социалистических партий». «Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров... а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов. Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле,—а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе, даже не дебатируются». Негодует автор статьи и на то, что в программе «аграрные вопросы оставлены втуне». «Неизвестно, намерен ли «Северный Союз» требовать всеобщего крестьянского передела земли, или же он думает подойти к этому вопросу путем последовательных реформ» [2]).

Для того, чтобы оценить вполне, насколько сухим был этот прием, оказанный народнической «Землей и Волей» программе «Северного Союза», надо учесть то крайне отрицательное отношение, какое деятельность германской социал-демократической партии встречала в среде наших народников, отвергавших самую мысль об организации

[1]) Плеханов, назв. соч. Стр. 81.

[2]) В. Богучарский. Революционная журналистика 70-х годов. Стр. 200—201.

самостоятельной рабочей партии, как предосудительную, и видевших в деятельности и «лассальянцев», и «эйзенахцев», и партии, возникшей через их слияние, одип сплошной компромисс с буржуазным строем, тибельную для дела социальной революции «постепеновщину». С этой точки зрения замечание цитированной передовицы «Земли и Воли» о том, что программа «Северного Союза» содержит в себе заимствования из программы германской социал-демократии, было самым суровым приговором, какой только можно было представить.

Однако, такой приговор не испугал организаторов Союза и не заставил их поступиться ничем из своих взглядов. На статью «Земли и Воли» они ответили блестящей отповедью. В № 5 «Земли и Воли» появилось их ответное письмо. Упрек о заимствовании части программы из программ западно-европейских партий они удачно парировали указанием на то, что «если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то—из чьих мыслей и слов это суждение». Переходя к указанию на «смешение социалистических требований с конституционными», авторы письма развивают соображения, показывающие, что в политической свободе они видят средство, необходимое для успешности борьбы за социальное переустройство, и что в общем они строго придерживаются основного положения, высказанного в уставе Интернационала и тласящего, что «экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство». «Наша логика в данном случае коротка и проста,—пишут авторы письма.—Нам нечего есть, негде жить,—и мы требуем пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения, — и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды.—вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений». Такое требование тем более удобно, что оно по вкусу говорунам,—этим деятелям будущей всероссийской говорилки,—следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы политическая свобода входила в наши особенные планы и рассчеты, и что для нее мы отводим столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса, а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть опять весьма важное условие для желательного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что, ради осмысленности социальной революции, мы желали бы оттянуть ее на бесконечно длинное время. Вовсе нет, мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле» [1]).

Мы привели эту выдержку из письма рабочих не только для того, чтобы читатель мог ясно представить себе, насколько прав был Г. В. Плеханов, когда он впоследствии писал, что «к началу 1879 года рабочее движение переросло народническое движение на целую голову» [2]), но также и потому, что она прекрасно характеризует взгляды членов «Северного Союза» как на значение политической свободы, так и на роль парламентов. Мы видим, что в программе—минимум Союза отсутствовало требование народоправства. Халтурин и его товарищи придавали гораздо более важное значение закреплению гарантий личности и установлению по-

[1]) Богучарский. Стр. 257—8.
[2]) Плеханов, назв. соч. Стр. 66.

литических свобод, чем участию рабочих в парламентской жизни. В своем отношении к представительным учреждениям они не освободились еще вполне от народнических предрассудков и поэтому недооценивали того значения, которое может иметь участие пролетариата в избирательной борьбе и присутствие его представителей в стенах законодательных учреждений. Впрочем, необходимо оговориться, что и в этом отношении их взгляды не были столь необоснованными, как это может показаться в настоящее время. В конце 70-х годов русский пролетариат переживал свои детские годы и в силу своей слабости, неорганизованности и малочисленности вряд ли мог рассчитывать на то, что в российском парламенте найдется место для его представителей.

Не оставили без ответа авторы письма и упреков в игнорировании аграрного вопроса. Они не отрицают, конечно, необходимости коренного переворота в земельных отношениях; однако, вместе с этим, они признают полезность некоторых мер, направленных на поднятие благосостояния русского крестьянства, проведения которых в жизнь должно добиваться, не выжидая социальной революции. «Увеличение наделов, сообразно потребностям семьи, на счет незанятых и помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельскохозяйственных училищ,—вот что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить со своей стороны необходимыми требованиями»,—пишут авторы ответа [1]). Конечно, и при таком добавлении их аграрная программа была слишком узка и в этом отношении могла вызывать справедливые нападки. Однако, ее неразработанность имела также объективные основания и объяснялась тем, что рабочие далеко не разделяли бунтарских надежд на крестьянство. Сочувствуя его бедствиям, «выварившиеся в фабричном котле» рабочие несколько свысока и даже не без презрения смотрели на «серого» мужика; наиболее же увлекающиеся из них даже говорили: «крестьяне—бараны, они никогда не поймут революционеров» [1]).

«Северный Союз Русских Рабочих» просуществовал недолго. Мечты о создании всероссийской рабочей организации остались мечтами. Союз погиб, прожив лишь около трех лет. Одни объясняют его гибель предательством, проникших в его состав агентов полиции, супругов Рейнштейн, и последовавшими за этим массовыми арестами деятелей Союза. Другие говорят о его внутренней слабости, ставшей особенно заметной после того, как Союз лишился своего главного руководителя Степана Халтурина, потерявшего, под влиянием ряда арестов и провала редактируемого им первого номера издаваемого Союзом журнала «Заря Рабочего», веру в возможность и целесообразность каких-либо иных способов политической борьбы, кроме направленных на непосредственную «дезорганизацию правительства», как тогда выражались, и вследствие этого с головою «ушедшего в террор». И те, и другие правы, но лишь отчасти. Союз не нашел в себе достаточно сил, чтобы воскреснуть после понесенного им разгрома, лишившего его целого ряда видных и энергичных работников, в том числе великолепного организатора слесаря Виктора Обнорского, жившего ранее в Западной Европе и познакомившегося с местным рабочим движением. Не менее справедливо и указание на то значение, которое могло иметь устранение Халтурина от работы в Союзе после того, как у него зародилась мысль, что смерть убитого рукою рабочего царя «принесет с собою политическую свободу, а при политической свободе рабочее движение пойдет у нас не попрежнему; тогда у нас будут не такие союзы, с рабочими же газетами не нужно будет прятаться» [2]). Но на ряду с этими причинами были и другие, имевшие гораздо большее значение. Члены Союза являлись лишь малочисленными, наиболее сознательными единицами, терявшимися в рабочей массе. Иначе и быть не могло, так как эта масса состояла из людей, не порвавших еще связей с землей и неизжив-

[1]) Богучарский. Ст. 259.

[1]) Плеханов, назв. соч. Стр. 12.

[2]) Плеханов, назв. соч. Стр. 90.

ших, вследствие этого, всех иллюзий, тормозящих развитие рабочего движения. Запоздалость и слабость капитализма обусловливали недоразвитость классового сознания в рядах русского пролетариата того времени. При таких же условиях неудача Союза была неизбежной. Дело его основателей заранее обрекалось на неуспех, так как они сами были лишь

«Слишком ранние предтечи слишком медленной весны».

Другой вопрос: бесследно ли для русского рабочего движения прошла их героическая попытка поднять русский пролетариат на борьбу за освобождение. Нельзя, конечно, переоценивать значения «Северного Союза», но достаточно признать лишь одно, чтобы оправдать его существование: мы знаем, что, когда немного лет спустя Г. В. Плеханов, на основании изучения трудов Маркса и Энгельса и практики западно-европейского рабочего движения, пришел к выводу, что революционное движение в России может победить только, как революционное движение рабочего класса, перед его умственным взором носился образ ранее его понявшего эту истину революционера - рабочего Степана Халтурина.

Б. Павлов.

Парижская коммуна в истории и литературе.

В истории XIX века горят ярким огнем героизма, блещут незабываемым искрометным снопом красочных переживаний страницы титанической борьбы парижского пролетариата с буржуазно - реакционным правительством. Страницы эти залиты кровью, испещрены тысячами жестокостей и убийств, какими опозорили себя победители—буржуа.

Парижская Коммуна! В одних она вызывает взрыв восторга, в других—«дрожь ужаса». Победители - буржуа стали забрасывать ее грязью клеветы и лжи еще тогда, когда продолжала дымиться не остывшая кровь тысячи расстрелянных и замученных коммунаров. Не закончились еще ссылки и казни участников Коммуны,—вернее тех, кого подозревали только в участии, иногда без всякого основания,—как услужливые перья ученых и неученых заработали во всю. Заработали пристрастно и враждебно. Тучи печатных листов выбрасывались на рынок, чтобы добить морально и без того грубо и беспощадно раздавленного противника.

В чем дело? Почему реакционеры-буржуа так неистово ополчились на своих же братьев-французов, разделываясь с ними хуже, чем с разбойниками больших дорог? Причина проста: Коммуна—первая истинно пролетарская революция, та первая пролетарская борьба, когда рабочие батальоны бесстрашно грудью своею защищали не свое личное счастье, а счастье всего человечества. Парижская Коммуна—путеводный маяк, мощный факел, зажженный на повороте тяжкого тернистого пути пролетариата к царству социализма.

В 1871 году впервые парижский пролетариат попытался захватить в свои руки власть и «использовать ее на пользу рабочих, минуя излишних посредников».

Коммуна—классический пример ожесточенной классовой борьбы, показывающий, что эта борьба не знает ни национального родства и единства, ни того «братства», о котором так громко и гордо говорила когда-то буржуазия. Классовая борьба—хуже всяких битв, войн и сражений, потому что она не знает ни, так-называемых, законов войны, ни законов человечности, не щадит ни старого, ни малого, ни женщин, ни детей.

И теперь, когда человечество стоит на пороге самой страшной последней борьбы рабочего класса с мировым империализмом, когда борьба готова разыграться в мировом масштабе, уместнее всего вспомнить о Парижской Коммуне, этой первой ласточке в истории чисто пролетарского движения.

До 1905 года книги по истории Коммуны, вообще, не были доступны русскому читателю, благодаря цензурным скорпионам, и, кажется, нет ни одной книги, датированной годами конца прошлого столетия, за исключением разве **Ватсона—«Эпилог прусско-французской войны»,** изданной еще в 1876 году [1]).

Можно сказать, что первые годы после подавления Коммуны были наводнены литературой, изливающей ушаты помой на тех, кто своей кровью запечатлел приверженность идеалам рабочего класса. Мертвым было безразлично, какую клевету придумают на них победители, но сами буржуа, выкупавшись в крови, спешили оправдаться перед «общественным мнением», доказать белизну своих рук, свалить все с больной головы на здоровую.

И не удивительно, что книга Ватсона появилась в России уже в 1876 году: написана она, как заявляет сам автор, «на основании подлинных исторических документов», т. - е. оффициальных материалов, изданных правительством

[1]) Единственная монография о Коммуне русского автора; книгу Инсарова «Современная Франция», изд. «Знание». Спб. 1900 г. считать не приходится, хотя там—чрезвычайно интересны главы о Коммуне.

Тьера сейчас же после подавления Парижа (Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars). В этой «анкете» есть, между прочим, и показания самого г-на Тьера, этого жестокого карлика, задумавшего и приведшего в исполнение кровавую парижскую баню, того самого Тьера, о котором даже многие противники Коммуны не могут говорить без злобы и раздражения.

Не удивительно, что в глазах Ватсона история Коммуны—«трагикомедия».

Только во время революции 1905 г. и после нее (недолгое время) на русский язык было переведено и выпущено в свет до 15 брошюр и даже несколько значительных трудов, освещающих историю Коммуны с точки зрения идеологии рабочего класса.

В числе их, прежде всего, следует отметить классический труд **К. Маркса**—«Гражданская война во Франции», представляющий из себя воззвание, опубликованное от имени Генерального Совета Интернационала по поводу происходивших во Франции событий. Маркс в кратких словах метко и верно определил сущность Коммуны. Она—«правительство пролетариата». Рабочий класс осуществляет правительство, выступающее защитником пролетариата. «Коммуна уже с самого начала должна была признать, что рабочий класс, раз он призван к власти, не может успешно хозяйничать при старой государственной машине». Она явилась противовесом той системы порабощения, какая создалась во время империи Наполеона III, потому и вылилась в форму социальной республики, единственной, освобождающей от угнетения. Именно к этой форме стремился рабочий класс еще со времени революции 48 года.

«Мировым событием было уже то, что простые рабочие впервые **покусились** (курсив мой) на привилегию власти их «естественных владык», имущих классов и выполнили при безмерно тяжелых условиях свою работу скромно, добросовестно и прочно».

Ф. Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» отмечает то удивительное обстоятельство, что организация Коммуны шла совсем не по тому направлению, какое навязывали ей, по крайней мере, должны были навязывать, ее вожди и руководители. «Там были прудонисты, последователи Прудона, проповедывавшего социализм мелкого крестьянства, ненавидевшего ассоциации или только терпевшего их. Меж тем декретом Коммуны предписывалась организация крупной промышленности, для которой не только требовалась рабочая ассоциация на каждой фабрике, но даже нужно было объединить все отдельные ассоциации в один союз». В Коммуне были бланкисты-заговорщики, сторонники крайнего централизма, а, между тем, вводится федерация и выборное начало на судебные и административные должности и выбор учителей. Коммуна «пошла по стопам марксизма», делая не то, к чему стремились ее идеологи, а осуществляя на деле «диктатуру пролетариата».

Такова «философия Коммуны», созданная Марксом в его небольшой брошюре. [1])

Другое дело: была ли Коммуна последовательной, сохранила ли она характер диктатуры рабочего класса, силой обстоятельств выпавший ей на долю.

С этой точки зрения подходит к истории движения английский социалист **Б. Бакс** в брошюре «Парижская Коммуна 1870—1871 гг.»,[2]) резко критикуя и муниципальное собрание Коммуны, и центральный комитет, и комитет общественного спасения, образованный в конце апреля. Вожди Коммуны, все эти прудонисты, бланкисты и якобинцы, совершенно лишены всякой организации, часто проводят время в праздной болтовне, «принимая иногда меры, сами по себе, может-быть, и превосходные, но совершенно неподходящие к моменту». Таково, например, разрушение Вандомской колонны в то время (16 мая), когда Париж находился уже в агонии, когда во все его ворота стучались версальские солдаты. Надо было напрячь все силы на оборону Парижа, а не заниматься такими пустяками.

От таких действий получается впечатление, как если кто-нибудь стал бы снимать паутину или выметать сор из дома, охваченного пламенем!

---

[1]) Есть несколько русских переводов; лучшие—издание «Донской Речи». Спб. 1905 г. и, под редакцией Н. Ленина, издание «Прибой». Спб. 1917 г.

[2]) Издание «Донской Речи». Спб. 1905 г. и Петроградского Совдепа. 1918 г.

Раздоры большинства, состоящего из старых революционеров и республиканцев, пытавшихся жить традициями Великой Французской Революции, с социалистическим меньшинством! Никуда негодная оборона, слова, слова, декреты, прокламации! И нет дела, живого, нужного, исключая частичных попыток разных лиц и комиссий (например, комиссии труда)!

Излагая историю Коммуны, Бакс преследует практические цели: она должна служить уроком для социалиста. «Народный взрыв может произвести революцию, но без организации она приведет лишь к путанице».

Отсутствие организации в рабочем классе и служит причиной того, что Коммуна сходит с пути, намеченного ходом событий, перестает быть последовательной, как пролетарское правительство.

Жестокая травля Коммуны, поднятая прессой после ее поражения, целый ряд обширных трудов, враждебных Коммуне (например, Maxime du Camp «Les Convulsions de Paris», не переведена) побудили **Лиссагарэ** написать обстоятельный труд «История Парижской Коммуны» с подзаголовком: «Пусть знают». [1]

Автор, сам участник Коммуны, подробно разбирает это «величайшее событие столетия, самое удивительное проявление той народной силы, которая берет «Бастилию», устраивает все революции, вспыхивавшие во Франции на протяжении почти целого столетия». Этот непрерывный революционный поток несется через нашу историю, то обнаруживаясь, то скрываясь под землей, как те реки, которые вдруг исчезают в бездне или песках, чтобы вновь появиться перед удивленным солнцем».

Лиссагарэ, сам участник Коммуны, так-сказать, рядовой боец ее, не занимавший никаких командных должностей, никаких ответственных постов в комитетах или комиссиях, пишет книгу не только по своим личным воспоминаниям. Он тщательно подбирает все доступные для него документы, шаг за шагом следя за развертывающимися событиями, начиная с последних лет империи Наполеона III.

Однако, в обстоятельном рассказе, изобилующем многочисленными подробностями, читатель напрасно стал бы искать указания причин, вызвавших движение в том виде, как оно вылилось. Почему в Парижской Коммуне играют руководящую роль социалистические элементы? Лиссагарэ считает движение коммунистическим, но почему? На это он не отвечает, занятый внешней драматической стороной движения.

Таким образом, перед нами не историческое исследование, а скорее воспоминания современника и участника, тщательно проверенные по историческим документам. Другого от книги Лиссагарэ нельзя и ожидать. Поставив подзаголовок: «Пусть знают», автор сам определил задачу самого труда. Прежде всего, ему важно опровергнуть всю ту ложь и клевету, какими забросали «победители» великое движение пролетариата, очистить от грязи память десятков тысяч павших борцов. Для этого не надо было прибегать к уловкам и передержкам, достаточно — восстановить истину. Такова была задача Лиссагарэ, выполненная им с должной полнотой и внимательностью.

Совсем другие мысли занимают **Артура Арну** [1]), деятельного участника Коммуны, депутата, игравшего в ней довольно видную роль, в его книге «Народная история Парижской Коммуны» [2]).

«Я стремлюсь,—пишет Арну,—главным образом, познакомить с социальной идеей, которая явилась результатом этого великого народного движения, и ясно отметить новый поворот революционной мысли 18 марта».

«Настоящий труд тем более необходим, что великая, оригинальная и столь самобытная идея, свидетельствовавшая о новом огромном прогрессе в логическом развитии народных требований,

---

[1]) Есть несколько русских переводов; лучший под редакцией Н. А. Рожкова со вступительной статьей Мендельсона, изд. Мягкова «Колокол». 1906 г.

[1]) Малограмотные переводчики передают в некоторых брошюрах это имя по-русски «Арнульд» (по-французски «Arnould»), давая этим повод смешивать Арну с другим деятелем коммуны—Арнольдом.

[2]) Есть несколько русских изданий; последнее—издание Всерос. Ц. И. К. Сов. Р. и С. Деп., в переводе Александрова. Из его совести оставляем искажение имен: например, первый председатель Коммуны Белэ (Beslay) назван Б..лаем (стр. 114).

вынуждена не только защищаться от гнусных клевет врагов,—это, в конце-концов, легко,—но и от извращений со стороны мнимых сторонников ее, которые, по непониманию, видят в ней одно из периодических проявлений старого авторитарного якобинства».

Арну, главным образом, занимают, поэтому, два вопроса: «что нового в программе Коммуны»? и «чем отличалась она от старой программы революционных якобинцев»?

Чтобы понять, почему именно эти два вопроса занимают автора, необходимо вспомнить, хотя бы вкратце, ту партийную борьбу, какая велась на заседаниях Коммуны, или,—как называли ее умеренные буржуазные элементы Парижа, — «Городского Совета». Этот «Совет» состоял из огромного большинства старых якобинцев, считавших движение 71 года продолжением Великой Французской Революции и революции 48 г. (Делеклюз и многие другие). К ним примыкала молодежь Латинского квартала, будирующая, полная энтузиазма (Риго), но вряд ли имевшая сколько-нибудь правильное представление о происходящих событиях. Тут же в большинстве были и последователи Бланки с их заговорщицкими замашками и теориями крайнего государственного централизма. Оппозицию, меньшинство составляли деятели Интернационала, сторонники крепко внедрившихся во Франции идей Прудона с прямо противоположной бланкистам и старым якобинцам программой крайней федерализации, широкой административной и политической автономии отдельных городских и сельских общин (коммун).

Идею «коммунизма», т.-е. крайней федерализации, и защищает в своем труде А. Арну, как представитель меньшинства. Он как бы продолжает полемику со своими идейными противниками на заседаниях Коммуны.

«Долой централизм! Долой единство! Долой сильную власть!» — восклицает он в конце книги—«Автономия групп и союз автономных групп»!

В этом ценность книги Арну, но в этом и ее слабость. Доказывая свою основную мысль, он перестает быть беспристрастным историком. Наоборот, сильно и страстно нападает он на своих противников, достигая заоблачных высот революционного пафоса, яркого, бьющего и захватывающего.

«Долой единство!» Эти слова впервые провозгласила Коммуна и сделала попытку провести их в жизнь.

«Франция совершила 4 раза победоносную революцию, и 4 раза народ, еще весь покрытый потом и пылью битвы, видел, как эта революция готова попасть в руки врагов народа. В четвертый раз он видел себя перед этим явлением, когда, опрокинув тирана, он не подавил тирании, когда правительству — притеснителю идет на смену другое правительство—притеснитель. Народ ничего не выиграл взамен: единство, централизация и их прямая дочь—власть остались на развалинах сгнившего трона».

«Он сменил тюремщика, но толстые стены тюрьмы, ее слуховые окна, заделанные железными решетками, все еще возвышаются между ним, победителем, и чистым воздухом свободы».

Гоняясь за «федерализмом», А. Арну проглядел истинный характер движения, кратко и ясно определенный К. Марксом. Не народ, вообще, а пролетариат, вот кто истинный двигатель Коммуны.

От близкого участника, непосредственного деятеля Коммуны, «в личных воспоминаниях и заметках» рассказывающего то, что он «сам видел и сам проверил с возможно большим беспристрастием», нельзя требовать цельного исторического исследования.

Характером воспоминаний объясняются излишние подробности, наполняющие книгу, и те полные едкого сарказма характеристики, какие Арну дает деятелям «правительства обороны» (Ж. Фавр, Трошю, затем сам Тьер)!.

Рядом с А. Арну стоит и другой представитель «меньшинства» Коммуны **Г. Лефрансе.** Его книжка «Etude sur le mouvement communaliste» [1]) к сожалению не переведенная, отражает те же «коммунистические идеи», ту же, с нашей точки зрения, побочную сторону движения, как и у предыдущего автора. Переведенная на русский язык брошюра **Лефрансе «Воспоминания**

[1]) Neuchatel. 1871 г.

Коммунара» [1]) ничего нового не вносит в историю Коммуны.

Читателю, желающему познакомиться с историей Коммуны в изложении историка исследователя, необходимо взять труд **Дюбрейля «История Коммуны»**, напечатанный в XI томе «Социалистической Истории Франции» под ред. Ж. Жореса [2]).

События, связанные с Коммуной, автор черпает не только из воспоминаний современников, как Лефрансе, Артур Арну, Белэ, Малон, Люлье, Клюзере, Винуа (последние не переведены на русский язык), но и из оффициального журнала Коммуны (Journal officiel de la Commune). Ему удалось использовать протоколы заседаний Коммуны, как известно, в первое время закрытых. Это— любопытные, наскоро составленные заметки на листках бумаги, отрывочные записи секретарей, оборванные и неполные. За то они отражают спешную нервную работу Коммуны и вскрывают сущность идеологии ее вождей.

Разобрав весь материал, Дюбрейль приходит к выводам, естественным для всякого маркписта. Почему Коммуна, имея в своем распоряжении огромные средства, оружие, крепость, считавшуюся неприступной, деньги,—почему она потерпела поражение?

Все зависит от ее характера и сущности. Коммуна—типично рабочее движение, не понятое и во время неиспользованное ее вождями, применившими по традиции прежние революционные способы до организации «Комитетов общественной безопасности» включительно. «Революция, пользуясь прежними способами, не могла быть плодотворной, потому что буржуазия, оставшаяся благодаря своим способностям существенным фактором движения, отказалась стать во главе его, чтобы завоевать еще новый этап; революция же, которая бы воспользовалась новыми способами, еще не была возможна: пролетариат, который должен был явиться ее реализатором и деятелем, только впоследствии научится лить и ковать усовершенствованное оружие, необходимое для его борьбы».

Коммуна — движение спутанное и смутное, развившееся, как и большинство революций не по предвзятому плану. Это «рабочая инсуррекция, бессознательно социалистическая».

Большинство вождей коммуны, далеко не социалисты, должны подчиниться общей пролетарской волне движения, робко и ощупью намечая пути социализма.

«Париж,—пишут они в одном бюллетене, — оставляет за собой право создать учреждения, которые могли бы... сделать общим достоянием власть и собственность, сообразно с потребностями момента, желаниями заинтересованных и данными, доставленными практикой».

Вождям коммуны, в общем добросовестным и полным энтузиазма людям, но плохо организованным, пришлось налаживать огромное дело государственного строительства, на каждом шагу натыкаясь на саботаж правительственных чиновников, в большинстве отозванных Тьером в Версаль. Что же удивительного, если дело плохо ладилось, и многие начинания оставались мертвой буквой. Удивительно то, как без заранее налаженной организации, сами организуясь и создавая все заново, вожди Коммуны сумели сделать то, что они сделали.

Дюбрейль думает, что вожди проморгали удобный момент: революция запоздала на полгода; она должна была совершиться во время осады Парижа пруссаками. В осажденном городе немыслим был бы саботаж буржуазного чиновничества, не разрушены были бы налаженные аппараты. Конечно, это относится к области предположений, неуместных в историческом труде, оправдываемых только с точки зрения партийного работника социалиста, желающего использовать так или иначе уроки истории.

Результаты Коммуны, несмотря на ее поражение, все же были ощутительны: она закрепила во Франции республику, несмотря на явное стремление собравшегося в Версале «сиволапого мужичья» провозгласить монархию.

Для пролетариата Парижская Коммуна—светоч, горящий неугасимым огнем во мраке ночи, предрассветная заря, загорающаяся накануне мощного, организованного, всезахватывающего

[1]) Изд. «Простор».

[2]) Перевод Тютчева. Изд. «Даль». 1908 г.

рабочего движения. Широкая картина—благодарный материал для речей в мартовские дни, связанные с борьбой коммунаров в Париже. Видные социалисты произносили и произносят много речей о Коммуне, но в русском издании встречаются всего две: **Либкнехта—отца** и **Вандервельде.** Первая из них **«Мартовские дни»** произнесена на собрании певческого рабочего ферейна в Гамбурге в 1891 году. О Коммуне здесь всего две-три страницы, но они полны захватывающего энтузиазма и преклонения перед величием скромных борцов, отдавших и кровь свою, и жизнь за будущее счастье народов. Либкнехт указывает на Коммуну только как на точку, откуда мощно стало развиваться среди рабочих социал-демократическое движение, попутно указывая, как много сумела сделать Коммуна за два месяца своего существования, устранив необычайную нищету в осажденном Париже, наладив дело школьного образования, урегулировав вопросы труда, отменив смертную казнь и т. д.

Брошюра **Вандервельде «Парижская Коммуна»** [1])—его речь, сказанная на собрании избирателей. Здесь очень хорошо рассказана деятельность Коммуны, опровергнуты в большинстве случаев нелепые обвинения, какими засыпала буржуазия поправшего врага, распространяя небылицы о кровожадности и зверствах коммунаров, совершенно забыв о той гекатомбе, которую она принесла в жертву идее «неприкосновенности собственности» и «законному порядку».

Из нескольких научно-популярных брошюр о Коммуне на первом месте следует поставить **Эрнеста «Парижская Коммуна»** [2]).

«Чтобы защищать Коммуну от реакционеров»—пишет редактор брошюры Жюль Дестре,—«нужно ее знать. Чтобы понять неопределенное и несовершенное в этом восстании, нужно его знать. Чтобы понять необыкновенную важность организации рабочих, чтобы остерегаться составителей систем и идеологов, чтобы смело осуществлять практические меры, нужно знать Коммуну».

Однако рабочие не могут знакомиться с Коммуной по многочисленным томам, относящимся к этому движению. Эрнест ясно, хотя и сжато, изобразил все движение событий, имея в виду именно рабочую аудиторию. Автор хорошо знаком с обширной литературой предмета, удачно пользуется цитатами, как из работ, вышедших до него, так и из документов. Жюль Дестре вполне прав, рекомендуя читателям эту содержательную книгу; «они найдут в ней, во всяком случае, серьезное и обдуманное убеждение, освещенное двойным светом истины и справедливости».

Книжка **Альберта Тюрлян «Парижская Коммуна 1871 г.** [1]) написана со специальной целью показать на историческом примере, почему социалисты выставляют в своих программах лозунги, бывшие «лозунгами коммунаров»: «Да здравствует вооруженный народ», «Да здравствует всемирная республика». В брошюре читатель найдет краткий очерк истории городских коммун Франции и их давней борьбы с феодалами и королями за независимость: восстание Лана в 1070 г., борьба Парижа и его мера Этьена Марсель в 1357 г. Очерк этот является, пожалуй, излишним, разъясняя только конкретное содержание слова—«коммуна», что можно было сделать и без столь значительной экскурсии в область прошлого. На самом деле средневековые коммуны имели мало общего с Коммуной 1871 г.

Прекрасна приведенная целиком у Тюрляна прокламация Коммуны к крестьянам. В ней все: сила мысли и убеждения; она дышит подлинно братским чувством и высоким революционным подъемом. Вот конец ее:

«Итак, Париж хочет: земли—для крестьян, средств производства—для рабочих, работы—для всех.

Плоды земли тем, кто ее возделывает. Пусть не будет больше ни слишком богатых, ни слишком бедных...

Да не будет более работы без отдыха, ни отдыха без работы...

Что бы ни случилось, помните: революции будут происходить до тех пор.

---

[1]) Издание Всерос. Ц. И. К. Сов. Р. и С. Деп. 1918 г.

[2]) Издание Мягкова. М. 1906 г.

[1]) Изд. «Знание», Спб. 1906 г. и Петроградского Совдепа. 1918 г.

пока не будет достигнуто — земля — крестьянам, орудия—рабочим, работа—всем».

Анархический характер идеологии последователей Прудона дает право **П. А. Кропоткину** [1]) утверждать, что и вся революция 71 года была движением анархическим. Погибла она только потому, что выбрала коммунальный совет, навязала себе власть, чего ни в коем случае не должна была делать. В этом ее ошибка, от этого и гибель. Будущие революции будут безусловно анархическими. Собственно об истории самой Коммуны Кропоткин говорит очень мало, почти ничего, заполняя брошюру бездоказательными и совершенно неубедительными рассуждениями об анархизме.

На мгновение перенесемся за 47 лет назад, представим себе Париж, расцвеченный красными флагами, усеянный баррикадами, прислушаемся к грохоту выстрелов со стороны Версаля, проследим за рядом федералистов-коммунаров, по-батальонно шагающих, черных от порохового дыма и пыли, туда, где сеют смерт картечницы и шаспо [2]). Войдем на минуту в жизнь Парижа. Сколько переживаний, сколько радостей и сколько горя, сколько тревог! Переживите все это, переживите и те ужасы, какие принесли с собой победители версальцы, завладев Парижем, сея смерть без разбора, расстреливая не только мужчин, но и женщин, детей, старых и малых, не разбирая и не щадя ни правых, ни виновных. Конечно, все это трудно пережить и перечувствовать мысленно. Возьмите тогда книжку **Луизы Мишель «Коммуна»** [3]). Это, главным образом, личные переживания участницы, сражавшейся в рядах коммунаров, как рядовой солдат. Начав с попытки написать историю Коммуны, автор доводит ее только до начала борьбы с версальцами, широко пользуясь выписками из других авторов (Малон, Рошфор; на русский язык не переведены) и из прокламаций, расклеивавшихся по улицам Парижа. Но воспоминания захватывают, и Л. Мишель переходит к описанию личных переживаний. Жизнь полная тяжелого труда, но зато разнообразная и интересная.

Однажды товарищ по траншее Зуав спрашивает ее:

— Какое впечатление производит на вас жизнь, которую вы ведете?

— Впечатление, как будто я вижу перед собой берег, которого я должна достигнуть.—

Ответ книжный, надуманный. Зато Зуав—сама непосредственность:

— А мне кажется,—сказал он—что я читаю книжку с картинками.

Но вот настали дни ужаса, когда начался повальный расстрел, когда хватали по подозрению и без всякого подозрения и расстреливали.

Не застав матери дома, Луиза побежала искать ее среди арестованных.

Спрашиваю у солдата, что сделали с матерью, которую увели сейчас вместо меня.

— Вероятно, ее уже расстреляли, — холодно говорит мне один из них, видимо, начальник.

— Теперь вам придется расстрелять уже меня.

А вот еще сцена:

«Приводят молодого человека, похожего на Межи; мы (арестованные) кричим: «Это не Межи, это другой». Юноша покачал головой: «Не все ли равно». Его тут же расстреляли на насыпи».

Но Луизу не расстреляли, ее только выслали в Новую Каледонию, промучив предварительно в одной из версальских тюрем, где вши ползали по полу в таком огромном количестве, что слышно было, как они шуршат, передвигаясь целыми перламутровыми гирляндами.

О том, как расстреливали версальцы повествует маленькая книжка **Люсьена Декава «Фленго»** (Майские воспоминания 1871 г.). Фленго—мальчик 7—9 лет, заброшенный сиротка, сын бывшего жандарма, ставшего коммунаром и к несчастью попавшего в плен к версальцам. Мальчика взял в свой детский приют старый «буржуа», благотворитель Тьебо, но приютские мальчуганы узнали, что новичек—сын жандарма и отравили ребенку всю жизнь, с детской жестокостью вымещая на сыне прошлые ошибки отца. Ребенок решил умереть.

---

[1]) «Парижская Коммуна», перевод с французского Т. Брона, изд. Корчагина. М. 1906 г.

[2]) Скорострельное ружье, незадолго до Коммуны изобретенное Шаспо.

[3]) Издание «Логос». М. 1907 г.

Когда солдаты вошли в Париж, он был в числе защитников баррикад. У церкви Монруж Фленго захватили солдаты и расстреляли: он—видите ли—подавал патроны коммунарам и, может-быть, и сам стрелял.

Совсем другие воспоминания у **Катюля Мендеса** в его дневнике: «73 дня Коммуны [1]).

Ироническое отношение ко всему происходящему, а особенно к тому, что связано с Коммуной, доказывает полное непонимание происходящих событий. А передача всех этих нелепых слухов, какие обыкновенно тысячами раздаются в ушах испуганных до полусмерти обывателей!

Вот пример:

«Вчера днем в Елисейских Полях гулял молодой человек. К нему подошел коммунар—гвардеец и попросил у него огня.

— Мне очень жаль — сказал гуляющий—но моя сигара потухла.

— А, твоя сигара потухла? Ага, тебе стыдно оказать услугу патриоту? контр-революционер!

В толпе крики: «это—бывший городовой!

— Надо бросить его в реку.

— В реку! В Сену его! В Сену шпиона!

Злополучного молодого человека окружили, подхватили, потащили».

Таким «материалом» заполнена большая часть дневника.

Совсем иначе к своей работе подошли братья **П. и В. Маргерит**, написавшие, как они сами назвали «новый роман»—«Коммуна» [1]). Маргерит—не социалисты, не сторонники коммуны, отрицательно относятся ко многим ее мерам, но у них хватило мужества и честности дать сравнительно беспристрастный рассказ, основанный на прекрасном знании документов.

Последние страницы романа, дающие голые цифры, быстро и точно разрешают вопрос, кто же был истинным убийцей и разбойником: Коммуна, как кричали буржуа, или версальцы?

Коммунары умирали с гордо поднятой головой, шли на расстрел со стойкостью, напоминавшей древних римлян. Об этом повествует **Артур Арну** в маленькой брошюре «Мертвецы Коммуны». Многие из вождей Коммуны делали ошибки, увлекались, портили дело Коммуны, но своей славной геройской смертью искупили все ошибки, все грехи. Имена их: Делеклюз, Флуранс, Варлен, Верморель, Дюваль, Рауль Риго, Ферре. Вместе с Эрнестом хочу я закончить свой обзор:

«Вы все, идущие ныне под знаменем международного социализма...—вы все усваивайте и изучайте историю Парижской Коммуны!

Это была революционная эпоха, которая распространила славу социализма по всему миру. Реакционеры, думавшие, что они утопили социализм под грязью своих инсинуаций и в крови коммунаров, вскоре уже увидели, что он снова ожил во всех странах, тот же социализм, еще более сильный и живучий, чем прежний!»

В. Станишевский.

---

[1]) Отрывки из этого дневника переведены на русский язык А. Чеботаревской и напечатаны в журнале «Русская мысль» за 1918 г. Кн. 1—2 и 3—6.

[1]) Издание Сытина. М. 1906 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.

Интервенция или соглашение.

(Статья Л. Нодо).

Печатаемая ниже статья написана известным корреспондентом французской газеты «Le Temps», Людовиком Нодо. Людовик Нодо после октябрьской революции издавал в Москве французскую газету «Journal de Russie» и выступал в качестве ярого проповедника интервенции, доказывая, что «русский народ привык к палке, и потому она является лучшим орудием, чтобы заставить его исполнить свои обязательства по отношению к союзникам». За эту возмутительную компанию против советской России он был арестован, а орган его закрыт. В настоящее время Людовик Нодо выступает решительным противником интервенции. Статья его, предназначенная для газеты «Le Temps» *без сомнения не увидит света во Франции.* Но самый факт такого обращения убежденного сторонника вмешательства, представителя наиболее яркой буржуазной и империалистической газеты, из врага советской России в противника вмешательства в русские дела,—один этот факт представляет из себя весьма показательное явление. Людовику Нодо, старому и *опытному* журналисту, не новичку в политике, нельзя отказать ни в большой наблюдательности, ни в трезвой оценке положения.

Думаем, что французскому правительству трудно будет ссылаться на свою неосведомленность в русских делах после такого документа, вышедшего *из-под пера наиболее верного и преданного* почти до фанатизма слуги международного капитала и империализма.

Статья Л. Нодо переведена на русский язык сотрудницей Отдела Востока Народного Комиссариата по Иностранным Делам В. Штольтерфотт.

«Москва, 25 декабря 1918 г.

Я считаю неуместным распространяться о деталях своего ареста, заключения и освобождения, в виду того, что ныне уже в течение 3 недель нахожусь на свободе, в Москве. При сравнении с грандиозными событиями современности эти чисто личные, незначительные инциденты кажутся недостойными привлекать наше внимание. Говоря откровенно, я считаю, что с 25-го июля (со дня моего ареста) или, по крайней мере, с того момента, когда французские власти, защищавшие интересы французских граждан, покинули русскую территорию, *я окончательно и* безвозвратно перестал быть в этой стране французским журналистом-профессионалом. Я являюсь теперь лишь частным лицом без определенной профессии, задержавшимся здесь по независящим от своей воли обстоятельствам.

Берусь я снова за перо,—статью свою я перешлю *по просмотре её здешней цензурой,*—желая представить вам, в заключение своей работы в России, некоторые размышления. Мы, иностранцы, впредь должны соблюдать величайшую сдержанность, и есть лишь один единственный русский вопрос, по которому мы можем свободно высказываться, потому, именно, что он относится к внешней *политике; я имею в виду вопрос об интервенции.* Что касается меня лично, то для того, чтобы подойти к этому вопросу, я должен перенестись к настроениям и взглядам, владевшим мною до 25-го июля. В самом деле, от событий, разыгравшихся после этого числа, я был, конечно, оторван, и они существуют для меня лишь, как объективные факты. Попытаемся совершенно добросовестно представить себе положение Европы к 25-му июля.

Мы слишком скоро забыли, что вопрос об интервенции—вопрос давнишний. На самом деле, соответствующий проект существовал и до революции 1917 г. Еще в 1916 г., когда стало очевидным, что русская армия не сможет долее воевать, обсуждалась *более или менее вероятная* возможность присылки японских подкреплений на помощь все более и более слабеющим царским войскам. По тем же причинам после февральской революции вопрос об японской интервенции продолжал занимать государственных людей, генералов и журналистов. Обратимся теперь к периоду сравнительно недавнему. *Кто вспомнит без содрогания об опасениях,* овладевших нами весной 1918 г! Париж подвергался бомбардировке. Отчаянное, последнее наступление Гинденбурга отбросило английскую армию, и немецкие войска подошли к Парижу. Столица была в опасности. Наступая во Франции, немцы одновременно продолжали продвигаться в глубь России. *В эти дни, действительно, не без основания* германское могущество казалось несокрушимым. Все мы были уверены тогда, что восстановление восточного фронта является своего рода conditio sine qua non для спасения мировой свободы. Приз-

наюсь, я принадлежу к тем, кто весной 1918 г. не предвидел крушения германской мощи, а между тем оно было уже предначертано судьбой.

Я принадлежу к тем, кто весной 1918 г. опасался установления германской военной гегемонии над Европой. Эта гегемония для всей цивилизации и для самого немецкого народа была бы худшей из всех бед. Следует также напомнить, что в идее восстановления антигерманского фронта весной 1918 г. не было ничего такого, что шло бы в разрез с намерениями Советского Правительства. Мне довольно редко удавалось проникать в тайны дипломатии, но если мои воспоминания меня не обманывают, весной был период, когда относительно восстановления фронта велись дружеские переговоры между Советским Правительством и Союзниками.

Впечатление о дружественном характере этих переговоров и дает мне возможность высказать мои положения, не взирая на вражду и озлобление настоящего момента. Члены Советского Правительства также поступили бы более справедливо в политическом отношении, если бы они не забывали, что многие французские офицеры приехали в Россию не только в качестве друзей, но и со специальной задачей способствовать организации красных армий.

Каков бы ни был ход событий, обусловленный шатким и трудным политическим положением, я хочу верить, что обе стороны—и Россия и Франция—сумеют стать выше мелкой злобы и поймут, что политика репрессий против отдельных личностей лишена благородства. В чем бы ни обвинялись русские во Франции или французы в России,—недостойно мстить людям, индивидуальная воля которых была подчинена коллективной воле широких масс, от которых они зависели.

Как бы там ни было, что касается лично меня, то я из разговора с г. Чичериным в конце апреля 1918 г. понял, что вопрос об интервенции чрезвычайно осложнился и мог в то время натолкнуться на открытое противодействие Советского Правительства. С 1-го мая я совершенно прекратил касаться этой темы в своих статьях, посылаемых в Париж.

Во всяком случае не следует забывать, что военное положение на французском фронте оставалось неопределенным и угрожающим до конца июля.

В Москве, в нашей маленькой, организованной на скорую руку, газете «Journal de Russie», которая, издаваясь с официального разрешения Советского Правительства, выражала умеренную французскую точку зрения, мы до 25-го июля продолжали говорить об интервенции, но чаще всего называли ее сотрудничеством или содействием. Из всего, что произошло, или, вернее, не произошло с июля месяца до декабря, явствует, с очевидностью, что намерения держав относительно интервенции были на самом деле весьма туманны и несогласованы.

Мог ли я при таких условиях,—находясь к тому же в Москве,—быть точно осведомлен о проектах, характерной чертой которых была как раз полная неопределенность. Я слышал об известных переговорах между Советским Правительством и союзниками, и мне представлялось, что так или иначе известное соглашение, в конце-концов, пожалуй, состоится. Я предполагал, что пресловутое содействие из пустого слова все же может превратиться хотя в видимость вооруженного сопротивления России германскому нашествию. Нашим лейт-мотивом, нашим постоянным, ежедневным утверждением в «Journal de Russie» было: пока длится война, мы на все события можем смотреть только с точки зрения войны; наша единственная забота—воспрепятствовать торжеству германской гегемонии. Вместе с тем мы все же не можем относиться вполне безразлично к русской внутренней политике, какова бы она ни была.

И вот как раз в конце июля и в середине августа с изумительной быстротой совершилась перемена декорации. Стратегическая обстановка изменилась. Случилось то, чего никто не мог предвидеть, и что человеческому воображению могло представиться лишь, как смелая фантазия. Распадение коалиции грозных центральных держав, отречение Вильгельма II, крушение творения Бисмарка... Кто мог представить себе все это в период от мая до июля. Теперь, благодаря решающим событиям на Западном и Балканском фронтах, опасение немецкой гегемонии рассеялось, как дурной сон. От мысли о воссоздании русского фронта, казавшегося нам весной необходимым ради спасения цивилизации, осталось лишь одно старое, отошедшее вдаль воспоминание.

На чем же теперь основана идея интервенции? Мне, оторванному от политических событий с июля месяца, совершенно неизвестно, чем руководствовались союзники и какие решения они приняли. Для меня идея интервенции осталась связана со слабыми дерзаниями весны 1918 г., предшествовавшими разгрому Германии; дальнейшая судьба этих дерзаний мне неизвестна. Но, судя по имеющимся у меня данным, я полагаю, что эта идея исчезла в вихре событий, утратив ореол, приданный ей ее первоначальным устремлением и руководившим нами принципом стратегического самосохранения.

Что касается меня лично, раз я был искренним до 25-го июля, то и сегодня я не покривлю душой, заявив, что моя точка зрения изменилась: немецкой опасности больше не существует, и, следовательно, я не вижу больше повода для интервенции.

Капитуляция германской империи—не единственное событие, совершившееся после 25-го июля. Можно насчитать еще не менее трех фактов, не столь, правда, значительных, но тем не менее чрезвычайно важных. Первое, это—перелом во внутренней русской политике. Второе—выражение Советским Правительством готовности возместить в известной мере экономические убытки союзников. Третье—восстановление русских вооруженных сил. Разберем каждый из этих фактов в отдельности.

1. Русская внутренняя политика существенно изменилась с июля месяца. За декабрь режим террора заметно ослаб, и замечается стремление к постепенному созданию общественного порядка. Еще недавно большевизм можно было уподобить крепости, осажденной со всех сторон всеми остальными русскими политическими партиями. За последние недели мы видим, что вокруг большевизма снова группируются разные социалистические течения, стоявшие до сих пор в стороне или явно ему враждебные. Представители меньшевиков допускаются снова в Ц. И. К., откуда они были исключены. Значительное число членов этой партии отныне участвует в общей работе в учреждениях республики. Та же партия меньшевиков получила разрешение издавать свой ежедневный орган. Достойно внимания, что это стремление к сближению

социалистических партий в России выразилось прежде всего в манифестациях против держав согласия. Один за другими, народники-коммунисты, Ц. И. К. партии меньшевиков и некоторые правые с.-р., т.-е. приверженцы Савинкова и Керенского, высказались категорически в этом смысле. Упомянутые социалистические партии заявляют, что остаются противниками большевизма, поскольку дело касается тактики и немедленного осуществления стремлений пролетариата, но они высказываются против интервенции, потому что видят в ней угрозу полной реакции и нарушение много раз провозглашенного права народов на самоопределение. Мартов, между прочим, на большом меньшевистском митинге высказал следующее:

«Союзники постепенно начинают вмешиваться во внутренние дела России. Необходимо отметить, что до сих пор с их стороны не последовало официальной декларации, обещающей установление республики. Они также не высказались определенно о своем намерении созвать Учредительное Собрание. В Архангельске они совершили государственный переворот против с.-р. В Сибири создалось аналогичное положение: вместо того, чтобы поддерживать демократию, союзники поддерживают заядлого монархиста Колчака. То же самое наблюдается в Яссах, где демократические элементы не были допущены на совещания, и где союзники собирались образовать временное правительство исключительно из реакционных элементов. Кроме того, экономическая блокада ухудшает положение России с каждым днем. Меньшевики считают необходимым поддерживать Советское Правительство, ибо это последнее защищает не только завоевания революции в России, но и самый принцип революции против принципа монархии».

Спиридонова от имени левых с.-р., резко критикуя аграрную политику *большевиков*, также высказалась против интервенции.

Максим Горький, недавний ярый противник большевиков, выступил 29-го ноября, в Петрограде, с большой и прочувствованной речью, из которой я приведу характерные места:

«Мы, русские—нация, которая справедливо считается отсталой в культурном отношении. Мы—нация без традиций, и поэтому более дерзкая, более вульгарная, мало связанная традициями прошлого. Мы первые вступили на путь решительного разрушения изжитых условий капиталистической организации государства, и мы уверены, что имеем право на сочувствие и помощь в нашем великом и грозном деле со стороны пролетариата всего мира, а также со стороны тех людей, которые еще задолго до войны подвергли современные условия жизни резкой и справедливой критике. Если эта критика была искренна, тогда честные люди Европы и Америки должны признать за нами право переустраивать нашу жизнь так, как мы это находим нужным. Если известная часть интеллигенции действительно заинтересована в решении великой социальной проблемы, она обязана бесстрашно восстать против всякого, кто стремится к восстановлению старого порядка и хочет погасить пламя русской революции потоками русской крови, укротить Россию и потом ограбить ее, как до войны грабили Турцию и Китай».

В конце-концов, если это постепенное воссоздание социалистического блока определится точнее и пополнится до такой степени, что представит из себя картину громадного социалистического большинства, составлявшего $^9/_{10}$ Учредительного Собрания, избранного на основе всеобщего избирательного права, тогда придется допустить, что **интервенция, если она только состоится, будет направлена уже не против одной партии, не против всего народа. Если большевизму удастся объединить все отдельные разветвления большой социалистической семьи, то он, очевидно, нанесет нам ловкий тактический удар, а в тактической умелости ему бесспорно нельзя отказать.** Таким образом сбитые с толку союзники могут оказаться перед единым социалистическим фронтом.

2. Второй новый факт, это—склонность Народных Комиссаров признать более дальновидным в политическом отношении удовлетворение, хотя бы до известной степени, своих заграничных кредиторов. Уже из знаменитого обращения к президенту Вильсону можно было сделать соответствующие, не оставляющие сомнений выводы. Если я верно осведомлен, Советское Правительство через официальных своих представителей предложило Франции и ее союзникам полюбовное соглашение относительно частичного аннулирования декрета о займах.

3. Наконец, третий новый факт заключается в изумительной реорганизации русских вооруженных сил. (Как всю мою статью, так и нижеследующие сведения вы получите после того, как они будут просмотрены советской цензурой). Самые ярые противники Народных Комиссаров не станут отрицать, что эти беспощадные разрушители проявили необычайную энергию и редкий организаторский талант при осуществлении своих основных задач. Я не считаю нужным здесь высказываться по существу о коммунизме, являющемся их руководящей идеей, но, судя по виденному мною, я должен признать, что с прошлого лета они с невероятной ловкостью и мудро рассчитанной постепенностью наладили дело, в июле казавшееся мне обреченным на полную неудачу. Они успешно провели мобилизацию сотен тысяч людей. Они подчинили эти массы суровой дисциплине, внушили им, что народ, прежде всего, должен защищать свои собственные интересы. Затем они ввели смертную казнь и не остановились перед тем, чтобы, во имя диктатуры пролетариата, применять расстрелы, в некоторых случаях, даже и к слабым духом пролетариям. Войсковые части, которые дефилируют и маневрируют в настоящее время в Москве, выправкой и обмундировкой не отличаются от солдат старого режима. У меня нет сведений относительно технического оборудования этой новой армии; я ничего не знаю о ее артиллерии, снарядах и арсеналах. Но известные факты указывают на то, что красные офицеры из бывших унтер-офицеров старого режима и интеллигентных рабочих далеко не лишены боевых способностей. Значительное число офицеров, старой царской армии силой событий вынуждены служить новым порядкам в качестве либо офицеров, либо инструкторов. Основан целый ряд специальных учебных заведений для инструктирования молодых красных офицеров, а также для обслуживания генерального штаба. Из всех этих фактов следует, что **большевистское правительство располагает теперь армией,** военную подготовленность которой хотя пока еще и трудно оценить, так как настоящего боевого крещения она не получила, но, во всяком случае, **представляющей собою гораздо**

более значительную силу, чем это можно было предвидеть несколько месяцев тому назад. Правительство Народных Комиссаров во всяком случае имеет в своем распоряжении армию, о которой по меньшей мере можно сказать, что она очень многочисленна, очень молода, хорошо дисциплинирована и, в смысле боевого настроения, отнюдь не уступает другим элементам русского населения. Все сведения, которые я имею о русских армиях, организованных в разных частях бывшей империи против большевиков, говорят о том, что они мало расположены рисковать жизнью на поле битвы. В частности чехо-словацкие офицеры могут по этому поводу рассказать много поучительного. Громадным преимуществом большевистской партии является то, что она составляет однородное целое; она имеет ясную доктрину, властную дисциплину, схожую с дисциплиной старых якобинцев, в то время, как русские противники большевиков раздробились на бесконечное число партий, распылились на секты, неспособные, вследствие праздных споров и туманной казуистики, действовать заодно.

С другой стороны, **в глазах демократических масс,** составляющих, как это явствует из выборов 1917 г., почти абсолютное большинство страны, **интервенция скомпрометирована тем, что союзники как будто всегда опираются на приверженцев старого монархического режима.** Что бы ни случилось, даже если бы союзникам удалось добиться силои оружия реставрации, нужно помнить, что шансы на длительное восстановление старого режима весьма шатки и непрочны. Не располагая реальными силами для поддержки союзников в случае интервенции, старые реакционеры зато обладают всеми свойствами для того, чтобы скомпрометировать союзников и лишить их доверия русских политических партий. Из достоверных источников мне известно, что на чехо-словацком фронте были случаи, когда крестьяне, враждебные большевикам и оказывавшие сначала военную поддержку чехо-словакам, примыкали к советской власти, убедившись, что приверженцы союзников восстанавливают в их деревнях все приемы и весь аппарат старого режима.

Не имея в продолжение нескольких месяцев сведений с Запада, отрезанный от всех источников информации, я лично ничего не знаю о намерениях союзников. Намерены ли они вмешаться в русские дела или нет, и, если они решились на вмешательство, то, ограничатся ли они оккупацией периферии или же откроют поход на московскую Русь? Вот, чего я себе не представляю. Одно для меня ясно: интервенция, в какую бы форму она ни вылилась, сегодня уже не совершится с той легкостью, на которую можно было рассчитывать в июле. И, кроме того, я не представляю себе, захотят ли союзники, раз война с Германией уже окончена, снова привести в движение тот сложный и громоздкий аппарат, без которого им не обойтись при походе на Россию. В статье из «Таймса», перепечатанной в «Известиях» от 6-го декабря, говорится следующее:

«Военные действия против большевиков не могут считаться легко выполнимыми. Большевистская Россия имеет прежде всего великого союзника в своем колоссальном протяжении; кроме того, большевизм имеет две стороны, которые необходимо осветить. Большевизм поддерживается бедным русским крестьянством, с незапамятных времен живущим деревенской коммуной и мечтающим все время захватить помещичьи земли. Число сторонников большевизма очень велико, идеи их имеют поразительную силу, даже в тех странах, где нет социальных предпосылок для большевистского евангелия. Осуществление задачи союзников будет делом нелегким, не простой военной прогулкой, ибо надо принять во внимание, что большевики нашли практического, искусного организатора в лице Ленина. Вероятно, всем известно, что Ленин является сторонником военного сопротивления, военной дисциплины, соответствующей его идеям. Из остатков русской разрушенной армии он организовал сильную советскую армию. Офицеры прежней армии теперь обучают наиболее интеллигентных молодых людей из крестьян и рабочих. В течение года образовался молодой большевистский офицерский состав; порядок и дисциплина снова водворились в армии. Когда войска союзников начнут наступать на Россию, они найдут на своем пути не дезорганизованные банды, но дисциплинированных солдат, которые с фанатической верой в большевистское евангелие окажут им стойкое сопротивление. Самым слабым пунктом красной армии является отсутствие квалифицированных офицеров-инженеров, летчиков, чертежников, артиллеристов,—кадры которых еще не созданы».

Следует признаться, что эта статья большой английской газеты очень близко подходит к истине. Вместе с тем она настраивает меня пессимистически, ибо, повидимому, она считает борьбу неизбежной.

Если управление двумя частями человечества основано на различных экономических принципах, то неужели это является достаточным поводом для войны? Неужели они не могут относиться друг к другу терпимо, не прибегая к кровопролитию?

Позвольте мне пофилософствовать немного. Крушение Германии доказывает всю справедливость изречения Бергсона: «Будущего нельзя предвидеть». Поразительные события, свидетелями которых мы являемся, совершенно не поддаются оценке современников. Мы не можем знать тех окончательных итогов, которые они породят. Быть-может, они приведут к результатам, которые наше воображение пока неспособно даже воспринять. Наша узкая оценка сегодняшнего дня не может предвосхитить оценку будущего суда истории. Истина не предугадывается. Она приходит сама. Она явится результатом удачных опытов. Самовоплощение, самоосуществление идей есть показатель их жизненности. Таким образом, только сегодня, в окончательном поражении немцев, мы находим неопровержимое доказательство той истины, что претензия германского племени на миссию быть устроителем мира оказалась ложной. И, наоборот, если опыт, каков бы он ни был, достигнет осязаемых и прочных результатов, это означает, что предположения, или принципы, положенные в основу его, заключали большую долю истины.

Вот уже год, как в огромном кратере русской революции бурлит и кипит грандиозное социальное строительство. Имеют ли другие нации право вмешиваться в этот опыт? Весь вопрос в этом. Когда в 1789 и 1793 гг. Франция отдалась процессу обновления, другие человеческие общества смотрели на нее с содроганием и затем напали на нее. И, однако, этот опыт оставил во всем мире неизгладимые следы.

Имеет ли Французская Республика в конечном счете повод для ссоры с Россией? Я его не вижу.

более значительную силу, чем это можно было предвидеть несколько месяцев тому назад. Правительство Народных Комиссаров во всяком случае имеет в своем распоряжении армию, о которой по меньшей мере можно сказать, что она очень многочисленна, очень молода, хорошо дисциплинирована и, в смысле боевого настроения, отнюдь не уступает другим элементам русского населения. Все сведения, которые я имею о русских армиях, организованных в разных частях бывшей империи против большевиков, говорят о том, что они мало расположены рисковать жизнью на поле битвы. В частности чехо-словацкие офицеры могут по этому поводу рассказать много поучительного. Громадным преимуществом большевистской партии является то, что она составляет однородное целое; она имеет ясную доктрину, властную дисциплину, схожую с дисциплиной старых якобинцев, в то время, как русские противники большевиков раздробились на бесконечное число партий, распылились на секты, неспособные, вследствие праздных споров и туманной казуистики, действовать заодно.

С другой стороны, **в глазах демократических масс,** составляющих, как это явствует из выборов 1917 г., почти абсолютное большинство страны, **интервенция скомпрометирована тем, что союзники как будто всегда опираются на приверженцев старого монархического режима.** Что бы ни случилось, даже если бы союзникам удалось добиться силой оружия реставрации, нужно помнить, что шансы на длительное восстановление старого режима весьма шатки и непрочны. Не располагая реальными силами для поддержки союзников в случае интервенции, старые реакционеры зато обладают всеми свойствами для того, чтобы скомпрометировать союзников и лишить их доверия русских политических партий. Из достоверных источников мне известно, что на чехо-словацком фронте были случаи, когда крестьяне, враждебные большевикам и оказывавшие сначала военную поддержку чехо-словакам, примыкали к советской власти, убедившись, что приверженцы союзников восстанавливают в их деревнях все приемы и весь аппарат старого режима.

Не имея в продолжение нескольких месяцев сведений с Запада, отрезанный от всех источников информации, я лично ничего не знаю о намерениях союзников. Намерены ли они вмешаться в русские дела или нет, и, если они решились на вмешательство, то, ограничатся ли они оккупацией периферии или же откроют поход на московскую Русь? Вот, чего я себе не представляю. Одно для меня ясно: интервенция, в какую бы форму она ни вылилась, сегодня уже не совершится с той легкостью, на которую можно было рассчитывать в июле. И, кроме того, я не представляю себе, захотят ли союзники, раз война с Германией уже окончена, снова привести в движение тот сложный и громоздкий аппарат, без которого им не обойтись при походе на Россию. В статье из «Таймса», перепечатанной в «Известиях» от 6-го декабря, говорится следующее:

«Военные действия против большевиков не могут считаться легко выполнимыми. Большевистская Россия имеет прежде всего великого союзника в своем колоссальном протяжении; кроме того, большевизм имеет две стороны, которые необходимо осветить. Большевизм поддерживается бедным русским крестьянством, с незапамятных времен живущим деревенской коммуной и мечтающим все время захватить помещичьи земли. **Число** сторонников большевизма очень велико, идеи их имеют поразительную силу, даже в тех странах, где нет социальных предпосылок для большевистского евангелия. Осуществление задачи союзников будет делом нелегким, не простой военной прогулкой, ибо надо принять во внимание, что большевики нашли практического, искусного организатора в лице Ленина. Вероятно, всем известно, что Ленин является сторонником военного сопротивления, военной дисциплины, соответствующей его идеям. Из остатков русской разрушенной армии он организовал сильную советскую армию. Офицеры прежней армии теперь обучают наиболее интеллигентных молодых людей из крестьян и рабочих. В течение года образовался молодой большевистский офицерский состав; порядок и дисциплина снова водворились в армии. Когда войска союзников начнут наступать на Россию, они найдут на своем пути не дезорганизованные банды, но дисциплинированных солдат, которые с фанатической верой в большевистское евангелие окажут им стойкое сопротивление. Самым слабым пунктом красной армии является отсутствие квалифицированных офицеров-инженеров, летчиков, чертежников, артиллеристов,—кадры которых еще не созданы».

Следует признаться, что эта статья большой английской газеты очень близко подходит к истине. Вместе с тем она настраивает меня пессимистически, ибо, повидимому, она считает борьбу неизбежной.

Если управление двумя частями человечества основано на различных экономических принципах, то неужели это является достаточным поводом для войны? Неужели они не могут относиться друг к другу терпимо, не прибегая к кровопролитию?

Позвольте мне пофилософствовать немного. Крушение Германии доказывает всю справедливость изречения Бергсона: «Будущего нельзя предвидеть». Поразительные события, свидетелями которых мы являемся, совершенно не поддаются оценке современников. Мы не можем знать тех окончательных итогов, которые они породят. Быть-может, они приведут к результатам, которые наше воображение пока неспособно даже воспринять. Наша узкая оценка сегодняшнего дня не может предвосхитить оценку будущего суда истории. Истина не предугадывается. Она приходит сама. Она явится результатом удачных опытов. Самовоплощение, самоосуществление идей есть показатель их жизненности. Таким образом, только сегодня, в окончательном поражении немцев, мы находим неопровержимое доказательство той истины, что претензия германского племени на миссию быть устроителем мира оказалась ложной. И, наоборот, если опыт, каков бы он ни был, достигнет осязаемых и прочных результатов, это означает, что предположения, или принципы, положенные в основу его, заключали большую долю истины.

Вот уже год, как в огромном кратере русской революции бурлит и кипит грандиозное социальное строительство. Имеют ли другие нации право вмешиваться в этот опыт? Весь вопрос в этом. Когда в 1789 и 1793 гг. Франция отдалась процессу обновления, другие человеческие общества смотрели на нее с содроганием и затем напали на нее. И, однако, этот опыт оставил во всем мире неизгладимые следы.

Имеет ли Французская Республика в конечном счете повод для ссоры с Россией? Я его не вижу.

и т. д.). Тон попрежнему апатичный, недовольный; брожение, замеченное в прошлые месяцы, судя по письмам, все растет; все чаще попадаются жалобы на плохую пищу, недостаток теплой одежды, дурные помещения. Часто встречается сетование на несправедливое, унижающее человеческое достоинство обращение ближнего начальства. Как в прошлом месяце, в запасных батальонах в гор. Ельне идет сплошной ропот и резкая критика. В одном письме, например, пишут: «ждали приезда инспектирующего, большого начальства, в надежде, что улучшатся условия жизни», а затем следует полное разочарование: «начальство приехало и главное свое внимание обратило на то, носят ли все нижние чины нательные кресты». Из Ельни же постоянно сообщается, что у них в запасных батальонах пища хуже, чем в других частях. «Все служим одному царю, а харчи у всех разные». В письмах запасных из Ельни часто попадается фраза: «жизнь у нас хуже каторги», та же фраза часто попадается и в письмах запасных частей из Рославля. Там же, судя по письмам, идет брожение и недовольство условиями жизни и невнимательностью ближайшего начальства к насущным потребностям и интересам нижних чинов. В том же Рославле в посылках, отправляемых нижними чинами на родину, часты случаи обнаружения и задержания казенных вещей. Из автомобильных и воздухоплавательных команд попрежнему приходят письма с описанием беспечной разгульной жизни. Тон бесшабашный. Игра в азартные игры. Кутежи и женщины.

Письма в действующую армию. Главным образом, сообщают о все возрастающей дороговизне жизни. Жены запасных часто посылают перечень цен на продукты, сильно их преувеличивая. Во всех письмах желание сообщить в действующую армию обо всем, что делается внутри страны. Цитируют ложные слухи. Выдаются за истину самые невероятные предположения праздных умов. Из Астрахани, например, пишут: «С минуты на минуту ждем телеграммы о заключении мира, а если такая телеграмма придет ночью, то приказано звонить во все колокола. Очень высокие лица уже обо всем переговорили на счет мира, и теперь дело только за войсками». Во многих письмах сообщают о беспорядках, возникших из-за дороговизны, например, из Тверской губернии сообщают, что солдатки начинают скандалить, хотят разбить управу. Оттуда же пишут, что в Николаевске солдатки «разбили уже управу и магазины». Из Новониколаевска, Томской губернии, пишут о бывших беспорядках при получении сахара и о стрельбе в толпу, в результате какозой оказалась убитой одна женщина. Крестьяне в своих письмах в действующую армию сообщают о хороших ценах на зерно и инвентарь и о том, что живут они в достатке. Часто попадаются сообщения о внесенных ими в сберегательную кассу деньгах. В последнее время в письмах в действующую армию часто стали попадаться сообщения о тайной гонке спирта. Пишут, например: «Самогонку пьем каждый день. 6 октября пропили с братом Василием 50 рублей, и бабы немного помогли. Пили двое суток». В письме, адресованном в Ревель, пишут: «На счет самогонки я все сделаю. Свезу в Колодези муку и попрошу, чтобы сделал покрепче, а затем пришлю ее с Егором к вам, после того, когда возьмут новобранцев». Из деревень сообщают о закрытии мелких торговых предприятий за неимением товаров в местных складах. Жалобы на недостаток рабочих рук. Пишут также из деревни, что «рабочих рук не хватает, так как всех, даже калек, забрали». Тут же в одном письме добавляют: «Отдал бы последнюю рубашку, чтобы только немца из России прогнали». Горожане в письмах в действующую армию держатся, главным образом, подавленного, ноющего тона, кроме, разумеется, промышленников и купцов. Интеллигенция сообщает о думских заседаниях, интересуется ходом войны и возмущается дороговизной и инертностью властей.

В письмах внутри страны попрежнему проглядывают различные настроения. Люди среднего достатка, чиновники, семьи военных, мещане— жалуются на все более тяжелые условия жизни и жаждут скорейшего окончания войны.

Растет возмущение, что не принимается радикальных мер против мародеров тыла. Живой интерес и сочувствие к Государственной Думе. Намеки на измену, гнездящуюся где-то в тайниках и мешающую стране итти к победе. Недовольство правительством. Все это сквозит между строк; в многих письмах взрывы в Архангельске приписывают делу рук шпионов, притворяющихся патриотами. Сообщают о беспорядках в Гомеле, Кременчуге, Екатеринодаре, Петрограде, Харькове и Чернигове на почве вздорожания продуктов. Сообщают, что в Петрограде поводом к забастовке рабочих послужило недовольство рабочих тем, что купечество, желая избавиться от военной службы, поступало на заводы, работая якобы на оборону. Купцы процветают, пишут о больших заработках, советуют друг другу придерживать товары на складах и выжидать больших цен. В еврейских письмах часто попадается фраза: «Лови момент». Евреи много пишут о способах избавиться от воинской повинности и сообщают о даваемых за это взятках. Письма поляков различны по настроению: в одних вера в нашу победу и полное доверие к России в смысле данных им обещаний, в других же явно недоброжелательный тон и скептическое отношение к нашим военным делам.

В письмах пленных: сообщается о сносной и достаточного количества пище, но были и единичные жалобы на условия жизни; просят о присылке теплых вещей, обращаясь в иностранные консульства».

Заключение сводится к следующему: «в армии попрежнему настроение бодрое, уверенное в победе. Чуткая настороженность к тому, что происходит внутри страны. Все растущий интерес к Государственной Думе. Жажда близкого, но победного окончания войны и тревога за близких, изнемогающих в борьбе с условиями жизни. Апатия. Патриотизм придавлен и заглушен борьбой за существование. Все это относится только к интеллигенции и рабочим. Промышленники, купцы и крестьяне, судя по письмам, находятся в лучших условиях: они обеспечены и довольны. Все жаждут мира, но мира почетного. Вера в армию и недовольство правящими гражданскими властями сквозят во всех без исключения письмах. Ясно выраженное доверие к государственной думе и надежда, что лишь она одна выведет Россию из затруднения. Вот что говорит между строк почти каждое письмо, затрагивающее политические темы. Протест явный прорывается только в немногих письмах. В общей массе корреспонденция ведется в сдержанном тоне. За последние недели, очевидно, ясно проникло в сознание всех

лоев населения России, что корреспонденция неизбежно пройдет через цензуру, и обстоятельство то безусловно отражается на тоне писем».

II.

Рапорт-донос прапорщика Б.

16 декабря 1916 года прапорщик лейб-гренаерского Эриванского полка Б. подал главному ачальнику санитарной части русских армий, принцу льденбургскому, рапорт о замеченных им непоядках в рядах находящихся на фронте войсковых астей и о «преступной пропаганде», которую веут в них служащие в организациях Всероссийских Земского и Городского Союзов. Содержание того рапорта настолько дико и нелепо, что поневоле внушает сомнение в состоянии умственных особностей его автора. Но характерно то, что, овидимому, рапорт прапорщика Б. не возбудил аких сомнений ни у принца Ольденбургского, и у представителей высшего командования, в уки которых этот рапорт перешел от принца льденбургского. Они отнеслись совершенно серьено к больному бреду прапорщика Б.

В начале своего рапорта прапорщик Б. излает свое curriculum vitae. До войны он был поетным мировым судьей в одном из уездов Тульской губернии. В начале 1915 года ему пришлось о уполномочию общедворянской организации соершать рейсы с одним из оборудованных дворянвом санитарных поездов. В это уже время он описмотрелся к тому, что происходит на фронте. Затем я,—пишет прапорщик Б.,—имея более) лет от роду, по собственному желанию и с соизоления великого князя Николая Николаевича, еременил погоны статского советника на погоны ольноопределяющегося, очутился в славном лейбренадерском Эриванском полку, в его рядах приял участие в тяжелых отходных боях из Галиции в убь России, заслужил георгиевскую медаль и еоргиевский крест, затем 52 лет от роду прослушал скоренные офицерские курсы в Алексеевском оенном училище и полгода тому назад вернулся свой родной полк уже кадровым офицером сего Эриванского полка. Отравленный газами, я ыне нахожусь во главе сводной дивизионной химической команды, и на мне лежит оборудование проивогазовой обороны всего фронта частей дивизии».

Как во время поездок с санитарным поездом, : и находясь на фронте в качестве вольноопреяющегося и офицера, Б. много насмотрелся а расплодившиеся учреждения бунтовщического емгора» и «на мнимую работу тех трутней, котое якобы служат делу помощи больным и раненым воинам в раздутых организациях Земского Городского Союзов, а на самом деле уклонятся от воинской повинности под видом работников в Земгоре, где им положены крупные окады, а под сурдинку мутят среди войск, ведя проаганду противоправительственную и антидинаическую». «Эти «земгоряне» и «земгорянки»,—родолжает автор рапорта,—в большинстве—враги аря и родины, обирающие за счет раненых воинов ародные карманы (ведь из 1.000 миллионов госдарственных займов—800 миллионов ушло на одержание Земгора) и растлевающие его верноодданнические чувства (не даром приказано военым общения с членами этих организаций не иметь исключением чисто деловых)».

«Ваше высочество караете по справедливости оказывающихся негодными руководителей Земгора; а здесь все эти мелкие дельцы далеки от вашего наблюдения, между тем как их работа заслуживает внимания. Я уже не раз доводил до сведения чинов высшего правительства про отдельные случаи пагубного нашептывания «земгорян», пробирающихся на фронт под предлогом работы на пользу солдат и вместо этого подрывающих в их сердцах уважение к царю и его ставленникам. Некоторые штрихи моих наблюдений я нахожу необходимым довести до сведения вашего высочества, дабы всех этих мешающих нам спокойно работать «земгорян» убрали от нас подальше в тыл».

«Верстах в 8 от станции Залесье, Либаво-Роменской железной дороги, расположены деревушки Капланы и Синьки, и в них «земгоряне» настроили разные бани, лавки, питательные пункты (кого тут питать, когда все солдаты и рабочие команды получают пайки или порционные); под эти чересчур расплодившиеся и в сущности лишние здесь учреждения разные уполномоченные и заведующие Земского союза заняли лучшие халупы; а нам, военным, прямо-таки тесно жить. В деревне Синьках—лавка с уполномоченными, зубоврачебный кабинет с тремя жидовками (их удалось выселить подальше), баня с заведующим, питательный пункт с уполномоченным и помощником, штатом девиц и служащих, двумя сестрами без дела (спят до 10 часов, едят, пьют, ходят по офицерам). В деревне Капланах—лавка с заведывающим, баня с уполномоченною жидовкою и т. д. А где «земгорянки», там и беседы на противоправительственные темы, там и дух недовольства властями и выше. К примеру, одна из сестер питательного пункта Земского Союза полька М. К. (раненых у нее нет) целые дни до поздней ночи проводит у саперного офицера 49 саперного баталиона поручика Б., с ним и обедает и раз'езжает, при ней он отдает распоряжения по фортификационным работам, а по вечерам—целованья и обниманья; занимает она отдельную халупу, а нам негде помещаться. А разговоры в атмосфере «земгора» самые вольнодумные: 3 декабря поручик Б. стал было мне наговаривать разные мерзкие сплетни про государыню императрицу Александру Феодоровну; 10 декабря он в беседе с вольноопределяющимся Т. (из разжалованных офицеров) высказал осуждение шагам правительства, при чем было сказано, что «вот, де, левые взяли было верх, а теперь опять поворот вправо», и выражалось явное сочувствие левым кругам; сегодня, когда они читали газеты и произнесено было слово «самодержавно» или «самодержавие», подчиненный поручика Б., прапорщик Л., грубиян и скандалист, вечно ругающийся поматерно, а в нетрезвом виде дерзкий, позволил себе надсмехаться над этим словом. Вообще среди этой компании саперов, столь близких Земскому Союзу, царит дух недовольства правительством и явное сочувствие левым течениям; сегодня поручик Б. самодовольно заявил, что даже думские попы стали розовыми. Одним словом, общение с Земским Союзом и здесь ярко сказывается: хуление правительственной власти, издевательство над правыми воззрениями и проповедывание ахинеи левых—долой министров, давай министров из шайки Милюкова и К-о.; даже августейшая семья державного вождя не щадится. Для чего же тогда предложение военным не иметь с организациями

общения? Это пустые слова. Всем этим девицам из Земского Союза, полькам ли, жидовкам ли, тут, на фронте, не место; они только мешают нам завершить победно войну, и через них ведется пацифистская пропаганда. *Для чего здесь это ненужное* обилие бань, лавок, пунктов; не лучше ли удалить с фронта все эти лишние глаза и уши.—Иначе нечего дивиться развращению армии».

Таково содержание рапорта прапорщика Б.

К *сожалению, из имеющегося* в нашем распоряжении материала не видно, какая резолюция была положена па этом рапорте принцем Ольденбургским. Несомненно лишь одно, что он отнесся к доносу прапорщика Б. вполне серьезно и направил его к главнокомандующему армиями западного фронта генералу Эверту, па фронте которого в составе десятой армии находился Эриванский полк. Приведем полностью резолюцию генерала Эверта:

«По заявлению прапорщика Б. произвести расследование. Специально устанавливать надзор общий и за всеми служащими Земгора нет еще оснований, но все начальствующие лица и коменданты обязаны следить, чтобы пропаганда не распространялась в войсках, первые же проявления пресекать и лиц виновных выселять. Сообщить об этом комендантам, на коих возложить принятие необходимых мер в войсковых районах и ближайших тылах. Снабзапу [1]) принять меры по отношению общего тыла, контр-разведка должна оказать деятельное содействие. Кроме того, 1) копию заявления прапорщика Б. препроводить Командарму X [1]) для строжайшего расследования,—выяснить при этом, *делал ли* Б. *доклад о всем замеченном* ближайшему начальству, о последующем донести.

2) Доложить, какой ответ получен от Командармов [2]) по вопросу о планомерной работе Земгора и о сокращении учреждений, явной надобности в *которых не имеется.*

3) Выяснить, почему еще до сих пор остается еврейка управляющей баней в районе войск. Эверт».

Эта резолюция генерала Эверта, вместе с копией рапорта прапорщика Б., была разослана во все войсковые части и учреждения, входившие в состав западного фронта. Поступила она, между прочим, и в управление инспектора запасных войск западного фронта, должность которого занимал в то время генерал Рындин [3]). Последний, в свою очередь, переслал ее «для сведения и принятия соответствующих мер» подчиненным ему начальникам запасных бригад и начальнику находившейся в Пскове школы для подготовки прапорщиков со следующей резолюцией: «в одном из офицерских собраний летом, а в другом—зимой, я заметил случайно присутствие сестры милосердия, на что обратил внимание».

Авл.

К вопросу о возникновении мировой войны.

I.

По распоряжению председателя баварского совета министров, Курта Эйснера, опубликованы некоторые тайные документы, проливающие яркий свет па события, предшествовавшие возникновению мировой войны. Известно, что германское правительство неоднократно заявляло о том, что содержание ультиматума, пред'явленного Австро-Венгрией Сербии 23 июня 1914 года, было сообщено германскому правительству лишь после его пред'явления.

Опубликованные ныне документы свидетельствуют о полной лживости этих уверений правительства Вильгельма II. Мало этого, они удостоверяют, что Германия вполне учитывала возможность осложнений, которые, несомненно, должно было вызвать пред'явление ультиматума, что она *сознательно желала* использовать «*благоприятный* момент», отлично понимая, что Сербия не может принять австро-венгерских требований, как «несовместимых с достоинством независимого государства». Любопытно указание на то, что правительству Франца-Иосифа «*было как будто почти* неприятно, что со стороны Германии не последовало напоминания об осторожности и сдержанности». Это указание подтверждает, что Австро-Венгрия начала войну в значительной степени против своего *желания*, чем и *об'ясняется* тот странный факт, что она настолько медлила об'явить войну России, что ее посол, граф Сапари оставался в Петрограде в течение 5 дней после того, как на русской германской границе начались уже военные действия, и что лишь 6 августа (по новому стилю) он вручил русскому министру иностранных дел ноту, в которой доводил до его сведения, что Австро-Венгрия считает себя в состоянии войны с Россией в виду того, что последняя заняла угрожающее положение в австро-сербском конфликте и «сочла нужным открыть военные действия против Германии» [4]).

---

[1]) Главный начальник снабжений армий западного фронта.

[1]) Командующему X-й армией.

[2]) Командующих армиями.

[3]) Генерал Рындин, немец по происхождению, до войны носил фамилию Зеланда. Для характеристики его приведем следующий факт: в конце февраля 1917 года, когда стало известным о происходивших в Петрограде событиях, один из подчиненных ему начальников запасных бригад, совершенно растерявшийся и не знавший, что ему предпринять и как отнестись к этим событиям, запросил об этом срочной телеграммой генерала Рындина. Последний долго не отвечал, выжидая, очевидно, дальнейшего хода событий, и лишь через неделю прислал ответную телеграмму, изумительную по своей лаконичности и выразительности; она состояла всего лишь из двух слов: «все признают».

[4]) Австро-венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. № 59. Русская «Оранжевая книга» № 79.

18 июля 1914 года баварский посол в Берлине, граф Лерхенфельд, доносил своему правительству:

«На основании разговора с помощником статс-секретаря Циммерманом, затем с референтами министерства иностранных дел по балканскому вопросу и по делам тройственного союза, а также с австро-венгерским посольством, имею честь сообщить следующее:

Передача ноты в Белграде, на которую решился венский кабинет, последует 25 сего месяца. Отсрочка этого шага до указанного срока объясняется тем, что надо обождать от'езда гг. Пуанкаре и Вивиани из Петербурга и затруднить таким образом державам двойственного союза (т.-е. России и Франции) прийти к соглашению по поводу возможных ответных шагов. До этого момента в Вене будет создана видимость мирного настроения, для чего одновременно получают отпуск военный министр и начальник генерального штаба, а также производится не без успеха воздействие на прессу и биржу. Здесь признают, что венский кабинет действует в этом отношении очень удачно, и сожалеют лишь, что граф Тисса, который должен был бы вначале выступить против обострения положения, уже несколько приподнял покрывало своим резким выступлением в венгерском парламенте».

Далее, передается содержание австрийского ультиматума Сербии и затем говорится:

«Что Сербия не может принять такого рода требований, несовместимых с достоинством независимого государства, является совершенно очевидным. Следствием была бы, таким образом, война.

Здесь вполне согласны с тем, чтобы Австрия использовала благоприятный момент, хотя бы и с риском дальнейших осложнений. Хватит ли на это храбрости у Вены—это гг. Ягову и Циммерману кажется все еще сомнительным. Помощник статс-секретаря высказался, что, благодаря своей нерешительности и распущенности, Австро-Венгрия, как раньше Турция, сама стала тем больным человеком в Европе, которого хотят поделить русские, итальянцы, румыны, сербы и черногорцы. Решительное и успешное выступление Австрии (в оригинале стоит—«Сербии»; очевидно, это опечатка) привело бы к тому, что австрийцы и венгры почувствовали бы себя снова государственной силой, способной восстановить находящуюся в полном упадке хозяйственную жизнь и на долгие годы побороть чужие интриги. При том возмущении, которое господствует по поводу кровавого деяния во всей монархии, можно быть уверенным также и в славянских войсках. Принимая во внимание дальнейшее развитие славянской пропаганды, следует констатировать, что через несколько лет этого уже не будет, что признает сам генерал Конрад фон-Гетцендорф. Поэтому здесь придерживаются того мнения, что теперь решается судьба Австрии, и потому на запрос из Вены здесь без колебания заявили, что будут согласны со всяким выступлением, на которое там решатся, хотя бы и на риск войны с Россией.

Неограниченные полномочия, данные гр. Гойос, секретарю графа Берхтольда, приехавшему сюда для передачи высочайшего письма и обстоятельного меморандума, шли так далеко, что австро-венгерское правительство уполномочило его вести переговоры с Болгарией о вступлении в тройственный союз.

Повидимому, в Вене не ожидали столь безоговорочного заступничества Германии за Дунайскую монархию; впечатление г-на Циммермана таково, что венским сферам, все еще боязливым и нерешительным, было как будто почти неприятно, что со стороны Германии не последовало напоминания об осторожности и сдержанности».

Доклад графа Лерхенфельда графу Гертлингу раскрывает затем дипломатические увертки Германии. Имперское правительство, ссылаясь на то, что кайзер был в путешествии на севере, а начальник генерального штаба и прусский военный министр находились в отпуску, может утверждать, что выступление Австрии было для него столь же неожиданным, как и для других держав...

31 августа баварский посол в Берлине в направленной своему правительству телефонограмме высказывал убеждение, что, «без сомнения, искренние старания Грея в пользу сохранения мира не остановят хода событий». Он был, конечно, прав, и вечером того же дня ему пришлось передавать в Мюнхен следующую телефонограмму:

«Сейчас отправлены два ультиматума: в Петербург в 12 часов и в Париж в 18 часов. В Петербург запрос о причине мобилизации; в Париж запрос, останется ли Франция нейтральной; на оба ультиматума будут, конечно, получены отрицательные ответы. Мобилизация самое позднее 1 августа в полночь. Прусский генеральный штаб ждет войны с Францией с полной уверенностью в успехе; он рассчитывает разбить Францию в 4 недели; дух французских войск ненадежен, у Франции мало дальнобойных орудий, и ружья—хуже германских».

2.

Германский дипломат, фон-Шен, опубликовал следующие факты, предшествовавшие об'явлению мировой войны. В начале мая 1914 года французский посол предложил швейцарскому правительству, чтобы Швейцария потребовала от своих соседей гарантии нейтралитета. В свою очередь, Швейцария должна была бы в случае войны содержать раненых. Франция была склонна обеспечить Швейцарии подвоз зерна по своим железным дорогам. В связи с этим предположением велись переговоры между французским военным атташе, майором Пажо, и швейцарским генеральным штабом. При этом французский военный агент высказался различным лицам очень откровенно о немецко-французских отношениях. Франция настроена—по его словам—миролюбиво, «но наши братья в Лотарингии зовут нас». В конце-концов, должно когда-нибудь дойти до столкновения между Германией и Францией. В случае войны Пажо безусловно рассчитывает на содействие России и Англии. Италия останется нейтральной. «Но, если она пошевелится, мы дадим ей хороший урок». Война будет продолжаться долго. Франция должна быть готова к начальным неудачам. Она должна держаться до тех пор, пока русские не внесут изменения в положение. Письменное соглашение заключено, повидимому, не было, но швейцарское правительство было сильно поражено, когда французский посол сделал Швейцарии заявление, что Франция в случае войны готова обеспечить Швейцарии подвоз зерна. При этом требовалась гарантия, что зерно останется в стране. Швейцарское правитель-

ство, встревоженное французским предложением, обратилось к немецкому правительству с запросом о том, могла ли бы Германия обеспечить Швейцарии беспрепятственный подвоз зерна и угля в случае войны. Не могло остаться тайной, что послужило поводом для этого запроса, но Берлин недостаточно оценил все значение его. Как мало думали в Германии о предстоящей военной опасности, видно из того, что начало переговоров с Швейцарией относительно выполнения соглашения о поставке угля было предположено только к поздней осени.

3.

«Deutsche Allgemeine Zeitung» опубликовала донесение бывшего русского посла в Лондоне, гр. Бенкендорфа, о переговорах России и Англии относительно заключения морской конвенции.

Газета приводит письмо русского министра иностранных дел Сазонова к Бенкендорфу от 15 (28) мая 1914 года, содержащее сообщение об особом совещании, происходившем 13 (26) мая у начальника русского морского штаба. Обсуждался вопрос о совместных операциях морских сил Англии и России в случае войны. Это совещание совершенно ясно обнаруживает, что оно имело целью нападение на Германию. Так, Россия выражает желание, чтобы Англия отвлекла в Северное море такое количество германских боевых судов, чтобы устранить превосходство германского флота над русским, и чтобы дать возможность России произвести дессант в Померании. Чтобы устранить недостаток России в транспортных средствах, Англия должна была до начала военных действий послать такое количество торговых судов в Балтийские порты, чтобы они могли облегчить перевозку войск. Далее в совещании обсуждался вопрос об использовании английских баз в восточной части Средиземного моря русским флотом и пожелание России, чтобы Англия держала в Средиземном море достаточное количество военных морских сил, чтобы предотвратить возможное превосходство соединенного австрийского и итальянского флота. Тесное сотрудничество морских сил обоих стран должно было быть обеспечено точным соглашением о сигналах, о радиотелеграммах и о способах сношений русского и английского морских штабов.

Итоги войны.

Германские потери.

По последним статистическим данным потери Германии людьми за время начала войны по 10 ноября 1918 года выражаются в следующих цифрах:

Убито и умерло от ран	1.600.000
Взято в плен	618.000
Пропало без вести	103.000
Ранено	4.064.000
Итого	6.385.000

Относительно числа раненых необходимо отметить, что оно не вполне соответствует действительности, так как некоторые солдаты были ранены по несколько раз.

Английские потери.

19 ноября 1918 г. в английском парламенте были оглашены следующие цифры о потерях людьми британских армий, включая колониальные и индийские войска, со времени начала войны на всех театрах военных действий:

	офицеров	других чинов	всего
Убито	37.876	620.829	658.705
Ранено	92.644	1.939.478	2.032.122
Взято в плен и пропало без вести	12.094	347.051	359.145
Итого	142.614	2.907.358	3.049.992

Потери Соединенных Штатов.

В первых числа декабря 1918 г. американское бюро печати опубликовало следующий список потерь людьми:

Убито	28.363
Умерло от ран	12.101
Умерло от болезней	16.034
Умерло от других причин	1.980
Пропало без вести	14.290
Ранено	189.996
Итого	262.764

Результаты подводной войны.

По опубликованным французской прессой сведениям об убытках, причиненных за время войны германскими подводными лодками, они в общем потопили 15.053.736 тонн торговых грузов всех национальностей. Мировой тоннаж сравнительно с мирным временем понизился на 1.811.584 тонны.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Уот Уитмэн.

В 1855 году вышла в Америке, в Бруклине, небольшая книжка песен, потом значительно дополненная—последнее издание относится к 1892 году,—вызвавшая целый переворот в поэзии. Эти песни совсем не походили на обычные стихотворения. Иногда то были беглые наброски - впечатления, почти заметки газетного репортера. Иногда они разрастались в большие поэмы, но так, что то и дело переходили в бесконечный перечень предметов, в нечто, очень похожее на «каталог», как выразился известный американский писатель Эмерсон, обративший первый внимание на эту своеобразную книгу, или, как сказали бы мы в настоящее время,—на образы, быстро сменяющиеся на ленте кинематографа. А, главное, здесь не было ни рифм, ни размера, ни деления на строфы. Обычная стихотворная техника была заменена ритмической прозой.

Книжка, озаглавленная «Побеги травы» (Leaves of grass) вызвала недоумение, и по адресу автора неслись со всех сторон эпитеты, среди которых «безумец» и «идиот» были лишь наиболее мягкими.

Ныне имя автора, Уот Уитмэн, пользуется мировой известностью. В его лице перед нами первый футурист, первый поэт, сознательно порвавший с социальными и художественными традициями прошлого, первый поэт, сознавший, что промышленная демократия нуждается в поэзии, новой и по содержанию и по форме, первый поэт, смотревший не назад, а вперед, в будущее (футуризм).

В одной из своих статей Уитмэн восклицал:

«Америка нуждается в новой поэзии, которая должна смотреть больше в будущее, чем в прошлое. Эта поэзия должна освободиться от влияния величайших даже образцов прошлого и, при всем уважении к ним, найти точку опоры в себе самой, в своей демократической сущности».

И, подобно современным футуристам, Уитмэн обосновывал свою реформу поэзии в целом ряде манифестов (статей и предисловий).

Сбросить с себя «социальную и литературную этикетку, унаследованную от феодального мира с его кастовым духом», воплотить в образах наш «деятельный век», наш век «прекрасный», как любой из предыдущих, хотя его красота и «иного рода», воспеть наш промышленный век, «с его железными дорогами, телеграфами и машинами, с его героическим трудом на фермах, на заводах и шахтах», такова, по словам Уитмэна, задача «американской поэзии».

Эта новая по содержанию поэзия, поэзия промышленного века, нуждается в иной, чем старая, более «гибкой» и «многогранной» форме; свойственный ей покров это—«свободная» и «божественная» проза.

«Отныне — заявляет Уитмэн — песня должна приобретать и сохранять поэтический характер, без всякого отношения к рифмам и размеру».

Та новая форма, в которую были вправлены «Побеги травы», должна была, по замыслу ее творца, соответствовать, как видно, ритму промышленного века с его машинной техникой, с его деловой лихорадочной деятельностью, с его кипучей работой на земле и под землей. И не только ему, но и ритму большого города.

Одним из любимых развлечений американского поэта было, как он сам сообщает в одном из своих писем (1868 г.), кататься в хорошую погоду по улицам Бруклина (часть Нью-Иорка), сидя наверху дилижанса, рядом с кучером. Мимо него в бесконечной панораме проносились дома и магазины, пешеходы и экипажи, вся оживленная, мно-

гоцветная и многозвучная жизнь большого города. И ему становилось все яснее, что старые формы лирики уже непригодны для передачи этого обилия теснящихся и сменяющихся впечатлений. Все больше в нем крепла мысль, что современный поэт, поэт современности, должен быть, как он выразился в первом предисловии к своим песням, не более, как «каналом» для мыслей и предметов, т.-е. поэт должен передавать получаемые от жизни впечатления в их живой непосредственности, в том виде, как они в нем возникали, не распиная их на прокрустовом ложе старой стихотворной техники, заставлявшей поэта видоизменять и калечить, в угоду ей, картину души, картину мира.

Сам Уитмэн подчеркивает, что его новая поэтическая форма сложилась именно в атмосфере большого города с его вихрем быстро меняющихся впечатлений. «Мои критики,—заметил он,—будут смеяться, если я им скажу, что мои прогулки на омнибусе по улице Бродвэ не остались без влияния на мои песни».

В этой импрессионистической форме, заменившей старую «литературную этикетку», заимствованную от «феодального мира», ритмической прозой, было, несомненно, кое-что наивное и детское. Это, быть-может, только, как выразился один критик, «протоплазма поэзии». И, однако, эта первобытная, немного «варварская» форма гармонировала, как нельзя лучше, с содержанием этих песен, воспроизводивших наш «деятельный» промышленный век в его первоначальной девственной фазе.

Три черты, в особенности, характерны для промышленного века, «прекрасного, как любой из предыдущих», а именно—городской характер жизни, кипучая работа среди машинного гула и преобладающее значение масс, в частности рабочей массы.

Поэзия Уитмэна ярко отразила в новой форме все эти три черты индустриального века.

Перед нами, прежде всего, песни города, песни горожанина. Поэт назвал себя в одном из своих стихотворений очень метко «другом многолюдной улицы».

«Из года в год, изо дня в день брожу я, о город, по твоим улицам, и они дарят меня избытком впечатлений, обогащают душу незабываемыми видениями».

Пусть другие восхищаются лесным уединением, полями, засеянными рожью и клевером.

«Мне милее людские лица и улицы»,—восклицает поэт,—вереница экипажей вдоль тротуаров, милее берега и верфи, унизанные черными кораблями, милее сутолока в театрах, ресторанах и больших отелях. Что за мощная жизнь, бьющая ключом, богатая разнообразием О, улицы Мангатаны, как могуче биение вашего пульса! О, толпа Мангатаны, как мощен ритм твоего движения! *)

Как фотограф, заносит поэт в свои песни не только зрительные впечатления от города, сцена за сценой, образ за образом, но и слуховые, не претворяя их, однако, в музыку, а просто перечисляя: «шум колес», «шуршание башмаков», «говор гуляющих», «звон копыт о мостовую» и т. д.

И все-таки город, столь милый сердцу поэта, еще не высится царем, великаном над страной. Кругом еще раскинулись безбрежные прерии, желтеющие нивы и девственный лес. И потому в песнях Уитмэна с дымом фабрик мешается запах пашень, и в грохот уличной сутолоки врывается, вместе с шопотом деревьев, шорох степной травы.

Песни Уитмэна—далее гимн промышленному труду.

В своем псалме по случаю столетия провозглашения независимости Северо-Американских Штатов поэт приглашает музу старого света вместо того, чтобы восхищаться пирамидами фараонов и рыцарскими замками, символами прошлого, «памятниками тирании», лучше заглянуть в «демократический храм американской индустрии», где не смолкает победный шум машин. Не средневековые синьоры воздвигли этот храм подневольным трудом рабов, а вольные люди свободной страны.

В песнях Уитмэна явственно слышится гул кипучей работы в этой огромной мастерской.

---

[1]) Мангатана—индейское имя Нью-Иорка.

«Смотри: пароходы дымят в моих песнях.
Ежечасно прибывают в моих песнях эмигранты.
Вращается машина с ее цилиндрами—вот телеграф, опутавший материк.
Свистя и пыхтя отправляется в путь быстроходный паровоз.
Пашет ниву земледелец, углекоп добывает уголь, встает вереница фабрик.
Смотри: по дну океана передается Европе биение пульса американской жизни'
и Европа дает немедленный ответ».

В этом девственном мире труда цаит еще относительная гармония. Соиальные противоположности еще тольо слабо намечены. Только, как бы миоходом, брошен намек на контраст :ежду богатством одних и бедностью ругих.

Песни американского поэта отводят широкое место и третьему элементу ашего «деятельного» и «прекрасного» ека: не судьба отдельной личности их ема, а жизнь многомиллионной массы. :ак в бесконечной панораме, проходят абочие и фермеры, каменотесы и саожники, матросы и швеи. Никто не абыт. Все одинаково званы. Всем уговано почетное место. На фронтоне той поэзии красуется герб современости, новое слово. «Мое слово»,—с горостью прибавляет поэт,—слово «наод», «толпа» (en masse).

А в далекой перспективе, в дымке из рез и тумана, поднимается идеальный ород, город будущего, жители которого паяны навек крепкими узами товарищеской солидарности.

«Мне снился сон. Я видел город. И нилось мне: то город товарищей. Любовь царила в нем. Она всем управляла.)на ежечасно сказывалась в поступках :ителей того города, в каждом их взгляе, в каждом их слове».

В атмосфере зачинавшегося промышленного общества зародилась, таким бразом, поэзия своеобразная, облекавтая в форму радикально отличную от тарой, в форму наивно-первобытную—толь же девственный мир, где город не спел еще поглотить царство полей и есов, и где мирный труд еще не нарушался вспышками социальной борьбы.

Песни Уитмэна были—по словам одного из исследователей — «первым поэтическим воплощением современности», и в них явственно слышится «биение пульса нашей жизни, могучее и неустанное, как дыхание огромных динамомашин».

Песни Уитмэна не только апофеоз города, промышленности и массы, тех трех факторов, из взаимодействия которых складывается в значительной степени духовная физиономия нашего «деятельного» и «прекрасного» века, но и гимны о братстве всех людей, всех наций, всех явлений мира.

Поэзия Уитмэна родилась из чувства взаимной связанности всех индивидуумов и единиц, и это чувство взаимной связанности порождено именно городским укладом жизни, с которым она, как мы уже видели, вообще, так тесно связана.

«Вот город,—восклицает поэт в одном из своих стихотворений,—и я один из его горожан. Все, что касается других, касается и меня. Мысль, родившаяся во мне, живет в них».

Во всех людях поэт видит своих «двойников». Грань, отделяющая человека от человека, незаметно стирается. Он в других, как другие живут в нем. Вот сидит за станком ткачиха, седой наборщик склонился над шрифтом, репортер скользит карандашем по страницам записной книжки.

«Все они теснятся мне в душу, как я вторгаюсь в них»,—восклицает поэт. «Я любой из них, и из них из всех слагаю я песню о себе».

Поэт так органически тесно сливается с другими, что все, что происходит с ними, он ощущает, как свои собственные переживания. Он до такой степени привык отожествлять себя с ближним кто бы ни был он, что его личность совершенно растворяется в чужом горе и в чужой радости. Он—и негр, затравленный псами плантатора, и женщина охваченная предчувствием материнства он—раненый на поле битвы и ребенок, простирающий свои ручки с надеждой к жизни.

Из этого чувства родства и единства всех людей вырастает, как цветок из плодородной почвы, убеждение в их равноценности.

«Древний провозглашаю я лозунг,—восклицает поэт,—поднимаю знамя американской демократии». На этом знамени начертаны слова: «Клянусь, н

присвою я себе ничего того, в чем не мог бы участвовать, **на равных со мною началах**, и всякий другой». А из этого чувства всеобщей равноправности родится с неизбежностью **сознание всеобщего равенства**.

«Велик не тот город, где более всего накопилось богатств, а тот, где нет ни господ, ни рабов, где детей учат самим себе быть законом, и где женщина наравне с мужчиной участвует в законодательстве страны».

Зародившись в городе, с его сближающим людей укладом жизни, это чувство солидарности граждан, в век объединяющей все страны промышленной деятельности, незаметно переходит в веру в возможность охватывающего **все нации союза**. Певец гражданского равноправия становится поэтом международного братства. Мысленно облетает он земной шар. Всюду он свой. Всюду он дома. Он и «африканский дикарь», и «гонимый еврей», он и «парижанин», и «москвич». И с уст его льется надписанный французскими словами «Привет миру» (Salut au monde), гимн о солидарности наций, гимн в честь мирового братства.

«Всем вам, обитателям материков Азии, Африки, Европы и Австралии, всем вам, обитателям бесчисленных островов, от имени Америки я шлю привет. Все мы одиноково нужны и одинаково ценны. Все мы одинаково божественны. Привет же вам и всем нациям мира. —Salut au monde».

Это чувство солидарности между людьми и нациями переходит затем в душе американского поэта в еще более широкое по содержанию сознание родства и **единства всех созданий космоса**. Во всех явлениях, больших и малых, в солнце, равно как и в былинке, угадывает он разнообразные проявления одной и той же изначально-божественной сущности, равноценных детей единой матери—природы.

Так обнимало сердце «доброго седого поэта»—как окрестил его один из его поклонников — братским чувством **всех людей, все нации, все явления мира**. [1])

В этой всеобъемлющей любви к человечеству и к миру, к жизни во всех ее проявлениях и во всех ее разновидностях усматривал он то идейно новое, то духовно ценное, что составляло, по его мнению, сущность мировоззрения демократии, и пел он свои песни, главным образом, затем, чтобы засеять землю семенами этой новой религии, этой веры в мироздание, как воплощение идеи великого братства.

И до конца своих дней не переставал он верить, что если не теперь, то в будущем его идеал облечется в плоть и кровь, и вся земля от края до края покроется свежими, зелеными, сочными «побегами травы» — всходами новой жизни.

Среди его стихотворений есть одно, надписанное «Таинственный трубач». В нем он особенно ярко выразил свою неугасавшую веру в торжество истинно человеческой жизни. До слуха его доносится мелодия, которую играет незримый трубач, и под эти звуки встает в его памяти прошлое Америки, запятнанное рабством и кровью.

«А теперь,—восклицает поэт,—сыграй песню новую и лучшую,
Разверни картину будущего!
Наполни душу предчувствием!
О ликующая песня высочайших высот!
Неземная сила дышит в твоих звуках.
Победный марш!—Совершенный мир!—мужчины, женщины, здоровые, целомудренные и мудрые.
Праздники смеха и счастья!
Очищена земля от всякого зла, от войны, забот и страданий.
Осталась только радость.
Ею наполнен океан, ею насыщен весь воздух.
Радость свободы, любви и света.
Радость жизни, достигшей высочайших высот».

В. Фриче.

---

[1]) Этому учению поэта о братстве людей не противоречит его участие в войне между северными и южными штатами в 1862 году в качестве к тому же не солдата, а брата милосердия. Для северных штатов, сыном и поэтом которых он был, война была «идейная», «освободительная». Речь шла об уничтожении невольничества. С огромной самоотверженностью отдался Уитмэн своему благородному делу, переходя с поля битвы в госпиталь, из госпиталя в лагерь, ухаживая за ранеными, ободряя их добрым словом участия и любви. «Кто сможет описать все виденное мною»,—писал он. «Кто расскажет о всех этих героях и подвигах?» Безыменными останутся навсегда наши храбрецы, наша молодежь, наши смелые любимцы». Вынесенные им из этой войны впечатления легли потом в основу его военных песен, где с трогательной нежностью изображены эти безвестные борцы за уничтожение рабства.

Стихи Уота Уитмэна из книги „Листья травы“.

Тебе.

Кто бы ты ни был, я боюсь, что ты идешь по пути сновидений,
И в чем ты так крепко уверен,—боюсь, то уйдет у тебя из-под ног и под руками растает,
И обличье твое, и твой дом, и слова, и дела, и тревоги, и твое веселье и безумство,
Все ниспадает с тебя, и твое настоящее тело, и твоя душа настоящая, только они предо мною,
Ты предо мною стоишь в стороне от работы своей и заботы, от купли-продажи, от фермы твоей и от лавки, от того, что ты ешь, что ты пьешь, как ты скорбишь, умираешь.
Кто бы ты ни был, я руку тебе на плечо возлагаю, о, будь моею поэмой!
Я близко, так близко губами над твоим ухом шепчу:
Много любил я мужчин и женщин, но никого—как тебя.
Долго я мешкал вдали от тебя, долго я был, как немой,
Мне бы давно прибежать к тебе,
Мне бы твердить о тебе без конца, мне бы тебя одного воспевать,
Кто бы ты ни был.
О, я покину всех, я пойду и гимн создам о тебе,
Никто ведь не понял тебя, я один понимаю тебя,
Никто справедлив к тебе не был, ты сам справедлив к себе не был,
Все находили из'яны в тебе, один только я не вижу никаких из'янов в тебе,
(Один только я не ставлю над тобою ни владыки, ни Бога:
Над тобою лишь тот, кто таится в тебе же самом).
Иконописцы писали кипящие толпы людей, и меж них Одного посредине,
И голова Одного посредине была в золотом ореоле,—
Я ж икону пишу, и на ней мириады голов, и все до одной—в золотых ореолах,
От руки моей льется сияние, от мужских и от женских голов вечно исходит оно.
О, я мог бы пропеть про тебя такие величавые гимны, восславить славу твою,
Кто бы ты ни был.
Как ты велик, ты не знаешь и сам, проспал ты себя самого,
Твои веки как будто опущены были во всю твою жизнь,
И все, что ты делал, к тебе обернулось, словно бы кто над тобой посмеялся.
(Богатства твои, и молитвы, и знания, если не в чью-то насмешку они обернулись, то во что обернулись они?)
Но посмешище это—не ты.
Там, под спудом, внизу, затаился ты настоящий,
И я вижу тебя, где никто не увидит тебя.
Ни молчание твое, ни конторка, ни ночь, ни наглый твой вид, ни рутина твоей жизни не скроют тебя от меня;
Лицо твое бритое, желтое, и зрачки беспокойные пусть с толку сбивают других, но меня не собьют,
Твой пошлый наряд, безобразную позу и пьянство, и похоть, и раннюю смерть, все я отброшу прочь!
Ни у кого нет таких дарований, которых бы не было и у тебя,
Ни такой красоты, ни такой доброты, какие теперь у тебя,
Ни дерзания такого, ни терпения такого, какие есть у тебя,
И какие других наслаждения ждут, такие же ждут и тебя,
И я никому ничего не дам, если столько же не дам и тебе,
И никого, даже Бога, я песней моей не прославлю, если я не прославлю тебя.
Кто бы ты ни был! Иди напролом и требуй.
Эта пышность Востока и Запада—безделица рядом с тобою,
Эти равнины безмерные и эти реки безбрежные,—безмерен, безбрежен и ты, как они.
Эти бури, вулканы, стихии, иллюзия смерти, ты тот, кто над ними владыка,
Ты по праву владыка над скорбью, над страстью, над смертью!
С ног твоих путы спадают, и ты видишь: все превосходно!
Молодой или старый, мужчина или женщина, грубый, подлый, отверженный всеми,
Кто бы ты ни был,
Через печали, утраты, через обиды и скуку проложило дорогу твое настоящее я.

Из «песни о самом себе».

15.

Чистое контральто поет в церковном хоре,
Сумасшедшего везут, наконец, в сумасшедший дом (не спать уж ему никогда, как он спал в материнской спальне);
Наборщик с седою головой, иссохший, наклонился над кассой, во рту он шевелит табак, а глаза уставил в рукопись.
Крепко привязано тело калеки к столу у хирурга, то, что отрезано, шлепает страшно в ведро;

Машинист закачал рукава, полицейский обходит участок, привратник глядит, кто идет;
Парень едет в фургоне (я влюблен в него, хоть и не знаю его).
Рог трубит, призывает в залу, кавалеры бегут к своим дамам, танцоры отпускают друг другу поклоны,
Мальчик не спит у себя на чердаке под кедровою крышей и слушает музыкальный дождь;
Пароходик пристал в—недвижен, матросы бросили на берег доску, чтобы пассажирам сойти,
Младшая сестра для старшей держит клубок, из-за узлов у нее всякий раз остановка;
Карандаш репортера быстро порхает по записной его книжке;
Маляр пишет вывеску лазурью и золотом;
Проститутка влачит свою шаль по земле, шляпка висит у нее на пьяной прыщавой шее, толпа хохочет над ее неприличною бранью, мужчины глумятся, друг другу подмигивая (жалкая! я не смеюсь над твоей неприличною бранью и не глумлюсь над тобой);
Штукатуры дом штукатурят, кровельщик кроет крышу, каменщики кричат, чтобы им дали известки;
По площади, дружно обнявшись, чинно шествуют три величавых матроны:
Осень за летом идет, пахарь пашет, косит косарь, и озимь сыплется наземь;
Патриархи сидят за столом с сынами и сынами сынов и сыновних сынов сынами;
В палатках отдыхают охотники после охоты,
Город спит, и деревня спит,
Живые спят, сколько надо, и мертвые спят, сколько надо,
Старый муж спит со своею женою, и молодой муж спит со своею женою,
И все они льются в меня, и я выливаюсь в них,
И все они—я,
Из них изо всех и из каждого я тку эту песнь о себе.

Европа.

Из душного рабьего логова
Она молнией прянула и сама на себя удивляется,
Ногами она топчет золу и лохмотья,
А руками сжимает глотки королей.
О, надежда и вера!
О, страдания патриотов-изгнанников, испускающих дух на чужбине!
О, сколько болевших печалью сердец!
Вернитесь сегодня на родину, да будет вам новая жизнь!
А вы, получавшие золото за то, что чернили народ,
Узнайте, лжецы и стяжатели, что за все ваши пытки, за судороги,
За то, что вы, как черви, сосали простодушно-доверчивых нищих,
За то, что лгали, обещая, королевские уста
И, обеты нарушая, хохотали,—
Народ отмщает прощением, ему не нужны ваши головы,
Ему омерзительна свирепая лютость царей!
Но нежная милость взрастила жестокую гибель, и запуганные короли пришли назад,
Идут величаво и горде, и каждого окружает свита: поп, вымогатель, палач,
Тюремщик, законник, барин, солдат и шпион.
А сзади всех—смотри!—какой-то призрак ползет и крадется, мглистый, как ночь,
Весь в багряницу закутан, лоб, голова и тело обмотаны кроваво-красными складками,
Не видно ни глаз, ни лица,
Но из-под этих алых одежд, приподнятых невидимой рукою,
Один-единственный скрюченный палец, указывающий ввысь, в небеса,
Появляется, как головка змеи.
А в свежих могилах лежат окровавленные молодые трупы,
И натянуты веревки у виселиц, и носятся пули владык,
И деспоты громко смеются,—
Но все это даст плоды, и плоды эти будут хорошие.
Эти трупы юношей,
Эти мученики, висящие в петле, эти пронзенные серою сталью сердца,
Недвижны они и холодны, но все же они вечно живут, и их невозможно убить.
Они живут, о, короли, в других таких же юных,
Они в оставшихся братьях живут, готовых снова восстать против вас,
Они были очищены смертью, смерть возвеличила и умудрила их.
Над каждым убиенным за свободу, из каждой могилы возникает семя свободы, а из этого семени—новое,
Далеко разнесут его ветры для новых и новых посевов,
Его взлелеют дожди и снега.
И каждая душа, покинувшая тело, убитое тираном-палачом,
Незримая парит над землею, шепчет, зовет, стережет.
Свобода! пусть отчаются другие, я вовек не отчаюсь в тебе.
Что? этот дом заколочен? Хозяин куда-то исчез?
Ничего, он скоро вернется, ждите его.
Приготовьтесь для встречи, вот уже идут его вестники.

Бей, бей, барабан.

Бей, бей, барабан! Труби, труба, труби!
В окна, в двери ворвитесь, как буйная рать!
В церковь!—долой молящихся!
В школу!—долой школяров!
Прочь от невесты, жених, не время теперь женихаться!
Пахаря с пашни прочь! Не время пахать и косить!
Бешено гремят барабаны! Яростно трубы трубят!
Громче, барабаны и трубы!
Гряньте над грохотом города, над громыханьем колес!
Что? для спящих готовы постели? кто же заснет в эту ночь?
Не торговать, торгаши! барышники, сегодня не барышничать!
Смеют ли говоруны говорить? певец, прекрати твою песню!
Что? адвокат попрежнему мямлит свою речь на суде?
Громче же, барабанная дробь! кричи, надрывайся, труба!
Заглушите младенческий крик и материнские вопли!

о за дело до молящихся и плачущих! до стариков перепуганных!
еть даже мертвецы задрожат, непогребенные, ждущие гроба!
пите, кричите, трубы! греми, роковой барабан!

Годы современные.

рты рубежи между царствами, проведенные в Европе царями,
не возведет сам народ свои рубежи на земле,—
когда еще не был простой человек более подобен Богу,
вездесущ на земле и на воде,
спаял, он связал воедино все страны, всю географию мира пароходом, телеграфом, газетой, фабриками, всюду разбросанными;
о это за шопот, о, страны, бежит между вами, проносится в пучине морской?
е народы беседу ведут? Не создается ли у шара земного единое сердце?

Человечество стало единое тело, сплотилось в единый народ, тираны дрожат, их короны, как призраки, тают.
Кто предскажет, что завтра случится, дни и ночи исполнены знаменьями,
О, вещие, пророческие годы!
Деянья, еще не соденные, вещи, еще не созданные, нагрянули на меня, я их чувствую в экстатическом лихорадочном сне,
Они нахлынули на меня, они давят меня, они насквозь пронизают меня,
И вот у меня перед взором ни Америки нет, ни Европы,
Все прошло, завершенное, отступает куда-то во мрак,
Надвигается огромное будущее, идет и идет на меня.
Я вижу горизонт расступается,
Я вижу свободу в полном вооружении, надменную, как триумфатор,
А с нею плечо к плечу шествуют Мир и Закон.

Толстой Индии.

Величайшего индийского поэта, философа и политического деятеля великобританское правительство дерзнуло бросить в тюрьму, как о том гласит телеграмма, облетевшая весь цивилизованный мир. Наглость и лицемерие английских правителей превосходит всякую меру: в то время, как даже черносотенное правительство Николая Последнего, в самые мрачные дни своего правления, не осмелилось заключить в тюрьму великого писателя земли русской, Льва Николаевича Толстого, английские «просвещенные демократы», в самый разгар своей борьбы, якобы за «справедливость» и «свободу», несправедливо лишают свободы величайшего поэта и мыслителя, которого дала Индия всему миру. Повторяю, до такого позора, до такой степени варварства не дошла даже царская Россия, считавшаяся еще, хотя бы в редких и особо важных случаях, с общественным мнением Западной Европы. Англия же XX века сбросила с себя и этот фиговый листок и показала, что все уважение так называемого «демократического» строя к личности и совести человека безвозвратно выдохлось в Англии, как и всюду в других буржуазных странах. Припомните, какой шум поднялся, несколько лет тому назад, вокруг высылки русскими властями из пределов России знаменитого датского писателя, Георга Брандеса, на том основании, что он еврей! Но ударит ли пальцем о палец хотя бы один «просвещенный» империалист, пошевельнутся ли его губы для того, чтобы произнести хотя бы одно слово протеста против этого небывалого акта насилия, против белого террора, примененного к великому поэту Индии, которого мы можем сравнить лишь со Львом Толстым. Такого протеста в буржуазной Англии до сих пор не раздавалось, да и не раздастся. Почему? Потому, что здесь дело идет о таких жизненных интересах, из-за которых Англия готова решиться на все, вплоть до отказа от ею же созданных и чтимых в прошлом принципов,—об удержании за собой ее индийских колоний. А вот крестьянская и рабочая Россия наверное подняла бы свой громкий голос протеста против этого акта, если бы она была более осведомлена о том, кто такой Рабиндранат Тагор. Ознакомить русский пролетариат с личностью и значением великого индийского патриота и является задачей настоящей статьи.

Так кто же такой Рабиндранат Тагор, и почему так испугались его теперь англичане, что поскорее заточили его в Шанхайскую тюрьму?

Наше сравнение Тагора с Толстым обусловлено не одним только **внешним** сходством их судеб,—заточением одного и отлучением другого, — это сходство поразительно и по **внутреннему** содержанию этих двух великих натур: они оба насквозь пропитаны этическим и религиозным духом. Основной тон их душ—**любовь**, с той лишь существенной разницей, что это чувство у Тагора более широко и всеобъемлюще нежели у Толстого.

Тагор происходит из знаменитого индусского рода, отмеченного рядом имен, славных в истории Индии. Так, один из предков его (Прозоппо Коомар Тагор) был известным юристом и педагогом и основателем Британско-Индийского Общества, другой (Райа сэр Суриндра Мохун Тагор)—один из крупнейших музыкальных деятелей Индии, основатель музыкальной школы и консерватории в Бенгалии и автор многих произведений об индусской музыке. Отца же его (Дебендраната Тагора), за его мудрость и благочестие народ прозвал «махарши», что значит: «великий мудрец». Из такой высоко одаренной духовно среды вышел знаменитый поэт-мыслитель, и он впитал в себя все высокие качества своего рода: необыкновенную внешнюю красоту и личное обаяние, благородство натуры и необыкновенные умственные и нравственные качества, а также и крупные художественные таланты; таким образом в его лице соединяется поэт, мыслитель, ученый (историк), певец, композитор и политический деятель.

Мудрый отец его изучил и понял натуру своего сына, когда тому было еще

весьма мало лет; вместо того, чтобы оставить его в школе, он взял его вместе с собой в горы Гималая, где он показывал мальчику, впечатлительному и страстному поклоннику природы, все прелести индийских пейзажей и посвящал его вместе с тем в тайны богосказаний (мифологии), рассказывая ему легенды о богах. Он учил его национальным и иностранным, старым и новым языкам, проходил с ним науку о растениях (ботанику) и науку о движениях небесных тел (астрономию).

Уже па двенадцатом году своей жизни мальчик Тагор стал складывать стихи, которые, как он сам выражался, стали напрашиваться сами собою. В настоящее время его поэтическая слава дошла до того, что в 1914 году он был увенчан шведской Академией наук Нобелевской премией, присуждаемой за лучшее произведение литературы, появившееся в течение года. То был первый случай увенчания такой премией не-европейца; поводом к присуждению премии послужило появление художественного произведения, воплощающего всю высоту старой индусской культуры. Мы говорим о книге Тагора, озаглавленной «Жертвенные песни» («Гитанджали») и представляющей из себя сборник гимнов.

Основной тон поэтического творчества Рабиндраната Тагора, как я уже сказал,—это любовь во всех ее видах и проявлениях. «Любовь, — говорит о Рабиндранате Тагоре один писатель— изливается из его души, ума и сердца, как непрерывный поток, принимающий при своих извилинах всевозможные формы, от элементарных физических, до сложных духовных. Он чувствует любовь во всех ее многочисленных проявлениях: в материнской любви, в любви к детям, в супружеской любви, в любви полов, в любви к отечеству, в любви к Бахусу (богу вина) и, наконец, в любви к природе. Его стихи и потрясают, и восхищают душу, заставляют чаще биться сердце и наполняют глаза слезами». Он сам прошел все фазы любви: — от обоготворенной чувственной любви до спокойно величавой любви святых.

О моменте внутреннего перелома в жизни Рабиндраната Тагора, отметившем его переход к более одухотворенной и облагороженной любви, сам поэт рассказывает следующее: «Однажды утром мне пришлось наблюдать с моей веранды, из-за ветвей деревьев моего сада, восход солнца. С моих глаз вдруг как бы спала пелена. Весь мир облекся в моих глазах в чудную красоту,—мощным потоком разлилась она по всему свету... Все приобрело для меня особую привлекательность, — все, решительно, все. Мне захотелось приветствовать людей, даже тех, которые мне были прежде неприятны.

И Рабиндранат Тагор стал с той поры любимым **народным** поэтом, национальным певцом народного горя и радости, выразителем народных надежд и разочарований.

Его песни распеваются везде: на улицах, когда рано утром будят людей для того, чтобы они приняли участие в богослужении; под сенью фиговых деревьев, когда пастухи отдыхают на полях и лугах, залитых золотыми лучами восходящего солнца, и селяне толпами возвращаются домой после тяжелой и изнурительной работы; оне распеваются на **национальных конгрессах и конференциях,** на спортивных и гимнастических площадках, на всех перекрестках,—там, где стоят и просят милостыню нищие, где справляются свадьбы, и совершаются религиозные обряд

Рабиндранат Тагор народен, национален еще и по тому, как он чувствует и воспринимает окружающую его жизнь. Он близок своему народу по всему складу своей души; этим и объясняется то огромное влияние, которое он производит на свой народ,—влияние глубокое и длительное, может быть, вечное. Он певец национальный в истинном смысле этого слова: он насквозь проникнут любовью к своему страждущему и стонущему под игом английского владычества народу, но в то же время чужд национальной ненависти и исключительности. Его патриотизм — патриотизм гуманный, человечный, ибо он вместе с тем глубоко верит в **единство человеческого рода.** Здесь уже заложен элемент интернационализма, элемент пока чисто психологический, еще слишком общий и абстрактный. Но социалистическое мировоззрение может и должно его довести до совершенной формы — интернационализма.

Основное положение Тагора гласит: «человечество сильнее, чем все народы»; он полагает, далее, что, как роза стремится распустить свои лепестки, точно так же и роза человечества совершенна лишь в том случае, если всевозможные расы и нации, развертывая свои национальные и расовые особенности, тем не менее прикреплены к общему стволу человечества узами любви. На этом убеждении основана его глубокая вера в то, что, хотя Запад и Восток и должны жить разной жизнью, выполнять различные задачи, но конечная цель их одна и та же. На одном большом банкете в Лондоне он однажды высказался таким образом: «Я убедился в том, что, несмотря на различие наших языков и обычаев, в глубине души мы все одинаковы. Но все же Восток остается Востоком, а Запад—Западом: упаси Бог, чтобы было иначе. Но обе эти части земного шара должны жить друг с другом в мире, добре и взаимном согласии.

В условиях буржуазного строя этот романтический «интернационализм» безусловно утопичен. Но, утвержденный на прочном основании классового пролетарского сознания, наполненный социально-трудовым началом, он, становится реальным,—становится теорией интернационала, как она понимается и проводится в жизнь с точки зрения революционного социализма.

Мировоззрение Рабиндраната Тагора, при всей своей глубине, несложно и кристально чисто, почти наивно. Но в этой простоте и наивности и заключается величие Тагора. От него веет истинным духом Христа, которого он сильно напоминает. Потому-то нас так и чарует его проповедь, несмотря на то, что наше мировоззрение проникнуто совсем другим духом,—духом борьбы за свой идеал.

Английские империалисты жестоко насмеялись над этим чарующим идеализмом Рабиндраната Тагора. Его романтике любви и всечеловечества в пределах буржуазного общества хищные элементы последнего преподали урок злобы и ненависти,—урок «реальной политики», уча его на деле, что за свой идеал надо бороться, вооружившись силой, а не проповедью любви. И народ, который его любит и чтит, как величайшего своего поэта, несомненно сделает из этого факта своим здоровым, простым инстинктом надлежащий вывод—если не сегодня, так завтра, если не завтра, так послезавтра.

Рабиндранат Тагор был арестован в связи с движением в Индии против куцого проекта реформы сэра Монтегю и лорда Чельмсфорда, принятого английской палатой общин,—проекта, отвергнутого всей прогрессивной и революционной Индией. Как политический деятель, Тагор принадлежит к партии индийских националистов, стремящихся к полной государственной независимости Индии от угнетающей ее Великобритании. Обвинение в сношениях с повстанцами, выдвинутое против него английским правительством, повидимому, только предлог: англичане боятся его огромного влияния на возбужденные умы индусов. Это — рискованный шаг со стороны английских империалистов, внушенный им паническим, безумным страхом перед надвигающейся грозой в Индии, этом главном источнике их силы. В своей самозащите «просвещенные» английские правители оказались не более дальновидными и не менее беспощадными, чем их братья по духу русские деспоты. Но индийский народ отомстит за своего любимца, за своего Толстого, своего певца любви к отечеству и мученика за индийскую свободу и независимость.

К. Трояновский.

Стихотворения Рабиндранат Тагора.

(Из книги „Садовник").

6.

Комнатная птица сидела в клетке, вольная птица летала в лесу.

Они встретились, когда настало время,—таков был приговор судьбы.

Вольная птица кричит: «О, летим со мною в лес, любовь моя!»

Комнатная птица щебечет: «Лети ко мне, будем жить в клетке вдвоем».

Вольная птица говорит: «За решеткой, где негде расправить и крыльев?»

«Увы!»—кричит комнатная птица:—«Нет в небе жердочки, где я могла бы присесть».
Вольная птица кричит: «Спой песню лесов, радость моя!»
Комнатная птица говорит: «Присядь возле меня, я научу тебя петь по ученому».
Лесная птица кричит: «Нет, ах, нет! Песням нельзя научиться».
Комнатная птица говорит: «Увы, я не знаю песен лесов».
Разгорается любовь их, но никогда не полететь им вместе, крыло с крылом.
Они глядят друг на друга сквозь решетку клетки, но тщетно желание их узнать друг друга.
Они трепещут в томлении крыльями и поют: «Ко мне, любовь моя!»
Вольная птица кричит: «Это невозможно, мне страшны глухие дверцы клетки».
Комнатная птица щебечет: «Увы, крылья мои бессильны и мертвы».

13.

Я ничего не просил, только стал за деревом на опушке леса.
Еще была истома в глазах зари и роса в воздухе.
Ленивый запах росистой травы тонким туманом висел над землей.
Ты доила корову под баньяном, руками нежными и свежими, как масло.
Я не промолвил ни слова. То пропела птица, невидимая в чаще.
Манговое дерево роняло цветы на деревенскую дорогу, и пчелы, жужжа, пролетали одна за другой.
На берегу пруда растворились ворота в храме Шивы, и служитель начал песнопения.
Держа на коленях сосуд, ты доила корову.
Я стоял с пустой кружкой.
Я не подошел к тебе.
Небо пробудилось от звуков гонга в храме.
Пыль поднялась на дороге от бегущего стада.
Женщины шли от реки, держа у бедра булькающие кувшины.
Твои браслеты звенели, и пена клубилась через край кувшина.
Утро проходило, и я не подошел к тебе.

17.

Желтая птица поет у них на дереве и заставляет мое сердце трепетать от радости.
Мы оба живем в одной деревне, и в этом наша общая радость.
Два ее любимых ягненка приходят пастись под тенью нашего сада.
Когда они заходят в наше ячменное поле, я беру их к себе на руки.
Название нашей деревни Канджана, а реку нашу зовут Анджана.
Мое имя известно всей деревне, а ее имя Ранджана.
Только одно поле разделяет нас.

Пчелы, что роились в нашей роще, летят собирать мед в их рощах.
Цветы, брошенные со ступенек их пристани, приплывают к тому месту, где мы купаемся.
Корзина сухих цветов *кусма* приходит с их полей на наш рынок.
Название нашей деревни Канджана, а реку нашу зовут Анджана.
Мое имя известно всей деревне, а ее имя Ранджана.
Тропинка, что вьется к их дому, благоухает весной манговым цветом.
Когда созреет их лен, в нашем поле цветет конопля.
Звезды, что улыбаются на их домик, шлют нам свой мерцающий взгляд.
Дождь, что наполняет их чан, радует наш *кадмовый* лес.
Название нашей деревни Канджана, а реку зовут Анджана.
Мое имя известно всей деревне, а ее имя Ранджана.

73.

Богатства твои не несметны, терпеливая, темная, Мать-Земля.
В поте лица своего насыщаешь ты своих детей, но скудна твоя пища.
Радости, что даришь ты нам, никогда не совершенны.
Игрушки, которыми ты забавляешь своих детей, не прочны.
Ты не в силах утолить наших алчных надежд,— но разве я оставлю тебя за это?
Улыбка твоя, осененная скорбью, сладостна для моих глаз.
Любовь твоя, не знающая полноты, мила моему сердцу.
Своей грудью питаешь ты в нас жизнь, но не бессмертие, вот почему вечно бодрствуешь ты.
Веками творишь ты и в красках, и в песнях, и все же рай твой не создан, есть только бледное подобие его.
Прекрасные создания твои затуманены слезами.
Я пролью свои песни в твое немое сердце и любовь свою—в твою любовь.
Я буду поклоняться тебе в муках.
Я узрел твой нежный лик и люблю твой скорбный прах, Мать-Земля!

85.

Кто ты, читатель, что будешь читать мои песни через сто лет?
Я не могу послать тебе ни единого цветочка из этого богатства весны, ни единой частицы золота вон тех облаков.
Открой свою дверь и взгляни вокруг.
Лови в своем цветущем саду благовонную душу цветов, увядших сто лет тому назад.
В радости своего сердца да ощутишь ты ту живую радость, что пела когда-то в весеннее утро, посылая свой радостный голос через сто лет!

Великая французская революция в романе и драме.

Якобинцы в изображении А. Франса.

Яркая, красочная, грандиозная по своему охвату эпоха великой французской революции представляет исключительно интересный материал не только для историка, но и для беллетриста, драматурга, поэта и художника. Недаром, поэтому, мы имеем такое большое количество великих и малых литературных и художественных произведений на сюжеты великой революционной эпохи. Достаточно припомнить благородную по своей простоте и захватывающую по интересу и подъему «Историю крестьянина» — Эркмана - Шатриана; блестящий по своей художественности, бурно-романтический, но далеко не беспристрастный, знаменитый «93-й год»— Виктора Гюго; бесконечную серию «исторических» романов классического делателя романов—Александра Дюма-отца, возглавляемую пресловутым «Шевалье-де-Мезон-Руж»; а в драме—произведения романтика Бюхнера, Гамерлинга, и замечательные драматические достижения Ромена Роллана в его «Взятии Бастилии» и «Дантоне». Список этот можно увеличить еще и еще, но тема далеко не исчерпана: благодарных сюжетов и мотивов—бесконечное количество. Естественно, поэтому, что великая революция в беге целого века с лишком находит все новых и новых повествователей ее дел и дней; естественен и тот интерес, который сопровождает всякий подход к новому трактованию этой чарующей своей вечной молодостью и жизненностью эпохи.

Крупнейшим литературным произведением самого недавнего времени, посвященным французской революции, является, безусловно, роман Анатоля Франса—«Боги жаждут». Уже одно имя автора многое говорит за себя. Один из самых блестящих и оригинальных писателей современной Франции, Анатоль Франс своим каждым новым произведением горячо заинтересовывает широкие читательские круги, привлекая в то же время острое внимание литературной критики. Анатоль Франс принадлежит уже при жизни к числу тех писателей, которых не только читают, но и изучают. Выбор сюжета, неподражаемый блеск стиля, общий философский подход скептика-индивидуалиста на широкой гуманистической основе, благородный элемент прогрессивной, демократической общественности—все это с каждым новым произведением более и более выявляет писательский облик Анатоля Франса.

Сам собой понятен тот интерес, какой могло вызвать появление нового исторического романа А. Франса, посвященного эпохе великой французской революции. И ранее А. Франс, наряду с романами и повестями из современной жизни дал несколько исторических романов и новелл. Достаточно упомянуть, например, знаменитую «Таис» или превосходные по тонкой филигранной работе повести эпохи «старого порядка»: «Харчевня королевы Педок» и «Размышления аббата Куаньяра». Выступая в качестве исторического романиста, Анатоль Франс прямо поражает своим тонким, глубоким проникновением в описываемую им эпоху; будет ли то поздняя античность в ее борьбе с христианством или старая Франция.

В своем новом романе он выявил все свои отличительные черты исторического беллетриста. Тем не менее, вопрос о вполне объективном и спокойном воссоздании якобинской эпохи остается и здесь в полной силе. Как Анатоль Франс справился с этой задачей?

Уже появление первых глав романа на страницах «Revue de Paris» в 1912 году вызвало большую сенсацию. Журналисты правого лагеря возвестили, что известный писатель, убежденный демократ и республиканец, обрушился на якобинцев и написал нечто вроде памфлета. Захлебываясь от радости, неумело и случайно выхватывали реакционные

ублицисты отдельные места и фразы з романа, свидетельствующие якобы о аком-то обращении писателя, об его тречении от старых лозунгов. Но это ыло лишь на первых порах. Доста-очно было дочитать роман до конца, думаться в него, уловить его идею, что-ы вся эта шумиха рассеялась, как дым. Іедаром известный историк Олар, бес-порно лучший в наши дни знаток стории французской революции, гово-ит: «Эта книга полна исторической равды. Если бы какой-нибудь педант ашел в ней некоторые анахронизмы, о это показало бы только, что он ни-его не понял в методе поэта, который оединяет, как находит нужным, но не тановясь в противоречие ни с правдо-одобием, ни с общим знанием,—эле-енты, заимствуемые писателем с так-ом ученого из истории». Общий при-овор Олара тот, что в историческом омане А. Франса «поэзия является равдой». Этот приговор компетент-ейшего историка тем более важен, что от же Олар мастерски вскрыл тенден-иознейшую субъективность знамени-ого труда Тэна.

И, действительно, было бы непрости-ельным легкомыслием или нарочитой редвзятостью считать исторический ро-ман А. Франса тенденциозным отрица-ельным изображением великой эпохи. Іравда, автор нигде не изменил самому ебе, не переменил своего писательско-о облика: эпоха и события рассмотре-ы скептиком-индивидуалистом, «ро-а нистом-эпикурейцем», как называет го проф. Кареев. С этими особенностя-и миросозерцания автора и его под-ода к трактованию литературного сю-кета, конечно, приходится считаться. Это, ведь, все же роман, хотя и роман сторический, произведение, прежде сего, литературное. Автор не может ыть стеснен рамками простого расска-а о событиях, он размышляет и выска-ывается по поводу их. Но и здесь, к еликой чести А. Франса, надо сказать, то точное, объективное восстановление похи во всех ее деталях отнюдь не за-слоняется мастерским изображением от-дельных типов.

Действие романа происходит в яко-бинскую эпоху 1793—1794 гг., в эпоху террора. Грозный и чреватый великими бурями период, с его переходами от великих чаяний и надежд к неумоли-мым, казалось бы, внешним и внутрен-ним опасностям, и вновь вслед за этим к успехам и подъему, период разруше-ния старого и лихорадочного строитель-ства нового, период, когда все частное и личное приносилось в жертву целому, когда всеми возможными средствами старались закрепить свободу и незави-симость,—этот период весьма характе-рен и для психологии отдельных лиц, вождей, и для настроения широких масс. Как справедлив и историчен А. Франс, беря героем своего романа не какую-нибудь крупную историческую фигуру той эпохи, а обычного, среднего французского обывателя-интеллигента, захваченного и увлеченного великой разрушительной бурей! Эварист Гаме-лен, живописец по профессии, присяж-ный революционного суда, ярый яко-бинец, является главным действующим лицом романа. Посредственный худож-ник, человек, вообще, средних способ-ностей и дарований, Гамелен не выде-ляется из массы, не выявляет резко своей индивидуальности; наоборот, он чрезвычайно типичен для среды. Попав в круговорот революции, в ее самый острый и критический момент, он все-цело захвачен политикой, и дышит, и живет исключительно ею. Даже личный роман его с Элоди (дочерью типичного парижского спекулянта) не заставляет его ни на минуту забыть о требованиях момента, и он, вместо любовной лири-ки, часто угощает свою героиню тира-дами на общественно-политические те-мы. События захватили его всего, без остатка. Нам, современникам великой революционной эпохи, вполне понятно это поглощение личности целым, нам понятен знаменитый лозунг Дантона: «Когда отечество в опасности, ему при-надлежит все»! Это преобладание кол-лектива над индивидуумом, эта, в из-вестной степени, политическая нивел-лировка всех граждан, вытекали как-то сами собой и составляли как сильную, так и слабую стороны того времени.

Кроме Гамелена, весьма характерен в этом отношении еще один персонаж романа, — секретарь военного комитета Фортюнэ Трюбер. Этот молодой, 28-лет-ний, сгоравший от чахотки гражданин французской республики жил букваль-но только мечтой об обороне отечества.

Все у него сводилось только к условиям защиты страны и спасения революции. Это было какое-то живое воплощение лозунга Дантона. Для Трюбера, как и для Гамелена, с делом революции была связана вся жизнь, с ним же она и кончилась. Анатоль Франс прекрасно характеризует это в следующих словах: «Работая по 12 и 14 часов в сутки за своим простым белым столом над защитой отечества, находящегося в опасности, этот скромный секретарь комитета совсем не замечал несоответствия между огромностью его задачи и ничтожностью его средств — настолько он чувствовал себя слитым со всеми патриотами в общем усилии, настолько он составлял одно тело с нацией, настолько его жизнь смешивалась с жизнью великого народа. Он был из тех энтузиастов, полных терпения, которые после каждого поражения подготовляют невозможный, но верный триумф. И они должны были победить. Эти маленькие люди, уничтожившие королевскую власть, опрокинувшие старый мир, этот Трюбер, скромный инженер-оптик, этот Эварист Гамелен, никому неизвестный художник,—они не ожидали пощады от своих вратов. У них был выбор только между победой и смертью. Отсюда их усердие и их спокойствие».

Отечество в опасности, революция, угрожаемая изнутри и извне — это главное; отсюда вывод—надо напрячь все силы для спасения свободы и революции, надо прибегать к самым сильно действующим средствам, чтобы защититься от внешних врагов и беспощадно наказать врагов внутренних. Для Гамелена ясно, что все внутренние неурядицы — колоссальная дороговизна, хвосты перед лавками, бешеная спекуляция порождены контр-революцией. Враг не дремлет, он вырастает всюду, и на границе, и в самом сердце страны. С этим врагом надо вести неумолимую, неустанную борьбу; измену надо вырвать с корнем, необходим террор. Эта грозная система устрашения нужна для общего блага, только через нее можно притти к будущему покойному, мирному строительству.

Отношение к террору среднего якобинца является интереснейшей проблемой романа Анатолия Франса. Гамелен в различных частях романа много и часто говорит о нем. «Нужно было бы учредить трибунал в каждом городе. Да, что я говорю! в каждой общине, в каждом кантоне. Необходимо, чтобы все отцы семейств, все граждане сделались судьями. Когда на нацию направлены пушки неприятеля и кинжалы изменников, милосердие это—отцеубийство. Как! Лион, Марсель, Бордо восстали, в Корсике бунт, Вандея вся в огне, Майнц и Валансьен во власти коалиции, измена царит в деревнях, городах, в лагерях; измена заседает на скамьях Национального Конвента; она сидит с картой в руках в военных советах наших генералов... Пусть гильотина спасет отечество!» В другом месте мы находим целый гимн террору: «Спасительный террор! О святой террор! В прошлом году, в это самое время нашими защитниками были побежденные герои в рубищах; родная земля была занята неприятелем; в двух третях департамента царил мятеж. Ныне наши прекрасно одетые и прекрасно обученные армии, руководимые дельными генералами, перешли в наступление и готовы разнести свободу по всему миру. Во всей республике наступил мир... Спасительный террор! О, святой террор! В прошлом году, в это самое время, республика была раздираема партиями; гидра федерализма готова была пожрать ее. Ныне единство якобинцев простирает свою мощь и свою мудрость над всем государством...».

Но, воспевая так восторженно террор, Гамелен в то же время осуждает жестокость, он, и сам по себе, в сущности добр, чувствителен, даже «сантиментален» в смысле литературного сантиментализма» XVIII века. Для него террор есть необходимость, есть нечто временное, за которым уже последует лучшее будущее. «Республиканцы»—рассуждает он—гуманны и чувствительны. Только деспот утверждает, будто смертная казнь необходимый атрибут власти. Державный народ уничтожит ее в один прекрасный день. Робеспьер боролся против нее, и все патриоты вместе с ним. Следует [illegible] обнародованием закона, [illegible] ее. Но все-таки [illegible] не следует раньше, чем последний враг республики погибнет под мечом закона». Марат, неутомимо [illegible]

еррор, для Гамелена является поэтому добрым, гуманным, творящим добро».

Потеряв в его лице своего руководителя, Гамелен все надежды возлагает на вождя якобинцев Робеспьера. Все, что ни делает «неподкупный», вызывается благом отечества, будет ли то расправа с Дантоном и Шометом или проведение культа Верховного Существа. Гамелен скорбит о поклоннике Руссо—Робеспьере, что ему приходится, вопреки своему чувствительному сердцу и настроению, проводить в жизнь самые крайние меры. «Я видел твою грусть, Максимилиан, я понял твою мысль. Твоя печаль, твоя усталость и даже выражение ужаса, запечатленное в твоем взгляде, все в тебе говорит: «Да минует террор и начнется братство! Французы, будьте едины, будьте добродетельны, будьте добры. Любите друг друга... Хорошо! Я послужу твоим намерениям. Для того, чтобы ты мог мудростью и добротой твоей положить конец гражданским междоусобиям, погасить братоубийственную ненависть и превратить палача в огородника, который будет срезывать только кочаны капусты и салата, я и мои товарищи по трибуналу приготовим пути для милосердия, истребляя заговорщиков и изменников. Мы удвоим нашу бдительность, строгость. Ни один виновный не ускользнет от нас. И, когда падет под ножом голова последнего врага республики, тогда, о отец республики, ты сможешь быть милосердным, не совершая преступления, и по твоему мановению невинность и добродетель будут царствовать во Франции».

Основной идее, так красноречиво и образно высказанной в приведенной цитате, наш герой остался верен до конца. Вместе с якобинцами он переживал и расцвет их славы и совершал с ними их великие ошибки—борясь с крайними левыми и парижской коммуной, а также чураясь наивно и сантиментально «атеизма»; наконец, он разделил и их трагическую судьбу на плахе. Грядущую смерть свою он обосновывал, исходя из своих прежних основных принципов.

«Моя смерть справедлива»,—думал он.—«Справедливо, что мы получаем оскорбления, кидаемые республике, от которых мы должны были бы защитить ее. Мы были слабы; мы виновны в снисходительности. Мы предали республику. Мы заслужили нашу участь. Даже сам Робеспьер, чистый, святой, и тот грешил кротостью, снисходительностью; его ошибки искуплены его мученичеством. И я, по его примеру, предал республику; она погибает: справедливо, чтобы я умер вместе с нею. Я щадил людскую кровь—пусть моя кровь прольется! Пусть я погибну! Я этого заслужил!..»

Мастерски изобразив психологию среднего якобинца в лице Гамелена, Анатоль Франс не погрешил против исторической действительности. Якобинцы, наиболее левые представители мелкой буржуазии, сделали очень много для революции, но все же подняться выше своих классовых взглядов не могли. Социальная борьба во всей ее остроте учтена ими почти не была. Наоборот, здесь совершено было немало ошибок; смерть Гебера и Шомета определила их собственную гибель.

Помимо Гамелена, из остальных персонажей романа А. Франс подробно очерчивает совершенно противоположный прямолинейному якобинцу тип вольнодумца и эпикурейца—Бротто. Франсу чрезвычайно удался этот излюбленный им, встречающийся и в других его романах, тип тонкого скептика-индивидуалиста, типичного вольтерьянца XVIII века. Возможно, что в уста этого персонажа автор вкладывает и свои собственные мысли, но вряд ли только с этой точки зрения можно оценивать весь роман. Роман,—прежде всего,—представляет яркое воссоздание якобинской эпохи, и это для нас составляет его главное достоинство. Что же касается до общего отношения автора-художника и философа к жизни, то не показательна ли здесь заключительная сцена, мудро примиряющая с человеческим, вечно человеческим...

И. Николин.

Социалистические „утопии".

I.

Путь истории—тернистый путь. Не было эпохи, которая не ознаменовалась бы кровавой борьбой, стенаниями и падениями. Уже в древности намечается борьба классов, которая растет, усиливается, наконец, осознается рабочей демократией и возводится учением научного социализма во главу угла социального развития. Крестный путь страдания заставлял одних напряженно искать научно-творческой схемы нормального, идеального общежития, других — мечтать о золотых днях этого идеального общежития. Люди, одаренные живым воображением и любвеобильным сердцем, отворачивались от запутанной и мрачной действительности и со всей пламенностью мучительных исканий рая на земле грезили о грядущем. Так возникали «утопии», т. е. мечтания о будущем.

Новое время особенно богато «утопиями». Они обычно имеют форму романов, изображающих идеальное общество. Сами эти романы получили свое название от первого подобного произведения под названием «Утопия», т.-е. «несуществующая страна». Четыреста лет отделяет нас от этой попытки дать коммунистическую «утопию»,—попытки, принадлежащей Томасу Мору. Образованный мореплаватель Рафаил Гитлодей рассказывает о своей поездке в Америку, вместо которой он попал на незнакомый остров «Утопию». Англичанина поразило, что на острове нет ни частной собственности, ни деления на классы. Два года каждый гражданин обрабатывает землю, следующих два года он работает в городе. Поэтому все граждане, кроме сельского хозяйства, знают и ремесла. Наиболее даровитые посвящают свои силы также искусствам и наукам. Общественно-необходимый труд не продолжается, однако, более шести часов. Поля и холмы, грады и веси—все дышит неподдельным благоденствием на Утопии. Много занимаются науками и философией. Свободолюбие, связанное с трудолюбием, внутренняя свобода каждого в соединении с духом глубокой терпимости создают атмосферу счастья всех и вся. Характерно для Мора и его эпохи, что творцом этого блатоденствия является просвещенный король Утоп. Для XVI века королевская власть была основным фактором социального развития, взоры мечтателей обращались к ней. Других социальных сил не видели: пролетариат осознал свою силу на три с половиною века позже.

XVII век также имел своего «утописта». Им был Томазо Кампанелла. Свою «утопию» он назвал «Городом солнца». Генуэзский моряк рассказывает о чудесном острове, на котором обитают «соларии», т.-е. солнечники. Остров также представляет собою коммунистическое общежитие. Все «братья» друг для друга, все одинаково трудятся — не более четырех часов в день. Дети проходят своеобразную трудовую школу. Труд является для всех радостным праздником. Наука пользуется особенным почетом. Во главе трудовой республики стоит президент—крупный ученый — энциклопедист. Таков был рассказ моряка-генуэзца о солнечной республике труда.

Девятнадцатый век особенно чуток к социальным проблемам. Он начинает искать в социализме кольцо, чтобы перевернуть мир; наиболее выдающиеся «утопии» XIX века носят отчетливо выраженный социалистический характер.

В 1839 году появилась «утопия» Кабе, названная им «Путешествие в Икарию»—страну идеального общежития. Икарией он назвал ее в честь мифического древне-греческого героя Икара, устроившего себе крылья и задумавшего взлететь на них к солнцу. Кабе в общем шел в колее, так называемого, господствовавшего в его время «утопического социализма», социализма мечты. Слово у него не расходилось с делом. Пламенный энтузиаст, он организовал

коммунистическую колонию в Техасе, а когда она распалась—в штате Иллинойс, но снова потерпел неудачу. Для утопического социалиста было характерно призывать, манить в неведомые дали, кружить головы мечтой: пролетариат только еще начинал осознавать себя, как творческий фактор исторического процесса.

Вершиной утопического социализма был Фурье. Поэтому фурьеризм также нашел себе живой отклик в утопиях. Известный французский романист Золя создал «утопию» в духе Фурье. Задуманная Золя «утопия» должна была состоять из четырех романов («Плодородие», «Труд», «Справедливость», «Истина») и, законченная, представляла бы собой своего рода фурьеристское евангелие. Смерть писателя, однако, помешала ему довести до конца его труд. Третья часть была написана начерно, четвертая же не была написана вовсе. Совсем по фурьеристски Лука, герой Золя, будучи сам капиталистом, основывает небольшую трудовую коммуну. Лиха беда—начало. Его примеру следуют другие, и вот, словно по мановению волшебной палочки, вся страна покрывается промышленно - земледельческими коммунами. Всюду процветают города—сады, изукрашенные произведениями искусства. Одну победу за другой одерживает над природой наука, международная солидарность крепнет день-ото-дня. Народы постепенно становятся одним организмом, целостным коллективом.

Вторая половина XIX века ознаменовалась значительными событиями. На исторической сцене появилась та внушительная сила, которая по своей социальной сущности словно была призвана к созданию идеального человеческого общежития: в исторической «грозе и буре» мощным языком заговорил о себе пролетариат. С этой поры мечты «взыскующих града» начинают утрачивать свои полуфантастические очертания и постепенно обретают прочную почву в окружающей действительности.

Поэтому не только интересными, но и весьма ценными в общественном отношении являются «утопии» последнего времени, так как, до известной степени проникнутые духом научного социализма, они в конкретных чертах предвосхищают строй грядущего, этим питают и оживляют веру в это грядущее, вызывают живые стремления к нему, заражая атмосферой вселенского счастья.

Авторы новейших социалистических утопий любят прибегать к снам, переносящим к картинам дней социализма. Так поступает Беллами в своем романе, появившемся лет тридцать тому назад,—«Через сто лет». Остановимся на содержании этого романа.

При полуфантастических обстоятельствах прошло сто тринадцать лет. Некто просыпается в 2000 году; будучи представителем буржуазных слоев капиталистической эпохи, он пробуждается в социалистическом обществе. Его глазам предстает чудесная картина, картина человеческого благоденствия, развития науки и необыкновенного подъема промышленности. Выходца из другого мира сначала все приводит в замешательство, но новые впечатления, иной быт, подкупающие своей красотой, постепенно обращают пришельца в новую веру, которой он радостно отдается,—и в этом, как нельзя лучше, выражается бодрая и глубокая вера самого автора в лучшие дни человечества.

Человека капиталистической эпохи сразу охватила иная атмосфера. Когда, еще при первом ознакомлении с открывшимся ему новым миром, ему удалось посмотреть сверху на социалистический город, ему представилась живописная картина города-сада, с монументальными зданиями, широкими улицами, обсаженными деревьями. Там и сям зелеными кущами выделялись обширные скверы, в которых виднелись статуи и сверкали фонтаны.

Новый мир забыл о войнах, и у американского правительства (роман рисует социалистическую Америку) не было ни одного солдата. Правительство, вместо отпавших политических функций, руководило культурно-экономической жизнью страны. Частная собственность также уже отошла в прошлое: все земли, фабрики и мастерские были национализированы. Народ, вместо военной армии, пополнял ряды армии промышленной. Труд потерял характер прежней принудительности и вытекал, как естественное следствие, из гармонически развитой природы человека.

После священного праздника жизни—годов золотой юности, сполна посвящаемой научным занятиям, каждый гражданин поступал на двадцать четыре года в промышленную армию, ряды которой он покидал по достижении сорокапятилетнего возраста, после чего состоял в течение десяти лет как бы в резерве, однако уже посвящая свое время личной жизни. При призыве в промышленную армию каждый выбирает наиболее подходящую к своим способностям отрасль общественно-необходимого труда. Это облегчается рационально поставленным воспитанием, согласно принципам которого социалистическая школа старается особенно развить именно те наклонности, которые в ребенке и юноше сказываются с наибольшей силой. Кроме того, подрастающее поколение, благодаря трудовому методу преподавания, рано получает основательное представление о различных ремеслах и производствах; поэтому еще до поступления в промышленную армию юноша уже пытает свои силы на полюбившемся ему поприще. Вместе с тем правительство старается уравновесить привлекательность различных отраслей труда, уменьшая число рабочих часов в малопривлекательных производствах, и наоборот. Так называемые черные работы выполняются всеми членами промышленной армии в первые три года их служения народу, после чего каждому юноше предоставляется полная свобода в выборе профессии. Высшие специальные школы открыты для всех желающих.

Подобная организация общежития показалась представителю буржуазного мира настолько невероятной, что он готов был считать себя сумасшедшим. Более всего он был поражен отсутствием магазинов и банков, столь характерных для капиталистического хозяйства. Изумлению бывшего обитателя капиталистического мира не было границ, когда он узнал, что уже нет более ни купли, ни продажи. Все продукты распределялись из государственных складов приблизительно на равную сумму каждому, так как предполагалось, что все работают с максимальной производительностью: каждый отдавал все свои силы и получал равную долю. Никаких следов холодного и алчного торгашества капиталистической поры естественно уже не было. Само распределение благ носило какой-то величавый и серьезный характер. Знакомясь подробно с городом, наш невольный паломник в царство социализма однажды попадает под сень великолепного здания, которое, судя по его украшенному статуями входу, никак нельзя было бы назвать магазином. Здание оказалось складом. Внутренность его составлял обширный светлый зал с фонтаном посередине; стены и потолки были разукрашены. В этом складе находились только образцы «товаров». Заказы направлялись из него в главный городской склад, откуда «покупки» уже и доставлялись заказчикам.

Такая совершенная организация экономической жизни оказалась возможной, лишь благодаря коренному переустройству всего мира. Экономическая организация всех государств была проведена по единому социалистическому принципу. Единый мировой союз через особое выборное правительство регулировал все отношения между отдельными членами единой социалистической семьи государств. Экономические отношения основывались на точном учете и широком контроле научно рассчитанного производства и распределения. Математически строгие сметы учитывали все погрешности. Статистика ясным языком говорила о количестве материалов, рабочей силы и т. п.

Неудивительно, что при наличности здоровых экономических и культурных начал все стороны жизни социалистического общества отмечены печатью величайшего развития техники и материальной культуры. Техника при массовом творчестве делает чудеса. Если в капиталистическую пору во всяком мало-мальски зажиточном доме можно было встретить электрическое освещение, то в социалистическом государстве каждый, сидя дома и лишь повернув несколько хитроумных винтиков комнатного телефона, может слушать лекции, наслаждаться музыкой.

Для наших дней роман Беллами является достаточно устаревшей и потому скучноватой «утопией». Взрослого читателя она уже не удовлетворит и не вдохновит, ибо мало-по-малу отдель-

ные элементы этой «утопии» начинают осуществляться на наших глазах, при чем нередко гораздо сочнее и конкретнее, нежели то, что изображает нам Беллами. Для своего десятилетия роман сыграл, однако, огромную роль. Искренно, с захватывающей верой, звучит в нем голос социалиста; это был первый роман, облекший в плоть и кровь схему научного социализма.

Однако, Беллами не удалось обрисовать с достаточной четкостью те новые, положительные начала, которые принесет с собой торжество социализма, не удалось дать широкой и обдуманной картины социалистической науки, техники и общей культуры. Поэтому роман «Через сто лет» все более и более становится занимательным чтением для юношества, особенно начинающего учиться в трудовой социалистической школе.

II.

Другим изобразителем земного рая и вдохновенным мечтателем - социалистом новейшего времени был Вильям Моррис, родившийся в 1834 году в окрестностях Лондона. Сын богатого купца, он учился в Оксфордском университете, где 22 лет уже имел первую ученую степень. Впечатлительный и увлекающийся Моррис подпал было под религиозные влияния, распространявшиеся в университетских стенах, и начал готовиться к духовному поприщу. Однако ранняя, инстинктивная любовь к искусству, влияние эстетически настроенных товарищей и некоторых художников склонили молодого энтузиаста на стезю искусства. В своих писаниях Моррис показал себя смелым новатором в области эстетических теорий. Мало того, он рано снискал себе и репутацию выдающегося поэта. В поэзии он особенно сильно увлекался Средними веками и кануном Возрождения. Эта эпоха представлялась ему беззаветным служением идеалам истинной красоты, отсутствие которой в современном ему английском быту Моррис мучительно чувствовал. Постепенно он становится апостолом и жрецом красоты, полурелигиозно им воспринимаемой.

Через требование прекрасного, через искание красоты в жизни благородный поэт-мыслитель пришел к социальному. Скоро его гневные взоры обратились на тюрьму буржуазного общества, в которой задыхалась и умирала красота.

Только освобожденные народные массы воздвигнут алтарь красоте; социальная революция будет вместе с тем и эстетической революцией, а красное знамя станет вместе с тем символом зачинающейся эстетической религии. Поэтому у Морриса эстетические устремления как бы преобладают над социальными тенденциями, хотя их и не подавляют. Этим и объясняется отличающее Морриса капризное пренебрежение к машинному производству. Его время—время захирения ручного ремесла, кустарного искусства, вытесняемых машинным производством. Между тем, ручное ремесло, кустарное искусство создавали изделия, запечатленные индивидуальным своеобразием и изяществом, машинное же производство, иногда не столь совершенно, создавало топорную и вульгарную дешевку по шаблону. Машина, казалось Моррису, подобно ее владельцу капиталисту, подавляла художественные чувства и стремления. Этот индувидуальный склад мыслей и чувств Морриса необходимо учесть во всей полноте, чтобы понять основные тенденции его идиллической «утопии»—«Вести ниоткуда».

В 80-х годах прошлого столетия английская интеллигенция устремляется к социалистическому знамени. Возникает английский марксизм. Моррис мало-по-малу склоняется к крайним левым социалистическим течениям. В это горячее время митингов, демонстраций и рабочих манифестаций появляется роман «Через сто лет» Беллами. Лучшую почву трудно было придумать. Книга расходилась в десятках тысяч экземпляров, и вокруг нее образовалась накаленная атмосфера. Свой отзыв о нашумевшем романе дал и Моррис: в согласии со своей художественной натурой, он страстно протестовал против той слишком механизированной прозаической жизни, которую нарисовал Беллами, перенося́сь взорами к будущему. Действительно, в романе Беллами словно нет души, веяния подлинной

жизни—радости. Оставшись недоволен книгой Беллами, Моррис решил дать другое, свое изображение жизни социалистического общества. Через год появляются его «Вести ниоткуда».

Пружина романа—сновидения. Однажды после собрания, на котором было много бурных споров об идеальном строе грядущего, поэт заснул в своем уютном кабинете; очарование мечты о грядущем долго не давало ему забвения, наконец, он заснул,—и сон перенес его в грядущее.

Что же увидел он?

Все изменилось, на всем лежат блики счастья. Лондон населяет какая-то особая порода людей, цветущих долгой молодостью. Их жизнь—вечный праздник, труд им не в тягость. В жизни царит коллективизм, к которому пролетариат пришел путем упорной борьбы. Исчезли кладбища красоты—промышленные города с их фабричной копотью. Умер дух торгашества вместе с биржами, конторами и магазинами. Всюду процветают свободные ремесла и земледелие. Труд соединился с искусством. Все, что истинно полезно, стало предметом искусства. Вместе с уничтожением деления на классы исчезло и самое понятие частной собственности. Бесследно стерлась противоположность между трудом умственным и физическим. Не было ни прежних городов — очагов эксплуатации, ни прежних деревень—гнезд невежества, ни даже железных дорог. Красивый и образованный юноша Дик, не задумываясь, становится лодочником, а во время жатвы отправляется на сельские работы. Он, как и все другие, не уклоняется от поваренного искусства, ни от уборки комнат.

Моррис, в отличие от своих предшественников, рисует не только царство свободы и всеобщего равенства, но и царство красоты, пропитавшей собою все поры жизни. Человечество стало племенем художников. Искусство без остатка поглотило весь досуг людей и стало единственным смыслом жизни. На руинах старого мира расцвело истинное искусство. Это высшее искусство не только поэзия, музыка и живопись старого мира, но по преимуществу также искусство декоративное, общественное искусство — архитектура и пластика.

Изяществом и красотой отличаются не только общественные здания, но и дома всех граждан. А внутри они красиво расписаны и разукрашены фресками, резьбой и мозаикой. Особенно роскошны народные музеи, являющиеся настоящими дворцами. Посуда, мебель и утварь—все дышит изяществом. Люди носят расшитые самотканные материи. Глаз созерцает кругом одну лишь красоту. Машинного производства нет: красоте служат только свободные ремесла, пользующиеся особым почетом.

Англия сделалась исключительно сельско-хозяйственной страной. Всюду—пастбища, поля, сады, парки. Разведены большие леса, реки очищены и стали прозрачны. Оживились деревеньки и маленькие городки, в которых процветает кустарное производство. Моррис не человек города, но деревни, полей, лесов и пастбищ; он всюду приветствует победу земли над камнем.

Моррис был ярким представителем эстетического народничества, довольно характерного для английского социализма прошлого века. Конечно, нам невозможно примириться с его осуждениями машины, значение которой он недооценил, вообще с его недооценкой науки, техники; но неувядающей заслугой его утопии является мысль о неразрывной связи социалистического общежития со служением красоте.

III.

Роман Беллами дает слабое представление о социалистическом обществе в целом: мы не знаем ни миросозерцания граждан социалистического общежития, ни идей социалистической науки, ни, наконец, разностороннего социалистического строительства в иных областях культуры. В том же можно упрекнуть и социалистическую идиллию Морриса: в ней чувствуется дыхание жизни, но не мощная жизнеосязательность гражданской мастерской - лаборатории социалистического общества.

Социалистические романы самого последнего времени резче обрисовывают именно эти культурно - организационные элементы новой эпохи, предлагая читателю цельную, органическую картину социалистического общежития.

Характерно, что главная роль в них обычно отводится науке...

Роман - «утопия» А. Богданова, появившийся уже в 1907 году под названием «Красная звезда», рисует царство социализма на планете Марс. Заглядывание в будущее нашей планеты стало уже почти шаблонным; гораздо оригинальнее заглянуть в жизнь другой планеты, благо форма «астрономического романа» была намечена и разработана Жюль - Верном, Фламмарионом, Уэльсом. По той же колее идет и А. Богданов, но он рисует социалистический Марс, подойдя к нему с точки зрения мыслителя-марксиста: так, например, пресловутые каналы Марса связываются у А. Богданова с эпохой грандиозных общественных предприятий и социальных потрясений...

Другой роман А. Богданова, появившийся в 1912 г.,—«Инженер Мэнни»,—рисует историю Марса до утверждения на нем социализма. В этом романе автор, удачно применяя антитезу индивидуалистического и коллективистического миропонимания, выпукло и глубоко оттеняет основы социалистического мировоззрения. Столкновение этих двух миропониманий происходит в лице инженера Мэнни и его сына Нэтти. Феодализм, с его авторитарной культурой, породил буржуазный индивидуализм инженера Мэнни; последний же, неожиданно для себя, встречает в сыне, выросшем вдали от него, — коллективиста. Повествование в романе «Красная Звезда» ведется от лица молодого ученого Леонида, тайно уехавшего с марсианской экспедицией на Марс; содержание романа составляют записки Леонида об его путешествии. «Инженер Мэнни»—роман, переведенный Леонидом с марсианского языка.

История Марса,—как изображает ее А. Богданов,—совершалась без скачков. Умеренно—щедрая природа выработала положительно—сдержанные характеры у марсиан. Да и географическое положение объединило все марсианские племена. Около 1000 года по земному счету феодализм на Марсе доживал последние дни. С 1200 по 1600 г. капитализм, развиваясь, обусловливает ряд политических революций. В эпоху прорытия каналов и великих работ, после грандиозного промышленного кризиса, разразилась социальная революция. Роман «Красная Звезда» рисует уже вполне организованный строй, сложившийся после двух веков социалистической работы. Поэтому, организация производства стоит на первом плане. Сердцем грандиозной экономической организации является институт подсчетов, имеющий всюду свои агентуры, отмечающие движение продуктов, степень производительности, и регистрирующие число рабочих рук. Институт составляет баланс общественно необходимого труда и всюду об этом дает знать. Кадры добровольцев восстанавливают равновесие. Институту приходится вести грандиозную творческую работу, чтобы быть верным зеркалом всех экономических фактов. Он учитывает все новые изобретения и все изменения природных условий производства. Подобная организация учета и позволяет каждому работать не более шести часов в день.

Шесть часов при марсианских условиях работы давали очень большие результаты. Радостью творческого труда веет от этих строк: «В выражении их (рабочих) лиц не было напряженной озабоченности, а только спокойное внимание; они казались любознательными учениками, наблюдателями»... («Красная Звезда», стр. 66). Когда жителю Земли волею судьбы пришлось перенестись на Марс, и он захотел здесь изучить на деле производительные процессы, ему, чтоб стать рабочим, пришлось изучать выработанные наукой принципы устройства фабрик и—особенно детально той фабрики, где он был намерен работать. Насколько высок был уровень общественной подготовки, можно судить по тому, что ему приходилось предварительно усваивать отделы общей и прикладной математики, технологии и математического анализа. Марсианское производство поражало своей интенсивностью и основывалось на последних завоеваниях науки. Так, на фабрике одежды совмещалось пряденье, тканье, кройка, шитье и даже окраска одежды. В ходу были различные электрохимические приемы производства, благодаря чему, скорость последнего достигала изумительных размеров. Замечательно, что обитатель Земли после 6 часов труда сильно утомлялся, тогда как прочие уходили в музеи, ла-

боратории и т. д. Это зависело от высокой культуры внимания, которой не было у земного мозга: марсиане, помимо способности к непрерывному и напряженному вниманию при наблюдении за машинами, могли, вообще, совмещать все свои занятия с внимательным наблюдением того, что делалось вокруг них.

Разумеется, столь совершенно организованное хозяйство было возможно только при необыкновенном расцвете науки. Об этом расцвете свидетельствует, например, тот факт, что марсиане сумели достигнуть на своих летательных машинах двух ближайших планет—Венеры и Земли; телескопы марсиан давали увеличение до 60 тысяч раз и т. п.

Высокая степень организационного совершенства, достигнутая в области науки и производства, соответствовала характеру и уровню развития общей культуры. Идеальный дух коллективизма царит среди марсиан, которые все являются одинаковыми творцами в своей области. Марсианское человечество, как высший продукт природы, по своему физическому типу не отличалось от земного человечества. Физические различия здесь оказываются не столь важными, как психологические. Каждого марсианина отличает неизменное спокойствие, вдумчивость и какая-то особая, теплая и внимательная корректность, тактичность.

Что касается искусства марсиан, оно достигло пышного расцвета. Прекрасное тело человека являлось основной темой марсианской скульптуры; статуи социалистической эпохи были естественных цветов. Отличительным признаком скульптуры и живописи было гармоническое движение и проявление силы, живая активность в своем целостностройном единстве и разумности,—все это при чрезвычайной простоте и единстве мотива. При знакомстве с архитектурой марсиан, вспоминается апостол красоты Вильям Моррис. Архитектуру марсиане расширили до художественной обработки мебели, орудий, машин и, вообще, всего материально-полезного.

Важным фактором непрестанного совершенствования марсианской расы является тщательно поставленное воспитание. Марсианское воспитание представляет собой величайшее достижение педагогии.

Дети составляют на Марсе как бы государство в государстве, населяя особые городки. Вот картина подобного городка: «Большие двух-этажные дома с обычными голубыми крышами, разбросанные среди садов с ручейками, прудами, площадками для игр и гимнастики, грядками цветов и полевых трав, домиками для ручных животных и птиц»... (стр. 72). Предоставим слово марсианской воспитательнице: «Чтобы получить воспитание для общества, ребенок должен жить в обществе. Всего больше жизненного опыта и знаний дети усваивают друг от друга. Изолировать один возраст от другого, значило бы создать для них одностороннюю и узкую жизненную среду... И для прямой активности различие возрастов дает наибольший простор. Старшие дети—наши лучшие помощники в уходе за маленькими» (стр. 73). Спать, обедать дети собираются по отделениям. Но для игр и занятий они сами составляют свои группы, сами выбирают себе свое общество (невольно вспоминается анархическая педагогическая система Толстого). Дети живут своей маленькой, но значительной жизнью.

Мощью веет от социалистического Марса: не переставая, спорится на нем творческий труд; культура его высока; материальные рессурсы необъятны; население растет не по дням, а по часам; становится тесно жить,—и как великолепно характеризуется мощь социалистической планеты этим гигантским планом завоевания другой планеты! Борются два течения: одно стремится захватить Землю, не останавливаясь даже перед полным истреблением ее населения, другое—населить Венеру и бороться с ее дикой, своеобразной природой. Сторонники первого течения являются как бы своего рода империалистами, другие же, большинство, бесповоротно отказываются от империалистического насилия, и нельзя не видеть в этом черты символической.

Могущество Марса символично; мощи достигнет и земной социализм. И картина марсианского общежития предвосхищает образы грядущего социализма на Земле.

Н. Барабанов.

Новая песня деревни.

Поэзия народа—его речь о самом себе. Она полнее и глубже всяческих описательных исследований, как-то: исторических, этнографических и т. п., ибо действует непосредственно, дает не отвлеченное понятие, но живой образ характерных черт народа, его стремлений, его внутренней жизни. Научное исследование всегда лишь констатирует закрепленные факты, данное,—оно, по самому характеру своему, не может иметь дело с намеком, с предвестием, с тем, что должно явиться. Народное искусство чуткой рукой нащупывает будущее, во многих периодах своих только указывает: здесь прорастет новое. Многое, с других точек зрения, не своеобразное, не законченное в процессах народной жизни—говоря о себе через искусство, вдруг становится знаменательным, приоткрывает новые горизонты, новую эру.

Русская современная частушка—это волостной писарь предреволюционного времени, по сравнению с прошлой, старинной русской песней—могучим витязем. Но тому, кто смотрит в будущее, она подскажет важные выводы, безыскусственной нежностью или резкостью своеобразного примитива [1]) по странному взволнует душу.

О чем говорит русская частушка?

. . . .

Общность образов мира, природы и быта, единочувствие и единомыслие в широком общенародном масштабе — деятельная жизнь коллектива и жизнь каждого в коллективе — вот характерные черты всякого первобытного уклада жизни, в том числе и жизни наших отдаленных предков—древних славян, как восстанавливает ее современная история. Коллектив трудится, волнуется чувствами, мыслит, пытается создать свое миропредставление—коллектив творит миф, [2]) который соединяет в себе и знание, и религию, и лирическое, [1]) певучее отношение к миру. Из мифа выкристаллизовывается поэзия,—поэтическая песня.

Эта песня — коллективная. Нет собственности и нет автора, хозяина своей песни. Прирастают и ткутся песни трудами многих уст и сердец, свободно сращивается каждая новая лепта с прежним содержанием и уносится дальше ветром напева, не сохранив имени внесшего ее, свободный дар каждого всем.

В старину мысль коллектива — еще непрерывное мифотворчество, все обычаи—еще обряды, образы богов окружены венцом повествований. Развитие и усложнение социально-трудовых форм жизни заставляет образы богов тускнеть, черты неземные сменяются величием земным—народное искусство поет уже не богов, но героев, мифологический эпос переходит в героический и исторический, обряд переходит в обычай, песни обрядовые—в бытовые: свадебные, похоронные, плясовые... Сохраняется из века в век старинная, окаменелая форма—иссякает живое творчество внутри; но форма священна—она блюдет умершее, величественно и важно, как гробовая парча.

Любопытно проследить в этом смысле, как один из осколков древнего героически-исторического эпоса—былина, или, вернее, «старина»—сохранила в самой форме своей особый отпечаток ритмов былой, далекой от нас народной жизни. Медленные, величавые, неспешные былины заставляют нас думать о неторопливых сказителях и задумчивых слушателях. Незачем экономить слова, давать короткие строки—ведь их бросает только быстрое дыхание спешащего,—незачем быть бережливым в обра-

---

[1]) Примитив—произведение искусства, отличающееся первобытной простотой художественных приемов.

[2]) Мифы—древние сказания о мироздании, героях и богах.

[1]) Лирическое—присущее лирике; лирикой, в собственном смысле этого слова, называется обособившийся лишь впоследствии вид поэзии, область которого—выражение внутреннего мира личности, ее настроений и чувств; эпос—другой вид поэзии—изображает преимущественно явления и события внешнего мира.

зах, эпитетах, [1]) сравнениях: времени так много, его девать некуда, оно так же необъятно, как русские пространства, необъятные дали... Само строение былин говорит о таких громадных запасах времени и терпения, которые в современности давно иссякли. Это не Россия со стремительной, задыхающейся жизнью городов, спешными, короткими, сухими ритмами, это и не начинавшаяся в то время на Западе культура городская, это—Русь древняя, лесная, это—дитя, перед которым еще вся громадная жизнь, и один день безконечно долог; от склада большинства былин веет далеким от жизни созерцанием—вне закона времени—каким-то индийским востоком.

Вот «зачин» былины (о Добрыне и Алеше):

Из-под белые березы кудреватые,
Из-под чудна креста Леванидова,
Из-под святых мощей, из-под Борисовых,
Из-под белого алатыря-каменя,
Тут повышла, повышла, повыбежала,
Выбегала, выбегала матка Волга-река

Затем, описывается сама Волга:

«А выпала Волга в море Черное,
Да устьев пустила ровно семьдесят;
Широк перевоз да под Новым градом».

и т. д. Только после этого уже начинается сама былина.

Былины полны прибауток, повторений, сравнений, длинных описаний, кончаются или славлением, или комически - широкими, успокаивающими строками, в роде:

«Синему морю на тишину—
Всем добрым людям на послушание».

Современный человек не выслушает всего этого. Он скажет: «скорее, скорее, в чем же дело?» И наша современная деревня родила—частушку.

Для этой современной деревни старинная, традиционная народная поэзия, неразрывно связанная с наивно мифотворческим первобытным коллективизмом, приобрела характер мертвой сокровищницы, где сберегалось в неподвижности то, что давно уже отзвучало в душах... Коллектив распался на личности, личность зажила по своему, в узко личном элементе души, в личном гневе, личной радости, горечи, любви.

[1]) Эпитет—определение, придающее предмету наглядность, картинность (*кудрявое* облако, *блестящий* снег).

Современная частушка — поэзия деревни, узнавшей, кроме чистоты заревых полос над лесом и синего льна на черной глыбе земли, жизнь уездную и губернскую, канцелярию, участок, рев фабричного гудка. Современная крестьянская душа в своей песне не родит повести о жар-птице или славном богатыре—их нет для современной души: она родит повесть о самой себе. Пусть эта повесть бедна и одностороння—она выражение пробуждения личности.

Частушка коротка, суха, звонка. Вместо плавного нерифмованного распева былины, она звенит, падает на рифму (созвучное окончание смежных или близких друг к другу строк):

Супротивница моя,
Не красивее меня;
Только русая коса
Одна лишняя краса.

Конечное созвучие строк — одно из главных задач частушки. Авторы ее пользуются не только точными рифмами («коса—краса), но также и всем богатством слов, лишь приблизительно созвучащих (прием, лишь недавно нашедший себе применение, как новшество, в поэзии русского «образованного общества»), например: «валится—нравится», «шейка — хорошенько», «синяя—красивая». По большей части не соблюдают частушки и определенного размера, но в их неожиданных переломах размера почти всегда чувствуется четкий и своеобразный, хотя и своевольно капризный ритм. Посмотрите, какой утонченной баюкающей напевности достигает этой своенравной изменчивостью ритма, своенравной неточностью конечных созвучий — хотя бы следующая частушка:

Когда была маленька,
Качала меня маменька,
Она качала,
Величала:
«Спи, моя сударынька».

Кое-что унаследовала частушка и от старинной народной песни—например, так называемый параллелизм,—определенное соответствие перекликающихся друг с другом частей. Так, в первых двух строчках дается иногда образ,—часто заимствованный из области природы,—во-вторых двух — соответствующее ему переживание. В построении этого параллелизма сказывается подчас

все художественное изящество частушки:

Не свети-ка, месяц ясный,
Мне и так светлешенько,
Не поминайте про забаву,
Мне и так грустнешенько.

Или

Светит месяц вдоль дорожки,
А звезда-то поперек;
Возлюбила я милашу,
Да раздумьице берет.

Любовь подобна месяцу, светящему над дорожкой, по дорожке итти легко, дорожка влечет вперед, к свершенью судьбы, да раздумьице — звезда перебивает дорожку—светя, пресекает. Какая душевная чуткость, тонкость отпечатлелась в этой частушке (да и в двух предыдущих). Здесь сказалась та зоркость и внимание к личному переживанию, которые не могли найти себе выражения в старой безлично-лирической песне, с ее окаменелыми формами.

Как уже сказано, частушка, отражая индивидуальную жизнь личности, не дает единого, цельного миросозерцания: ее обобщения—мудрость индивидуального сердечного быта: «без милого жить-то можно, а ты думаешь нельзя». Область чувств — страсти, ревности, нежности, насмешки,—горькие и простые бедствия крестьянской жизни — пьянство, сиротство, солдатчина, наемный труд, наивные внешние радости (калоши, часы, полушубок, лента), примитивные наблюдения над изменением окружающей социальной жизни, — вот что дает частушкам их темы. Парни и девушки, авторы частушек, в своей любовной лирике чувствительны с одной стороны до сантиментальности, с другой — до художественности. Милый или милая — это «цветок», «кровиночка», «забавочка». Непременная спутница «милого» и выразительница его чувств—гармоника—«тальянка». Ей он увлекает, ей досаждает сердце воспоминаниями:

У тальянки медны планки,
Тонки, звонки голоса,
Чтобы слышала милая
Через темные леса.

Действительно прекрасно изображение любви в частушке и может поспорить с тончайшими стихотворениями известных поэтов. Вот несколько образцов:

«На беседушке сидела,
На меня туман нашел,
Милый в беленькой рубашке
Поздороваться пришел».

«Двести сорок песен знаю,
Все сейчас перепою,
В каждой песне, в каждой строчке
Я милого вспомяну».

«У милашки в комнате
Голубая лампочка,
Голубая, синяя.
Спи, моя красивая».

Но есть и другие частушки: едкие, резкие, буйные, грубые. Самые выразительные из них, полные отчаянной грубой удали, меткие и циничные, в печать не попадают. В них отражается другая сторона народной души—душа, в насильнике — парне изнасилованная окраиной капиталистического города, фабричной эксплуатацией, нищетой. Наиболее жутких, острых отражений строя современной предреволюционной жизни надо искать в этих непечатаемых частушках. Вот несколько образцов частушек, приближающихся к ним по духу. Девушка—вольница поет:

Пришла из Питера девченка,
Принесла маме ребенка;
Вот тебе, маменька, на чай,
Толстопузого качай.

Вот частушки хулиганские:

У нас ножики литые,
Гири кованые;
Мы ребята-забияки
Практикованные.

Мы ребята-ежики,
У нас в карманах ножики;
Мы Сибири не боимся,
Из Сибири убежим;
Купим ножики подольше,
Всех людей пересвежим.

Как показывает частушка, фабричный, городской быт врывается в деревню—правда, не непосредственно, а более косвенно, через психологию, вызывая расслоение деревни, порождая индивидуализацию [1]), уготовляя укрепление личности в себе, ее самостоятельный рост через миросозерцания, как рос через них некогда коллектив. Внешне этот быт вошел в деревенскую частушку лишь отдельными попытками

[1]) Индивидуализация—обособление отдельных личностей.

схватить новые явления современности, отдельными «городскими» черточками, «модными» словами...

Частушка — дитя своего времени. Мощное давление капиталистически-буржуазного строя всячески поддерживало и укрепляло создавшуюся вокруг каждого человека стену. В русской песне так много поэтому тоски, в удали ее много отчаяния. Ныне страданье и горе России прорвались великим революционным актом, стены разрушены. Каждый может итти навстречу каждому. Новая эпоха ждет и молодой побег русского народного искусства—частушку: ее ждет своеобразный «кризис индивидуализма», пройдя через который она развернет в стройном и пышном расцвете богатые творческие зачатки, в ней заложенные.

В. Савина.

ИСКУССТВО

Уольтер Крэн и социализм в искусстве.

Искусство не может существовать без того источника, который условно называется его «идеалом». А идеалы бывают всякие. Религия есть идеал, и религиозное искусство прошлых времен оставило ряд высоких достижений человечеству. — Правда есть тоже идеал; и не этому ли идеалу служит, не ему ли обязано своим руководящим вдохновением все «реалистическое» искусство?— И вот, новым, небывшим идеалом встал перед художниками конца века социализм. Идеалом, конечно, иного порядка. Если религия обращалась к чувству, а природа взывала к разуму, то не к воле ли, основной двигательной силе нашей жизни, обращается этот новый идеал?

Мысли эти принадлежат не автору данных строк. Высказал их, и со всею последовательностью постарался провести в своей деятельности английский художник-социалист, великолепный рисовальщик и крупный деятель в области распространения и пропаганды искусства, Уольтер Крэн. Он умер недавно, в 1915 году, после богатой содержанием семидесятилетней (он родился в 1845 году) жизни. В России он почти неизвестен. Прежде всего, вообще у нас мало знают английское искусство. А потом Крэн и не принадлежал к тем революционерам в искусстве, которые, как Сезанн, Пикассо и другие, творят и ищут новые формы. Все его искусство—другого порядка. Но в ряде великолепных художественных созданий, в нескольких очень умных и тепло написанных книгах, в общественной деятельности своей—Крэн честно и просто отдал себя служению своему идеалу. И о нем обязана вспомнить современная Россия. Обязана, потому что помимо соображений чисто общих она многому смогла бы у него научиться.

Попробуем, прежде всего, отвлеченным образом представить, какою должна бы была быть деятельность художника-социалиста в то время, когда борьба за господство рабочего класса не увенчалась еще успехом. Что такой художник будет работать для народа и народу понесет лучшее свое вдохновение, от народа же восприняв его — это

Рис. 1.

Рис. 2.

ясно само собою. Но в остальном сколько разнообразия подхода к одной и той же теме!

Вот он в образах, порою величавых, порою трагических проводит перед нами представителей рабочего мира: таков Константин Менье, вся деятельность которого есть гимн героям труда. Или, встретив рабочего в тот миг, когда он покидает двери фабрик, художник, верный друг его, разделит с ним все радости и горести его повседневной жизни; вместе с рабочим идет он на его праздник и остается с ним рядом, когда раздается победный зов революции. Таково искусство Теофиля Стейнлена, одного из лучших мастеров современной Франции, художника парижского пролетариата. Или, в остроумных и злых рисунках художник-социалист вскрывает язвы капиталистического строя. На страницах сатирических журналов, со стен города в плакатах, он зовет к борьбе и мятежу: такова роль художников-социалистов в Германии, где группа их сосредоточилась около известного журнала «Симплициссимус»; таково же, например, искусство Кэти Кольвиц, замечательной немецкой рисовальщицы, в листах которой зов к революции звучит столь же трагически—ярко, как и рассказ о беспросветности пролетарской жизни. Такие примеры были и у нас, в России, в 1905 году.

Или, наконец, победная заря революции заревом заливает все небо. Близко воплощение социалистического идеала. В руки рабочего класса перешла полнота власти. Художник-социалист видит широкое поле деятельности открытым перед собою. Его плакаты и памятники славят торжество победителя.

Кажется, на первый взгляд, что мы исчерпали все возможные варианты социализма в искусстве. Но оказывается, что это не так. Искусство Крэна и английских художников-социалистов указывает еще на одну возможность, такую же полноправную, как и все остальные. Стремление к практицизму свойственно англичанам во всех областях их деятельности, не исключая и искусств. Крэн в замечательной статье своей о социалистическом идеале в искусстве говорит между прочим, что искусства только тогда дают плод, когда вступают в сочетание с теми или иными жизненными потребностями. И роль художника-социалиста, посвятившего себя служению рабочему классу, Крэн понимает не так, как вышеперечисленные художники. Первая обязанность художника-социалиста—это внести красоту в жизнь рабочего, сделать искусство—постоянной радостной спутницей его труда. Надо привести искусство к рабочему—а не наоборот. Крэн делает замечательное открытие, такое же простое, как и все величайшие открытия человечества: что труд рабочего—прекрасен. Что стоит только посмотреть—стоит только указать слепым—и новая красота вольется в мир—красота и величие труда. Не той идеализованной работы, которую славил в своем «памятнике труда» брюссельского музея Константин Менье, а работы самой обычной и повседневной.

Примером такого искусства служит большая картина Уольтера Крэна в рабочем клубе Соутарка, одного из пригородов Лондона (рис. 1). Она посвящена подвиту одного рабочего, странно напоминая содержанием своим рассказ «Сигнал» Гаршина. Действительное событие лежит в основе этой картины, написанной в 1892 году. Двое железнодорожных рабочих, мастер Джемисон и его сын, должны были поправлять рельсовый путь по которому мчался незамечающий опасности поезд. Напрасно указывали им их товарищи на грозящую гибель. Герои не бросили своей работы до конца и заплатили собственной жизнью за спасение сотен жизней в поезде, который неминуемо сошел бы с рельс, если бы не их геройство... Крэн пропитал свою картину чувством высокого уважения и преклонения перед работой. И зрителю, обычному, рядовому, непривыкшему думать зрителю, такая картина должна явиться откровением.

Рис. 3.

Но все же связанное не с такого рода произведениями войдет имя Уольтера Крэна в мировую историю искусств, заняв почетное место в главе социалистического художества. Крэн неразрывно связал себя с могучим движением расцвета прикладных искусств, который в недавнее время мог быть замечаем во всех руководящих странах Европы. Именно здесь деятельность Крэна особенно важна.—«Несите красоту в жизнь»—этот девиз осуществляется им просто и последовательно. Надо, чтобы искусство *сделало* преображенной жизнь; чтобы самая повседневность наша была поставлена в связь с искусством; иначе непрочным и оторванным от жизни останется любование искусством, как оно имеет место в теперешней действительности. Крэн протестует против общераспространенного мнения, будто жизнь—это одно, а искусство—нечто совсем другое.—Но как же примирить их? — Каким волшебством ввести красоту в жизнь—посвященную самой тяжелой борьбе за существова-

ние?—И Крэн становится в 1886 году во главе особого союза деятелей «искусств и ремесл», посвятившего себя развитию прикладного искусства, внесению художества в жизнь. Самое бедное рабочее хозяйство не может же обойтись без тех или иных необходимых предметов. И союз должен был заботиться о том, чтобы попадающие в руки рабочих предметы были художественны. Кажется, что это так просто, на самом же деле союзу предстояла колоссальная работа. Надо было оказать давление на промышленность, чтобы, скажем, посуда или ложки, выпускаемые на рынок, обои, которыми оклеивается комната рабочего, дом, где он живет, чтобы все это было так или иначе художественно. И Крэн стоял на правильном пути, обращаясь не к богатым «меценатам», а организуя самих рабочих в клубы, школы и союзы. «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих». Сделать свою жизнь художественнее смогут тоже только они сами. И наши дни возникновения нового пролетарского художества должны бы были добрым словом помянуть имя Уольтера Крэна.

В отмеченной только что области Крэн явился, однако, не зачинателем, а только другом и подражателем знаменитого писателя и художественного деятеля Уильяма Морриса, автора известной утопии, положившего начало всему этому движению преображения жизни красотою. Здесь не место излагать подробно взгляды его и еще более знаменитого теоретика, Джона Рескина, на интересующие нас вопросы. Важно указать только, что именно в лице Уольтера Крэна нашли Рескин и Моррисс достойного выразителя проповедуемых ими идеалов новой, более красивой, более благородной жизни. Недаром Крэн посвящает теплые страницы памяти своего друга Морриса. Есть у него рисунок, который имеет почти символическую ценность для истории нового художественного движения в Англии. Набросок этот, достаточно беглый, изображает Морриса, говорящим рабочим речь 1-го мая 1894 года с площадки особого вагона в Гайд-парке. Зеленью увиты его брусья. Лицо старого поэта и художника над головами рабочей толпы зажжено почти детским энтузиазмом...

Рис.4.

Но пока мы ничего почти не сказали об Уольтере Крэне, как о художнике. Вопрос об искусстве ныне совпадает с вопросом о формах искусства. Поэтому если бы деятельность Крэна сводилась только к изложенным выше организационным его попыткам, может-быть, и не стоило бы говорить о ней. Его большая картина «Геройский подвиг мастера Джемисона» на первый взгляд—произведение заурядного реалиста, и, только присмотревшись, откроем мы в нем особую четкость и монументальную простоту форм, свидетельствующую о том, что Крэн прошел через школу так-называемого «прерафаелитизма». Но дело в том, что Крэн завоевал себе по справедливости почетное место в истории искусств своими **рисунками**. Его графика—своеобычна и стоит вполне на высоте требований пред'являемых художнику со стороны этого искусства. Искусство линий, искусство черных и белых пятен, все построенное на простых и определенных контрастах, искусство, одинаково далекое от живописи и от скульптуры—графика именно в Англии конца 19-го века пережила особый расцвет, связанный преимущественно с именем Обри Бердслея, мастера, достаточно известного и популярного в России. Уотер Крэн является в сфере искусства его горячим против-

ником; немудрено, что отношения их были не из лучших. У Бердслея есть на Крэна злая каррикатура; а в книгах своих Крэн отзывается не слишком хорошо о Бердслее.

Тем не менее, графика Крэна, рисунки его пером, гравюры с его рисунков, ряд исполненных им плакатов и иллюстраций к книгам представляет явление своеобразное и прекрасное. Крэн никогда на забывает о декоративных требованиях украшения сетью линий бумажной страницы. Светлыми—на темном фоне или чисто линейными рисуются ряды его прекрасных фигур. Графика — искусство условностей; и там, где Бердслей прибегает к фантастике, Крэн приглашает зрителя войти вслед за ним в мир утопий. Одна из лучших его вещей, акварель в венском музее, так и называется «Работа в Утопии».

Весь талант свой, все свое умение Крэн отдает социалистической, даже партийной, пропаганде. В этом отношении он, кажется, один из первых художников - социалистов вообще. Им создан ряд плакатов, заставок для социалистических изданий, программ и афиш.

Рис. 5.

Остановимся на некоторых из них. Стиль Крэна, самая манера вести линию и из линии сплетать кружевные узоры, слагающиеся в человеческие фигуры, ни в какой другой его работе не выказывается так ярко, как в листе, озаглавленном «Триумф труда» (рис. 2). Медленно двигается величественное и радостное шествие. Мощные быки влекут увешанную венками повозку. Крылатый гений свободы, безотчетным жестом раскинувший руки, идет вперед. За ним—два рабочих со стягом, на котором написаны старые лозунги: «Свобода», «Равенство», «Братство». «Земля —народу» начертано на знамени, которое держит в руках всадник в костюме фермера. На самой повозке — земной шар с надписью «Международная солидарность труда». Сидящий впереди держит надпись «Работа—источник богатства». Сзади — царственно веет стяг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Надпись внизу, на раме, свидетельствует, что рисунок создан в память дня Интернационала 1 мая 1891 года, и посвящен рабочим всех стран...

С точки зрения современных художественных течений, рисунок Крэна, перегруженный всеми этими словесными лозунгами, слишком «литературен». Не надо, ведь, забывать, что Крэн преследует, всего прежде, цель пропаганды. Но и с точки зрения чистого искусства графики, рисунок стоит на высоте всех требований. Он прозрачен и четок; и линии обладают в нем всею должною узорностью орнамента, а фигуры нарисованы уверенной рукою опытного знатока.

Вот еще несколько примеров. Для 1 мая 1894 года Крэн рисует пером танец вокруг «майского дерева»—хоровод веселых и красивых фигур (рис. 3). Великолепна майская гирлянда 1895 года.

Конечно, это все орнаментальные, не имеющие, может-быть, самоценной важности работы, к которым нельзя предъявлять слишком строгих требований. Равным образом, нельзя слишком строго судить с формальной точки зрения и рисунок Крэна, озаглавленный «Настоящий ответ на Джингоизм» (так называется воинствующая форма английского империализма) (рис. 4). Рисунок посвящен международному социалистическому конгрессу 1896 года. Рабочий Англии протягивает руку представителям Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Америки, России...

Одну аллегорическую картину Уольтера Крэна будет уместно привести в конце этого беглого очерка, вовсе не претендующего на то, чтобы дать исчерпывающую характеристику этого, почти совершенно у нас неизвестного мастера. Крэн заслуживает особой монографии, и, конечно, следовало бы перевести его многочисленные и прекрасные статьи о социалистическом идеале в искусстве. Но эта его картина дает достаточное представление о характере его творчества. Называется она «Свобода» (рис. 5). В темницу, к узнику, сошел светлый ангел с радостной вестью. Пусть спадают цепи! Веяние весны, некая радостная буря в светлой фигуре, и радостно тянется к ней фигура освобожденного раба. На нем красная шапка якобинца. Две фигуры, олицетворяющие феодализм и церковь,—бессильно заснули по обе стороны. Картина написана в 1885 году и, что особенно для нас интересно, была куплена на международной выставке в Венеции каким-то русским (имя его мастер забыл) и увезена в Петербург. Где она ныне? Не следует ли ее извлечь на свет именно теперь?

Наше время отвыкло и не любит аллегорий. Боязнь «содержания» в картине дошла уже до тех пределов, когда ей пора бы прекратиться и признать, что вся борьба против «литературности» в живописи означает только требование, чтобы сюжет не подавлял и давал свободно развиваться главному в картине—ее форме. Но искусство Крэна—как раз доказательство того, как хорошо сможет ужиться с формами, самыми строгими, социалистическое содержание высоких замыслов художника.

А. А. Сидоров.

Путь революционного театра.

Внимательный наблюдатель нашей общественной жизни должен будет констатировать необыкновенное оживление в области театра. Обостренный интерес к вопросам теоретическим, напряженная деятельность в практической области—вот то, что составляет содержание театрального дня. Интерес к вопросам театра проявляют не только лица, специализировавшиеся в этом деле, но те слои и группы, которые доселе стояли в стороне от «споров о театре».

Величайшим потоком разлившаяся революция, смывшая в своем неукротимом стремлении все плотины и преграды, вынесшая на своем гребне и призвавшая к строительству классы, до того устраненные от какого бы то ни было строительства, разбила также и все путы, сковавшие творчество масс. Освободившиеся творческие силы устремились во все стороны жизни, ища точек приложения. Хлынули они и в область театра.

Народ, демократия, т.-е. пролетариат и беднейшие слои городской и сельской мелкой буржуазии пришли в театр сначала в качестве пассивных зрителей. Они пришли туда, куда их прежде не пускали высокие цены, а то и непосредственный окрик: «Куда прешь. Осади назад». То, что они увидели здесь, отвечало их переживаниям, совпадало с их настроением, нашло отзвук в их глубоких душевных движениях. Существо театра оказалось в полном созвучии с тем, что наполняло нового зрителя.

Видеть в этом устремлении масс в театр только жажду зрелищ, жажду, до сей поры совершенно неудовлетворявшуюся, а потому и вполне законную, было бы в высшей степени поспешным и поверхностным заключением. Вспомним другую, такую же как наша, бурную эпоху, эпоху Великой Французской революции. Разве тогда не наблюдалось то же самое? Тогда «все увлекались сценой»,—и четыре большие парижские театра, рядом с бесчисленным количеством бульварных «спектаклей», не могли вместить всех зрителей, жаждущих попасть на представление. В Париже насчитывалось 160 обществ, имевших свои любительские сцены. Провинция нисколько не отставала от столицы. По словам современника, она «сходила с ума по театральным представлениям». Скучающие гарнизонные офицеры и даже аббаты со страстью отдавались лицедейству вместе с актерами и актрисами. Смиренные сельские священники ухитрялись пробраться на представление «Свадьбы Фигаро», чтобы посмотреть и послушать «свободомыслящего в ливрее» (В. Потемкин). Так было в годы, предшествовавшие революции, когда первые раскаты уже приближавшейся грозы раздавались в общественной атмосфере. С разразившейся революцией это увлечение театром не только не ослабело, но, наоборот, театр получил огромную роль в общественной жизни.

В эпохи сильных общественных движений, социальных потрясений и сдвигов в центре жизни стоит борьба. Борьба классов и общественных групп, борьба, ничем не прикрытая и не замаскированная, становится главным движущим нервом обществ. Она заполняет все. Этому факту жизни революционных эпох, как нельзя лучше, соответствует существо театра. Театр — искусство живого действия, принципом его является движение и борьба. В основе сценического представления, будет ли то трагедия, драма или комедия—безразлично, лежит конфликт и напряжение сил и воли действующих лиц к разрешению этого конфликта в соответствии с их желаниями и идеалами. Там, где нет конфликта, там, где нет борьбы, там, по существу, нет театрального представления. Вот этою-то своею действенностью, этим изображением борьбы театр привлекает к себе революционные массы. Там, в театре, на сцене они видят то же напряженное

действие, какое в данное время составляет содержание их жизни. Туда идут они, чтобы в созерцании борьбы почерпнуть новый импульс, новые освежающие побуждения.

Но это лишь одна сторона дела. Революционные массы, разрушая старое, строят, вместо него, свое новое. Жизнь властно требует форм для своего проявления, и творчество новых форм во всякой революции идет рука об руку с разрушением форм отживших. Воля к творчеству растет и крепнет в созерцании творчества же. И в этом отношении искусство театра наилучшим образом отвечает потребности творящих масс в таком созерцании. В театре мы непосредственно присутствуем, до некоторой степени даже участвуем в процессе художественного творчества. Поэт творит свою поэму в тиши кабинета. Художник пишет картину, внутренне созерцая витающие в уединенной мастерской образы своей фантазии. Скульптор, давая своим резцом полные движения формы безжизненному мрамору, ревниво скрывает его от постороннего глаза. Поэма, картина, статуя неопределенно долго могут оставаться скрытыми от масс, сохраняя в себе заражающую силу воплощенного в них творчества. Не то творчество актера. Оно действенно только в тот момент, когда оно проявляется.

Сценическое творчество в то же время есть творчество коллективное. Один актер не делает спектакля. Его делает весь ансамбль: режиссер, художник-декоратор, гример, рабочий у освещения и т. д. Вот это-то коллективное творчество театра и влечет к себе действующих лиц общественной коллизии. В театре они присутствуют и созерцают в сконцентрированной форме то, что составляет суть их жизни вне театра. И это сочувственное участие в художественном творчестве в короткие часы досуга дает им новые импульсы к творчеству революционному.

Вот почему, думается нам, и наблюдается такая тяга к театру, такое увлечение им в эпохи напряженной общественной борьбы.

Российская революция идет под знаком рабочего движения. Авангард и основное ядро революционной армии—пролетариат—накладывает свою классовую печать на все фазисы революции. Пролетариат — класс, по своей сущности творческий, класс активный по преимуществу. И этой активностью окрашены все его начинания. В силу этого новый зритель театров не мог долго оставаться пассивным. Он так или иначе должен был сам войти в театральное строительство. И мы видим, как различные рабочие демократические организации, одна за другой, берут в свое ведение театры. Они хотят вести их по-своему, они хотят видеть в них то, что им нужно по условиям переживаемого времени. Это движение широкой волной разлилось по всей стране. То и дело вы читаете в ежедневной прессе, как в том или ином городе или местечке Совет, Профессиональный союз или Рабочий кооператив взяли театр в свои руки. Эти организации не останавливаются ни перед какими материальными жертвами на устройство полученных в свое распоряжение театров.

Руководить театром—значит воплотить в нем свою идею театра, осуществить свои представления о том, чем должен быть театр. Это в порядок обсуждения поставило вопросы о народном театре, театре пролетарском, классовом, о театре социалистическом, вопросы, в сферу своего обсуждения втянувшие всех, так или иначе причастных к театру. Не только представители пролетарской идеологии, но и теоретики и деятели буржуазного искусства оказались вынужденными так или иначе откликнуться на эти вопросы.

Пробудившаяся творческая энергия революционных масс не могла остановиться на этих первоначальных шагах. Массы, чтобы сделать театр действительно своим, должны были глубже войти в него. Ограничиться только лишь организационно-теоретической стороной дела они не могли. Это означало бы оставить театр таким, каким он был до этого,—театром буржуазным по своему духу, по своему строению. И мы видим, как везде и всюду с необыкновенной быстротой вырастают театральные и драматические кружки, организации, не только руководящие готовым театром и направляющие его, но и сами творящие театр. Эти кружки почти со стихийной силой и неудержимостью возникают в городах, они все больше

и больше охватывают и деревню, втягивая. таким образом, в культуру творчества и наиболее культурно-отсталые слои народных масс.

Вступив на этот путь, массы неминуемо должны были столкнуться с вопросом о своей собственной неподготовленности, о необходимости обучения театральному искусству, технике театрального дела. Это нисколько не ослабило напряженности работы. Со всех сторон стали раздаваться заявления о присылке инструкторов. Из глубины России потянулись в центры ходоки с единственной просьбой: дать людей, которые могли бы научить. Спешно были мобилизованы силы, спешно различными учреждениями были организованы инструкторские курсы. И кадры инструкторов, сначала малочисленные, потом все более и более увеличивающиеся в числе, потянулись в народные массы. Повсюду стали возникать студии, драматические курсы, театральные школы. Желающих учиться, поступить в эти студии театрального искусства много, гораздо больше, чем могут вместить возникшие школы. И они продолжают открываться.

Это движение охватило самые широкие демократические слои: и рабочие, и крестьяне, и городская беднота,—все устремились в эти студии, на эти курсы. Пролетариат и здесь пошел своей дорогой. Постепенно начало оформляться и расти самостоятельное культурное движение рабочего класса. Самостоятельные задачи классовой культуры получили точную формулировку в резолюциях различных рабочих организаций. Ширившееся движение требовало объединения, требовало планомерности и организованности. Знамя «Пролеткульта», поднятое первоначально петербургскими товарищами, стало стягивать все более и более широкие слои рабочих. Под этим знаменем растут и множатся пролетарские драматические студии—очаги будущего пролетарского театра.

Театр—лишь одна, и притом маленькая, сторона жизни. Но здесь необыкновенно ярко и показательно выявились те пути, которыми идет российская революция, ведомая рабочим классом. Разрушение того, что должно быть разрушено и уничтожено, овладение тем, что ценно и должно быть сохранено, претворение и перестройка на основе своих принципов этого наследия, строительство нового—вот творческие пути русской революции, как они проявились в области театра.

К. Малинин.

Коллективное творчество в музыке.

Грядущая социалистическая культура противопоставляет индивидуализму культуры ушедшей (вернее уходящей)—коллективизм. Искусство, — его цели, задачи, стремления — силою вещей также вступает на этот путь. Грядущее искусство проснувшегося к воле жизни пролетариата обязано противопоставить (и уже противопоставляет) выдохшемуся, зашедшему в безысходный тупик, индивидуалистическому творчеству «буржуазного» искусства — творчество коллективное. Только оно может дать здоровые ростки искусства будущего, и только оно мыслимо в идеальном социалистическом строе жизни. Но что же есть коллективное творчество? Каково его реальное воплощение?

В музыке идея коллективного творчества представлялась лучшим представителям индивидуалистического искусства, как идеал искусства будущего, где творчество будет «соборным». Так Скрябин, в мечтах своих о мистерии, думал о ней, как о **соборном действе**, где автор «вызывает психические силы во всех присутствующих, и под влиянием этих сил... пассивные слушатели или зрители начинают **коллективно творить** образ искусства... усиливают его и доводят до высшей напряженности. Таким образом устанавливается такое общее для исполнителей и слушателей **психическое звучание** [1]), вызванное внутренним ассонансом и поддерживаемое взаимным воздействием. В этот момент родится соборная творческая душа (Сабанеев—«Скрябин»)».

Почти также думает о мистерии и Вяч. Иванов,—в театре которого действенный хор **исполнителей** сопряжен в общем творческом устремлении, направляемом автором.

Таковы наиболее характерные мечтания о коллективном творчестве в музыке (сотворчество хора у В. Иванова — явление по существу музыкальное). Но нетрудно заметить, что это не есть коллективное творчество в истинном понимании этого слова; коллективное творчество тут мыслится, как творчество исполнителя, а не созидателя. Таким образом, по существу, и это коллективное творчество является, в конце-концов, искусством индивидуалистическим, ибо **автор** направляет хор исполнителей, «вызывает их психические силы», а не самый **образ искусства** об'единяет творцов в создании нового мира звучания. Не таково будет истинно-коллективное творчество грядущего дня. Все исполнители—в то же время и творцы, создающие то, что они исполняют. Если и есть тот, кто направляет творческий коллектив, то безусловно это только дирижер хора, а не автор творимого образа искусства, и дирижер сам принимающий действенное участие в творчестве наравне с остальными участниками.

Едва ли не впервые опыты такого коллективного творчества были произведены в одной музыкальной школе, где вся постановка преподавания музыки построена на активном творчестве учащегося. Опыты были произведены над детской аудиторией этой школы, состоящей не из выдающихся даровитых детей, но детей самых обыкновенных, за редкими исключениями, со средними способностями: тем более показательны плоды этого сотворчества.

Общий принцип руководителя школы был—направить детское внимание на одну тему, одну мысль, один поэтический образ, сосредоточить это внимание со всей полнотой и заставить детей сплотиться в одном желании сотворчества. Сначала это были попытки сочинить напев к прибауткам, маленьким двустишиям: один ребенок более смелый и активный в проявлении своего музыкального чувства «запевал», т.-е. пел первую фразу стиха, как ему подсказывало его музыкальное чувство; руководитель предлагал остальным де-

[1]) Курсив Сабанеева, остальной принадлежит мне. Г. Щ.

тям хором повторить пропетое. Дети, пропев первый стих, невольно продолжали, уже заразившись актом сотворчества, напев стиха дальше. После этого подъем творческого усилия охватывал уже всех: каждый из детей пел напев стиха, и все повторяли хором лучшие или наиболее понравившиеся им напевы из спетых. Так сочинялись прибаутки, стишки, песенки. Руководитель в данном случае являлся только записывателем наиболее характерных напевов; записи наиболее удачных примеров сотворчества руководителем сохранены; некоторые из них поразительны по силе характерности напева, его выразительности, и глубокой, непосредственной простоте. Особенно характерна для всех детских сочинений — сжатость и непосредственность напева; то, что композитор написал бы на пяти страницах—уложено детьми в нескольких строчках. Разумеется, не все опыты детского коллективного творчества одинаково удачны, не все приводили к блестящим результатам, но, повторяю, необходимо принять во внимание, что все это сочинялось детьми самыми обыкновенными, не особенно талантливыми или тем более гениальными.

На сочинении маленьких песенок дети, конечно, не остановились и продолжали прогрессировать, сочиняя не только напевы, но и сопровождения к ним. Наконец был предпринят опыт большого сочинения—оперы на слова А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», где были не только напевы на слова, произносимые рыбаком, рыбкой и старухой, но и инструментальная (фортепианная) музыка на весь остальной текст сказки. Таким образом — это единственная опера, где не выпущено и не искажено ни одного слова автора, как это обыкновенно, к глубокому огорчению, принято почти всеми композиторами (вспомним хотя бы Чайковского и его «Евгения Онегина», где от А. Пушкина осталось одно грустное воспоминание...).

Невольно хочется привести некоторые отрывки из этой оперы. Начинается она музыкальным вступлением, музыкой моря (см. № 1).

Море доминирует во всей опере-сказке, проходит лейт-мотивом через всю оперу. Приведу тут же еще отрывки музыки моря. Каждый раз, как идет старик к морю — оно становится все страшнее и страшнее. Вот старик идет просить об избе, и «помутилося синее море» (см. № 2).

Вот идет старик просить дворянство своей старухе. «Почернело синее море» (см. № 3).

После того, как старик передал требование старухи о желании ее быть владычицей морскою, и чтобы сама рыбка была у нее на посылках — рыбка плеснула хвостом по воде и ушла без ответа. Море же—точно затаило свое негодование и притихло перед гневом (см. № 4). И, действительно, старик, придя домой, увидел старую избу и разбитое корыто.

Таковы отрывки инструментальной музыки; вокальной—тоже (ее вообще меньше в опере) наиболее характерные для каждого из участников оперы поместить все нет возможности. Приведу только первые строфы напевов рыбки, старика и старухи.

Вот—когда поймал в сети ее старик, как заговорила человеческим голосом рыбка (см. № 5).
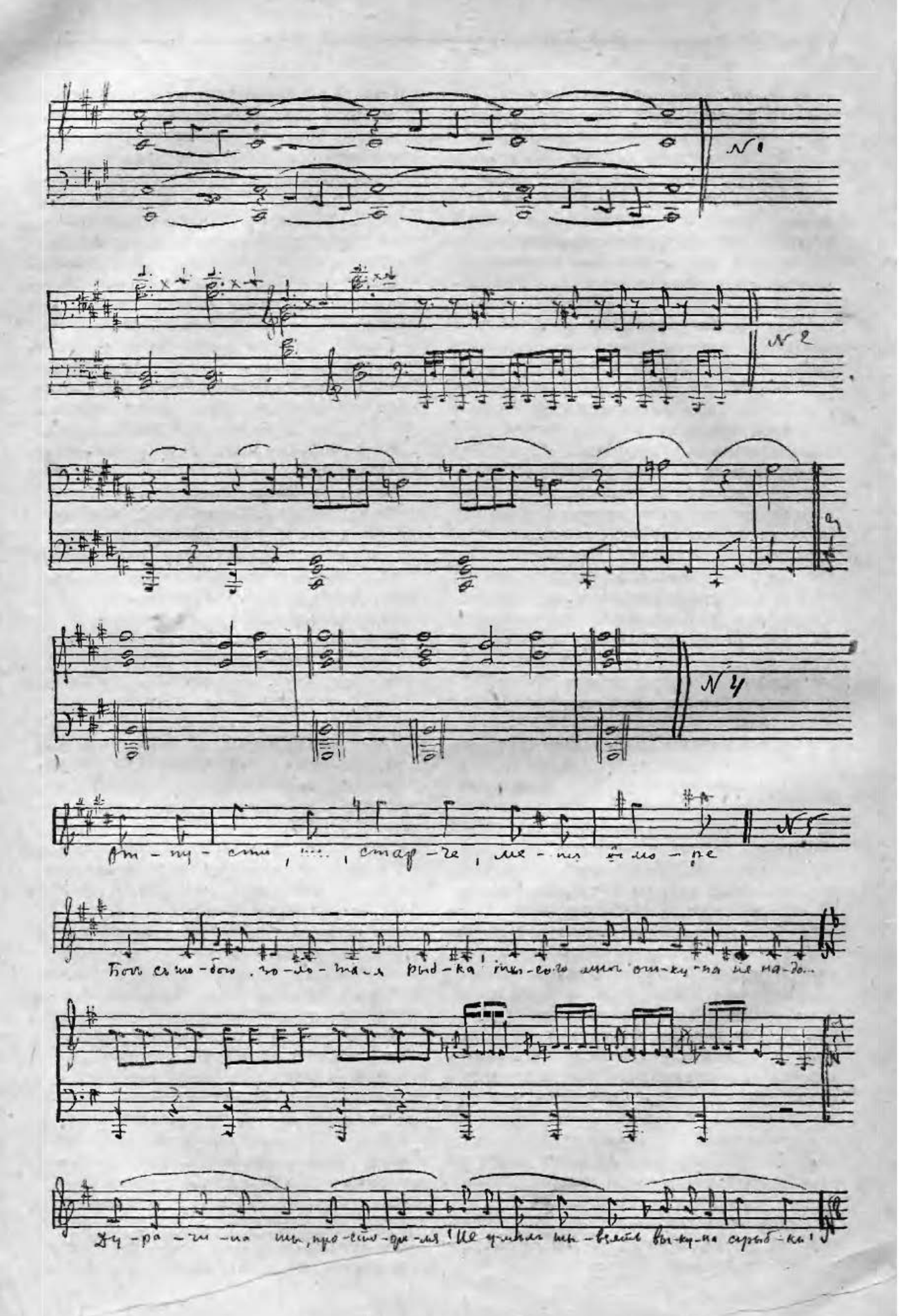
Отвечает ей старик ласковым словом (см. № 6).

А вот, как встретила его старуха (см. № 7).

Вот какими словами ответила на его рассказ о случившемся с ним происшествии (см. № 8).

Таковы отрывки из этой поразительной оперы, сочиненной исключительно детьми. Кстати уже, хочется сказать несколько слов о детском творчестве, как одном из главных факторов преподавания музыки. Казалось ясно, что творчество ребенка, его непосредственное участие и участие активное в деле постижения музыки должно было бы быть поставлено в программу преподавания музыки в общеобразовательной школе, как одна из основ этого преподавания,—вызывающая к жизни скрытые тайники чувств, развивающая эти чувства. Но... увы, схоласты - преподаватели, составляющие и проводящие программы преподавания музыки [1]) в жизнь, дрожат в ужасе от одного только

[1]) См. мои статьи-заметки—о преподавании музыки в общеобразовательной и единой школе («Вестник Жизни» № 1 и «Лад» № 1).

№ 1
№ 2
№ 4
От-пу-сти, стар-че, ме-ня в мо-ре
№ 5
Бог с то-бою, зо-ло-та-я рыб-ка! Тво-его мне от-ку-па не на-до...
Ду-ра-чи-на ты, про-сто-фи-ля! Не умел ты взять вы-ку-па с рыб-ки!

упоминания об этом «кошмаре». Сами незнакомые с этой стороной душевной деятельности, пропитавшиеся схоластической рутиной насквозь, всю жизнь употребившие на проведение этой схоластики в школу,—разумеется, они восстают против проведения принципа творчества (тем более «какого-то коллективного») в деле преподавания музыки в новой школе.

Надо, однако, надеяться, что реакция, свившая столь прочное гнездо в области музыки, все же когда-нибудь да будет сломлена. Придут же когда-нибудь те молодые силы, которые способны будут к восприятию всего хорошего и значительного, несмотря на то, что оно ново. Тогда принцип коллективного творчества войдет не только в музыку или искусство вообще, но и в науку и труд, ибо только одно коллективное начало во всех проявлениях человеческого духа способно вывести человечество из тупика индивидуализма на истинный путь создания новых ценностей.

Кроме «Сказки о рыбаке и рыбке» детьми была коллективно написана еще и другая опера-сказка—«Царевна-Лягушка», сочинявшаяся во время войны, что, между прочим, сказалось на опере: та разруха в общественной жизни, какую принесла с собой война, подействовала на детей губительным образом; сосредоточиться в одном творческом устремлении дети не смогли, и опера—в общем столь-же богатая по музыкальному содержанию, как первая—вышла менее удачной и глубокой.

Наконец, в той же школе был произведен опыт коллективного творчества и среди взрослых учащихся школы, уже без участия руководителя: была сочинена кантата в честь руководителя школы на слова одного из учащихся. Этот опыт коллективного творчества весьма показателен для конкретного проведения его в жизнь, и—своим существованием доказывает, что путь коллективного творчества, избранный проснувшимся пролетариатом, вполне осуществим. Теперь, когда народ сам творит новые формы в жизни и искусстве—особенно важно направить по намеченному им пути его творческое воспитание.

Всеми учащимися при сочинении кантаты руководило лишь одно стремление—выразить общность мечтаний и творческих устремлений, которое объединило всех в общем творческом порыве. Самый процесс творчества происходил приблизительно так же, как и процесс творчества детской аудитории. Только записывающий путь творчества коллектива был и сам активным участником в общем хоре творческого устремления. Также наиболее удачный напев повторялся хором всех участников и тут же естественно корректировался, видоизменяясь от общего исполнения, принимая форму, отвечающую общему устремлению всех участников сотворчества. Характерно, между прочим, что путь творчества был почти одинаково проходим всеми участниками. Так,— на первом собрании отсутствовал один из учащихся. Первая строфа кантаты, сочиненная в этот вечер, не удовлетворила многих на втором вечере. Отсутствовавшему на первом вечере члену было предложено спеть эту фразу, и он, не слышав сочиненного остальными напева, повторил его почти буквально. Это решило участь фразы: напев остался первоначальным.

Этот случай показателен в том смысле, что все участники сотворчества, соединившись в одном **психическом** звучании, естественно выбирают и один путь звучания **акустического.** Внутренний ассонанс и взаимное воздействие является, таким образом, одним из обязательных и важнейших условий коллективного творчества.

Таково конкретное выполнение коллективного творчества в музыке.

Сочинение кантаты, между прочим, наводит мысль на тему о гимне нашего социалистического отечества. До сих пор рабочие поют испорченную французскую «марсельезу», потерявшую на русской почве весь пафос своего оригинала и, главное, чуждую по строю музыкальной речи нашему русскому чувству. Теперь, когда рабочие имеют возможность получить полное музыкальное образование и возможность свободного творчества, нужно направить их устремления на создание гимна, отвечающего чаяниям и стремлениям освобожденного народа. И,

разумеется, тут возможен только путь коллективного творчества, ибо только оно может отразить весь пафос коллектива, охваченного одним порывом.

Необходимо сейчас же ввести коллективное творчество, как одну из основ занятий музыкой, в пролетарские кружки, хоры и т. п.

Значение коллективного творчества огромно: объединяя чувство участников в одном творческом порыве, оно естественным путем сплочивает всех в единстве желаний и действий. И так как в коллективном творчестве, как я уже указал, необходимым и обязательным фактором является единство психического звучания, без чего невыполнимо будет самое творчество,—то это даст возможность объединения пролетариата в одном желании, в одном устремлении творческого созидания новой жизни и приведению к естественной дифференциации всех несочувствующих новым идеям и желаниям пролетариата.

И, наконец, самое важное — нужно проникнуться мыслью, что творчество не есть, как думали раньше, удел избранных. Каждый и может и должен творить. Только в творчестве выковывается свободная и активная воля, способная создать новые устои жизни, проложить новые пути для победного шествия грядущей пролетарской культуры. Залежи этого творчества лежат скрытые, забитые капиталистическим строем глубоко в тайнике души народа: теперь они должны выйти навстречу восходящему солнцу свободы, должны взрасти великими всходами на обнищавших полях культуры прошлого. Эти всходы дадут неисчерпаемый источник для творческих постижений будущих поколений.

И верится, страстно хочется верить в свои предсказания...

Г. Щетинин.

Раскрепощение искусства.

(Отчет Всероссийского Отдела Изобразительных Искусств при Комиссариате Народного Просвещения).

Октябрьская революция застала искусство в состоянии глубокого распада. Эпоха расцвета капиталистического строя гибельным образом отразилась на искусстве. Оно стало оторванным от народа, стало снобизмом, модой и развлечением для избранных—для буржуазии, ко вкусам которой оно принуждено было приспособляться. Народные массы совершенно не участвовали в творчестве художественных ценностей и даже были насильственно отстраняемы от него; только кустарничество служило показателем того, что в народных массах имеются огромные залежи творческой энергии, художественной свежести и своеобразия.

Между тем буржуазия являлась в области искусства,—как и во стольких других,—воплощением консерватизма, застоя, рутины. Повинуясь властной воле буржуазного заказчика и любителя, академическое «общепризнанное» искусство сосредоточилось, главным образом, на изучении художественных образцов прошлого в целях возможно искусного подражания им. В художественных школах это изучение начиналось с копирования гипсовых слепков (главным образом, античных и эпохи Возрождения), и, таким образом, еще неискушенный ученик с самого начала приучался видеть и запечатлевать не живую, а мертвую форму—трафарет. В России дело, конечно, обстояло еще хуже, чем на Западе, однако и там молодые художники—новаторы должны были вести отчаянную борьбу против засилия привычных форм, мертвых трафаретов в искусстве,—но таких художников были единицы из тысяч, исковерканных буржуазными школами.

Октябрьский переворот был огромным шагом к *раскрепощению искусства*. Этот последний лозунг и определил собой общее направление деятельности Художественной Коллегии, организованной Народным Комиссариатом по Просвещению. Понятно, что, стремясь к осуществлению этого лозунга, Художественная Коллегия сразу же пришла к признанию неотложной необходимости не только умножить число художественных школ и всячески облегчить доступ в них народным массам, но также и выбросить из этих школ старые методы преподавания, заменив их новыми, которые могли бы широко и свободно развить в учащихся восприятие света и формы. Коллегией предположено открыть девять художественных школ в крупных центрах Российской Федеративной Республики и 20 художественно-промышленных школ в тех местах, где особенно развито кустарное производство. Считая, что развитие глаза зависит не только от рисования, но и от эстетического воздействия предметов, окружающих нас, Коллегия полагает другую основную свою задачу в приближении ремесл к искусству, в возможно широком проникновении промышленности обрабатывающей—творчески-эстетическим сознанием,—чтобы на изготовлении одежды, мебели, посуды и других предметов домашнего обихода свободно вырабатывался народный художественный стиль. Исходя из этого, Коллегия пришла к выводу, что подлинными художественными школами должны быть заводы и мастерские, а не школы рисования, оторванные от ремесла и производства. В такие школы нового типа уже превращаются: Государственный фарфоровый завод, Стекольное депо, Гранильная фабрика, Ремесленно-художественный поселок в Царском Селе, где рядом с рабочими будут работать художники над изучением ремесла и усовершенствованием его форм. По этому образцу предполагается преобразовать все художественные и ремесленные школы, начиная со школы б. Строганова и школы Штиглица. Эти художественно-ремесленные мастерские рассчитаны на возраст, который будет установлен для всех трудовых школ старшей ступени—17 лет.

Для того, чтобы заинтересовать трудящиеся массы искусством, а также чтобы помочь развиться их художественному чутью, Коллегией намечен и уже осуществляется ряд мер. Так, организуются лекции по вопросам искусства, приступается к широкому распространению избранных гравюр и цветных воспроизведений лучших наших мастеров, к выпуску ряда популярных изданий по вопросам искусства. Далее, в мастерских Союза Городов, перешедших в ведение Коллегии, будет показано народным массам искусство в его подлинном, неискаженном облике. С этой целью Коллегия постановила приобрести у крупнейших художников страны лучшие их работы. Те работы, которые будут выбраны самими народными массами, перейдут в музеи. Последние будут реорганизованы таким образом, чтобы в них было представлено искусство за все эпохи его существования. Такие музеи должны быть на первых порах передвижными и переезжать из одного города в другой, из одной деревни в другую, сопровождаемые лекторами, которыми будут читаться лекции о развитии искусства в разные эпохи.

Но вместе с тем Коллегия далека от мысли оказывать какое-либо давление на свободное художественное творчество трудящихся масс, заранее предуказывать ему то направление, в котором оно должно развиваться: все меры, предпринимаемые ею, Коллегия рассматривает лишь как меры переходного времени, долженствующие создать условия, благоприятные для грядущего расцвета свободного и самобытного народного творчества.

В противоположность буржуазным академистам, Коллегия смотрит вперед, а не назад, будучи уверена, что одно уже освобождение трудящихся масс и их художественного творчества из-под власти капитала,—без вмешательства и помощи со стороны,—является залогом пышного развития нового, подлинно народного искусства. Обратившись, в связи с этим, внимание на полную необеспеченность художников, ставившую их в необходимость насиловать свое творчество, угождая вкусам буржуазного заказчика,—Комиссия решила придти

на помощь существующим союзам и артелям художников. Соответственно с этим Коллегией приступлено к организации художественных союзов на коммунистических началах, чтобы дать этим союзам возможность стать полноправными членами общегосударственного коллективного целого. Наконец, для облегчения доставки материалов художникам и школам, Коллегией организована испытательная станция красок и организуется фабрика красок.

Считая, что наши города должны быть эстетически прекрасны, Коллегия принимает ряд мер к тому, чтобы придти на помощь городскому строительству, планомерно развить его и вывести из того хаоса, в котором оно сейчас находится: всякий знает, что наши дома похожи на ящики или гроба, что в них одинаково отсутствуют и гигиена и красота. Коллегия стремится поэтому к созданию художественно-строительного аппарата, который бы взял на себя задачу перестроить наши города, преобразовать площади и рынки, переменить форму улиц, увеличить число садов, и т. д. Все это, конечно, возможно провести в жизнь только постепенно, но уже теперь архитектурный подотдел Коллегии вырабатывает меры, по осуществлении которых новое строительство сможет выполнить очерченные здесь задачи.

Театральный подотдел Коллегии считает нужным немедленно уничтожить старую форму заказов на декорации и разработать конкурсы, открытые и доступные для широких масс. Кроме того, предполагается устроить театрально-декоративные мастерские, где сообща будут изучаться грим, бутафория и театральные костюмы (такие мастерские уже устраиваются в Петрограде).

Коллегия полагает, что условием расцвета современного искусства является его национальный характер, однако лишь такой, который в то же время восполнялся бы общечеловеческой широтой и свободой творчества, его интернационализмом. Согласно этому своему убеждению, Коллегия принимает ряд мер к тому, чтобы связаться с художественными центрами Запада. Коллегия решила даже послать несколько агитаторов из своей среды в эти художественные центры, которые хотя официально и враждебны нам в настоящее время, но в которых есть тысячи сочувствующих социалистической России.

[*П. П. Штернберг.*]

Итоги шестого съезда советов.

Каждый из Всероссийских съездов Советов вносил что-либо новое и решающее для развития русской революции.

Второй съезд, как заключительное звено октябрьской революции, узаконивает переход власти к крестьянам и рабочим.

Третий—после роспуска Учредилки—устанавливает вместо буржуазного парламентаризма пролетарскую советскую власть.

Четвертый, с твердой верой в приближение международной революции, соглашается на грабительский Брестский мир.

Пятый, июльский, ликвидируя контрреволюционное выступление левых эсэров, утверждает конституцию советской России.

Почти все внимание шестого чрезвычайного С'езда обращено было на оценку международного положения России, на революционное движение в других странах и на состояние красной армии.

I. Международное положение.

(Доклад т. Ленина, речи тт. Радека, Каменева, Стеклова, Зиновьева; отчет Нар. Комисс. по Иностр. делам т. Чичерина).

За последний месяц усилия нашей внешней политики были направлены на просвещение рабочих масс Западной Европы, так как было ясно, что война без революции не окончится, что во всей Европе создается революционная сила, и что России необходима поддержка западного пролетариата.

Хотя большой подготовки у нас и не было, но мы спешили поделиться всем, что приобрели раньше других.

Большую роль сыграло здесь опубликование тайных документов, из которых трудящиеся всех стран поняли, что их заставляли вести войну кровавую и империалистическую. Не менее важное значение в смысле просвещения западного пролетариата имел также Брестский мир. Этот мир был грабительским и, если судить о нашем тогдашнем положении с буржуазной точки зрения, то можно было сделать заключение, будто, подписывая Брестский мир, Советская власть расписалась в своей политической несостоятельности.

Однако, факты показали, что она была права, когда рассчитывала, что трудящиеся массы во всех странах одинаково враждебны империализму. Опубликованием тайных договоров и подписанием Брестского мира мы, действительно, пробудили западный пролетариат. «Условия мира, который мы вынуждены были подписать,—говорил т. Ленин,—были в смысле пропаганды и агитации таким мощным орудием, и им сделано так много, как не сделало ни одно правительство, ни один народ».

С октябрьской революции и до последнего времени мы в военном смысле, конечно, слабее империализма и, если просуществовали целый год, то этим обязаны тому, что международный империализм раскололся на две враждебные группы: англо-французо-американцев и германцев, находившихся в кровавой схватке друг с другом. Ни одна из этих групп не могла направить против нас, поэтому, серьезных сил. Когда же англо-американская группа оказалась побеждающей, наше международное положение совершенно изменилось, так как революционным пожаром теперь охвачено большинство стран Европы.

Таким образом, кончился период одиночества советской России, и она превратилась в очаг всемирной социалистической революции.

В Германии революция началась после того, как она зарвалась в своих шовинистических стремлениях. Кроме чисто внутренних причин, революцию вызвало, главным образом, общение дисциплинированных немецких солдат с революционным русским пролетариатом в период империалистического грабежа на Украине.

Наши хорошие отношения с Германией никак не наладятся. Правда, в результате улажения целого ряда вопросов появилась возможность приступить к товарообмену. В Петроград прибыло несколько пароходов с углем, и в обмен отправлены товары, менее нужные нам. Развивается товарообмен со Швецией и с Данией. Но, несмотря на постановление о том, что уход германских войск должен производиться одновременно с занятием местностей нашими войсками, все больше получается сведений о формировании белогвардейских частей в более крупных городах (Псков). С этой опасностью советскому правительству приходится серьезно считаться (доклад т. Чичерина).

То обстоятельство, что наша дипломатическая почта была вскрыта в отсутствие нашего представителя, и что Германия попросила отозвать нашего посланника т. Иоффе, можно оценивать по разному: но мы должны быть только благодарны Шейдеману за то, что он так наглядно и так цинично показал себя полицейским германского капитала (Радек).

Так как от Германии в уплату за мир требуется отдача острова Гельголанда, Вильгельмсгафенского канала, части флота, гор. Эссена, Эльзас-Лотарингии и выплата 60 миллиардов контрибуции,—ясно, что мир, навязанный ей, гораздо тягостнее нашего Брестского мира.

Австро-Венгрия распадается. Представители соглашателей Ренгер и Адлер борются против создания красной армии, но все-таки это создание идет успешно. Революция открыла двери тюрем и концентрационных лагерей, где томились наши военнопленные, которые теперь бегут сотнями тысяч на родину.

В Австро-Венгрии выдвигаются лозунги, провозглашенные русским пролетариатом, и с каждым днем эти лозунги становятся все больше достоянием широких масс центральной Европы.

В Болгарии и **Сербии** образовались советы рабочих депутатов. Рабочие Болгарии не оправились еще от нашествия германских полчищ, как перед ними стали полчища англо-французов. Болгария меньше других измучена войной, меньше голодает, и если там большевизм взял верх, то это много значит.

Наши мирные отношения **с Турцией**, установленные Брестским договором, в настоящее время прекращены.

Все действия Турции в Закавказье в течение последних месяцев были сплошным нарушением Брестского договора (занятие г. Баку и т. п.).

Советское правительство заявило, что действия Турции лишили силы Брестский договор между Турцией и Россией, после чего мирные отношения России и Турции прекращены.

Неуклонно идут к революции **Англия** и **Америка**. Маленькая, с военной точки зрения, Болгария, провозгласившая крестьянскую республику, заставила англо-американцев потерять голову. В революционном смысле столкновение с Болгарией для империалистов—непредотвратимая опасность: встречая революцию, солдаты, как ни была сильна их армия, неизбежно заражаются ею, и империалистическая армия разлагается. Это им не колонии, в роде Центральной Африки, где они привыкли вырезывать побежденных тысячами.

Резолюция о международном положении подчеркивает факт громадного успеха революционного движения во всех странах, особенно на Балканах, в Австрии и Германии. Она отмечает, что именно эти успехи вызвали в международной буржуазии особенное озлобление и стремление спешно организоваться в контр-революционную силу для подавления революции; что международная буржуазия старается отрезать Советскую Республику от всего мира, как заразу, как очаг рабочей революции. В результате этих условий создается своеобразное положение для

советской власти: необычайно близка международная революция с одной стороны, и необычайно опасен мировой империализм—с другой. Необходимо уяснить, что за спиной красновских и белогвардейских контр-революционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контр-революционной буржуазии, англо-американской и французской—в первую очередь.

Но каковы бы ни были трудности создания красной армии, как бы ни была сильна усталость от войны, мы отстоим свое социалистическое отечество и одержим победу над международным империализмом.

II. Красная армия.

(Доклад Народнаго Комиссара по Военным Делам т. Троцкого).

В июле партия левых эс-эров выдвигала идею создания партизанских отрядов, утверждая, что революционный режим не может создавать регулярных армий. Но мы видим, что партизанские отряды соответствуют лишь первому младенческому периоду борьбы за власть. По мере же перехода к планомерному государственному строительству, господствующий класс должен создать регулярную армию.

В июле наша армия только что организовывалась. Поэтому, приходилось отступать везде, где против нас выступали сколько-нибудь сплоченные части. Мы сдавали город за городом. Но постепенно стали создаваться революционные силы нашей страны, и после сдачи Казани начался перелом.

Петроградский и Московский Советы двинули на восточный фронт цвет своих работников. Благодаря их необычайной самоотверженности, мы не сдали Нижнего, Вятки и Перми, не дали соединиться чехо-словакам с англо-французами. Теперь на севере, в течение зимы нам опасность не угрожает. Десантная армия разлагается. Был даже случай перебежки английского отряда. Тут важно начало. Мы застрахованы от всяких неожиданностей и на восточном фронте.

Значительно хуже обстоит дело на южном фронте. Южный фронт был все время пасынком, к нему относились спустя рукава, главным образом, потому, что были заняты северным фронтом, где опасность была все время слишком ясна и велика.

Наша южная армия была недостаточно сплоченной. Она состояла из отдельных партизанских отрядов, превосходно обстрелянных, прошедших суровую боевую школу. Но каждый командир считал свою часть замкнутым миром. Не хватало общей связи.

Мы вторично кликнули клич Петроградскому и Московскому советам с просьбой помочь объединить наш южный фронт. Опять советы дали нам сотни работников, которые заняли посты политических комиссаров, на которых и держится наша армия. Мы ввели правило, что за всякое паническое отступление, за дезертирство отвечает в первую голову командир и комиссар.

В настоящее время южная армия, хорошая и многочисленная, получает падлежащую командную организацию. Нам необходимо просунуться между уходящим германским и приближающимся англо-французским милитаризмом. Нам нужно занять Дон, Северный Кавказ и Каспий, поддержать рабочих и крестьян Украины.

Наше военное положение в общем удовлетворительно. У наших врагов на восточном фронте полная деморализация. Эта деморализация будет усилена сообщениями о событиях в Австро-Венгрии. Каждый чехо-словак понимает и знает, что путь к освобождению Богемии лежит через советскую Россию или через советскую Украину.

На южном фронте все зависит от темпа нашей работы. Краснов, ведший войну с Алексеевым, объединяется с ним. Также и Бичерахов, сегодня ведущий войну с Турцией, может завтра с ней объединиться. От наших усилий зависит предотвратить эти объединения.

Наша красная армия сильна и сплочена. Но необходимо милитаризовать тыл, чтобы непрерывно ее поддерживать и обслуживать, как моральными так и материальными средствами. Вся страна должна быть мобилизована материально и духовно. Для армии, чувствующей себя опирающейся на Советскую власть в тылу, не страшны ни германские, ни англо-французские империалисты.

По предложению т. Позерна, съезд единогласно принимает резолюцию о необходимости организовать в армии особые ячейки; избрать из деревенских комбедов надежных представителей и этих людей послать в центры, в распоряжение военных комиссариатов и из них составить или целые части или надежные стальные ядра, которые образуют могучие опорные пункты в армейских частях и сделают весь фронт непоколебимым.

Съезд дважды приветствует красную армию, подчеркивая, что начавшееся ныне революционное пробуждение широких масс неизбежно приведет к победе мирового пролетариата над эксплуататорами и империалистами всех стран, что красная армия защищает дело угнетенных всего мира, что она защищает первую в мире республику трудящихся, власть рабочих и крестьян. Съезд выражает твердую уверенность в победе трудящихся.

Съездом решено обратиться к союзникам с предложением перемирия:

«Всероссийский Чрезвычайный Шестой С'езд Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов считает своим долгом еще раз пред лицом всего мира заявить ведущим войну против России правительствам Соединенных Штатов Северной Америки, Англии, Франции, Италии и Японии, что, в целях прекращения кровопролития, съезд предлагает открыть переговоры о заключении мира.

Съезд поручает Российскому Центральному Исполнительному Комитету немедленно предпринять шаги, необходимые для проведения этого решения в жизнь».

III. Комитеты бедноты.

(Доклад тов. Зиновьева).

На съезде был всесторонне освещен вопрос о состоянии и реорганизации деревенских комитетов бедноты, сыгравших громадную роль в развитии революции в глухой деревне. Комитеты бедноты вовлекли деревню в русло пролетарско-социалистической революции. Комитеты созданы почти повсюду, но, вместе с тем, мы не имеем для них определенного выборного начала. Первоначально созданные в целях разрешения продовольственного кризиса, комбеды, ходом вещей, должны были взять на себя ряд административных функций, отняв последние от Советов. Нельзя оставлять ту административную чересполосицу, которая получилась в результате этого. Строительство деревни следует признать одной из основных задач, от которой зависит продовольствие страны, и положение красной армии и судьбы мировой революции.

В резолюции, вынесенной по этому вопросу, съезд отмечает, что отсталые отношения в деревне задержали там революционную социалистическую борьбу, что существовавшие в деревнях советы не являлись органами революционной борьбы с деревенской буржуазией и даже включали ее в свой состав. Лишь комбеды сумели объединить наиболее революционные элементы деревни; но при этом создалось двоевластие—советов и комбедов. Резолюция высказывается за создание единой советской организации в деревне и предлагает всем губернским и уездным Советам незамедлительно приступить к перевыборам всех волостных и сельских Советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты деревенской бедноты.

IV. Приветствия. Итоги.

Съезду прислали приветствия с.-д. партии Польши и Литвы; в них отмечается, что у рабочих Польши и Литвы те же лозунги и цели, во имя которых борется и побеждает советская Россия.

Приветствия, посланные Карлом Либкнехтом и группой Спартак, указывают на рост социальной революции в Германии и в Австро-Венгрии и обращают внимание на грозное значение момента для всемирной революции.

Съездом были получены также приветствия от с.-д. партий Швеции и Дании, от Франца Меринга, от коммунистов-мусульман и многих других лиц и учреждений.

Таким образом, итоги шестого съезда Советов оказались весьма благоприятными, и смотр сил очень удачным.

Съезд установил, что во внешней и во внутренней политике советская власть, точно и полно учитывая все об-

стоятельства, наметила правильную линию действий.

Съезд признал, что необходимо усилить и объединить все отряды советских войск в одну красную армию и теснее связать отдельных военных и политических комиссаров с центром, а всю армию—со страной.

Наконец, необходимо реорганизовать Комбеды, сделав из них проводники для проведения в деревню всех мероприятий советской власти.

Несмотря на кратковременность занятий—всего 2½ дня—съездом сделано очень много.

Этот съезд является наиболее наглядным показателем силы советской России, а также мощного движения социалистической революции в Европе. Особенно ясно это сказалось в количестве делегатов—933, которое значительно превосходит цифры всех предыдущих съездов; видно это было и по единству отношений делегатов к ораторам. Из общего числа участников съезда с решающими голосами коммунистов — 913, революционных коммунистов—10, левых соц.-рев.—5, народных коммунистов—2, максималист—1, анархист—1, беспартийный—1. Наконец, это было зафиксировано резолюцией об амнистии, а также многочисленными приветствиями Советской России со стороны западного пролетариата.

В. Богданов.

Первый Всероссийский съезд работниц.

(16—22 ноября 1918 года).

В настоящее время происходит громадный сдвиг в психологии жены, матери и хозяйки. Задеваются самые интимные, наиболее близкие женщине вопросы. И вопросы эти даже перестают быть специфически женскими: женщина освобождается от мелочных повседневных обязанностей, окончательно уравнивается во всем с мужчиной и ходом событий вовлекается в общее революционное строительство.

Эти абсолютно новые факты ярко вскрылись на I-ом Всероссийском С'езде Работниц. С'езд был необычайно многолюдным; на нем присутствовало 1.100 делегаток, при чем были представительницы от самых глухих и отсталых деревушек.

Политико-социальные задачи работниц.

Сейчас замечается отход женщины от общественной работы. Женщины в целом не участвуют в рабоче-крестьянском движении. Так же, как и в гражданской войне, они не проявляют даже обыкновенного женского милосердия (предст. Ц. И. К. Теодорович). Сильны еще рабские привычки, мало еще сознательных и хотя бы грамотных женщин. Но женщина просыпается. (Речи: Инессы, Данилевской). До сих пор женские интересы отделялись от общественных; это делалось буржуазией в ее интересах. «Когда возникла февральская революция, буржуазия, боясь, что женщины примкнут к рабочему движению, стала устраивать специфически женские организации для того, чтобы изолировать женщину от работ мужчины». (Представ. Ц. П. К. т. Теодорович).

В настоящее время революция разростается и распространяется по всему миру. Она всех зовет к работе, и никто не должен оставаться в стороне.

Нужно еще несколько усилий, чтобы приблизиться к победе. «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит оттого, насколько в ней участвует женщина» (Ленин). Необходимо, чтобы женщина самостоятельно вела свою пролетарскую социалистическую работу. К этому она не привыкла, но чтобы научиться плавать, надо смелей бросаться в воду, надо скорей входить в работу. В настоящий критический момент, когда пролетариат напрягает в борьбе с империалистами все свои силы, очень важно, чтобы в его ряды вступила женщина: силы пролетариата тогда удвоятся.

Но и для самой женщины широкое участие в общественной жизни чрезвычайно важно. Это участие воспитывает мужество, смелость, большую приспо-

собленность к жизни и ведет к полной самостоятельности (Калинина).

Надо связать союзы работниц с общими организациями, и тогда работница не будет тормозить движение всего рабочего класса, а будет могучим рычагом в этом движении (Самойлова).

Женщина должна забыть, что она женщина и помнить, что она работница; что для деятелей профессионального движения существует единый рабочий класс, без всякого деления на полы. У рабочих и работниц цели одни, один путь и общие враги. Капитализм зиждется на голоде и эксплуатации бедноты. Буржуазия не хотела дать работницам даже тех прав, какие имел рабочий, так как боялась усилить своего противника. Война поставила работницу в особое ответственное положение. Не случайно революции в промышленных городах и во всех странах начинаются работницами (Инесса).

Женщинам необходимо вступить в партию коммунистов, которая наметила единственно правильную линию действий.

По целому ряду условий женщины все же остаются, главным образом, солдатами тыла. Но женщина пойдет и на фронт: ведь и раньше она умирала на баррикадах. Гражданская война прочнее объединяет работницу с солдатами, чем империалистическая, когда фанатички из буржуазного класса принимали участие в женских батальонах, оставаясь совершенно чуждыми солдатской массе (Инесса).

Несомненно, однако, что работа в тылу ближе женщине (Шишкова). И тут дела много. Женщина должна принять участие в работе советских учреждений, где часто бывает много саботажников (Грачева, Гиминер).

Необходимо реорганизовать деятельность Красного Креста, направив ее на помощь возвращающимся военно-пленным. Раньше в Красном Кресте были сливки буржуазного общества, и такая организация не могла обслуживать нужд гражданской войны. Теперь создается пролетарский Красный Крест, и работницам надо принять в нем живое участие.

Сейчас идет лавина оборванных, голодных и одураченных людей, им нужна немедленная и организованная помощь. Помочь этим товарищам — дело работниц (Бухарин).

В нескольких резолюциях по вопросам о международной революции и о задачах работниц, съезд подчеркивает правильность того пути, по которому шли во время империалистической войны большевики - коммунисты, отмечает огромную роль женщины-работницы во всей хозяйственной и промышленной жизни страны и призывает всех работниц и крестьянок встать под знамена коммунистической партии, плечо к плечу с товарищами рабочими и крестьянами.

Семья.

Дети не должны мешать работнице в ее серьезной политической работе. Необходимо устраивать для маленьких детей ясли, как в городе, так и в деревне, где матери могли бы оставлять детей во время работы. Ведь часто женщины принуждены, уходя на работу, запирать беспризорных, голодных и холодных детей. Это ненормально. Дети не должны быть нам в тягость. Нельзя доводить дело до того, что мать получает облегчение лишь со смертью ребенка (Иванова, Кузьмина, Прохорова).

Не должны быть помехой и брачные отношения. Старое рушится. Создаются новые отношения, выявляется новый уклад семейной жизни. Декрет 18 декабря 1917 г. признает равные права за внебрачными и «незаконными» детьми. Декрет 19 декабря 1917 г. облегчает развод. Буржуазия создала семью с нерасторжимым браком. Семья была гнездом собственников и хищников. Разрушить такую семью не жалко. Да она и сама неизбежно разрушается. Один за другим извлекаются из семьи принужденные работать члены; забота о воспитании возлагается все больше и больше на государство: наконец, домашнее хозяйство и производство отмирают в виду их бесполезности для государства.

Создается новая форма союза—соединение двух равноправных, свободных, самостоятельных товарищей. Коммунизм не разрушает семью, но изменяет все семейные отношения, от чего новая форма семьи только выигрывает.

Старая семья—это облеченная в приличные формы — проституция. Брак здесь основывался на насилии, лицемерии и разврате.

Туго проводится декрет о браке в деревне. Там до сих пор преобладает церковный брак. Надо бороться с этим, путем пропаганды и просвещения, не озлобляя массу, не обостряя борьбы религиозными мотивами. Духовенство в деревне пользуется своим влиянием, чтобы затуманить сознание масс. Духовенство восхваляло войну и во всем держало сторону буржуазии.

Революция сделала невозможным вмешательство духовенства в большинство областей человеческой жизни. Отделение церкви от государства освобождает нас от духовного рабства.

Хозяйство.

Много времени и энергии отнимало у работниц хозяйство. Пока будут существовать частные горшки, женщина не избавится от 24 - часового рабочего дня, так как, отработавши на фабрике 6 часов, она занимается еще домашним хозяйством.

В каждом доме топится плита. У каждой плиты стоит работница, которая тратит труд, время и топливо только для себя. Это не хозяйство, а непроизводительная трата времени и народного достояния. При об'единении котлов и печей, дров пойдет в десять раз меньше, и в двадцать раз сократится энергия работниц. Германия первая принялась организовать массовое хозяйство. В России начали делать это позднее. По настоянию большевиков такие общественные столовые стали устраиваться сначала в Петрограде при фабриках и заводах. Необходимо скорее переходить от домашнего хозяйства к коммунистическому. Это в значительной мере освободит женщину (Бучкова, Инесса, Смит).

Выступавшие на съезде крестьянки указывали, что в деревне труднее, чем в городе, провести преобразование семейных и хозяйственных отношений. Деревня невежественна, плохо разбирается в событиях. Там нет книг, нет газет, нет агитаторов. Крестьяне, а особенно крестьянки не могут так горячо и твердо отстаивать свои интересы, как рабочие в городе. В частности, от преобразования хозяйства на коммунистический лад большой выгоды не будет: избу все равно топить надо и дров в деревне много. Но начинать все-равно надо—лишь с другого конца. Надо дать деревне машины. Необходимо организовать сельско-хозяйственные коммуны и вообще делать все, что можно (Павлюшина, Алексеева и др.).

Подобно общественным столовым необходимо создать и общественные прачечные (Янсон).

Секция, в которой рассматривался вопрос о прачечных, приняла следующие тезисы:

1) все прачечные должны быть национализированы;

2) должны быть организованы центральные прачечные для обслуживания населения стиркой белья;

3) стирка должна быть бесплатная;

4) в центральных прачечных должны производиться штопанье и починка белья.

Принятая резолюция по вопросам о роли работниц в хозяйстве домашнем и народном признает, что домашнее хозяйство является вредным пережитком старины и противоречит коммунистическим формам распределения. Оно ложится тяжелым бременем на работниц, лишая их восьмичасового рабочего дня и отнимая досуг. Должны быть созданы общественные кухни, общественные столовые, центральные прачечные и не только в городе, но и в деревне. Для улучшения материального положения работниц в настоящее время съезд считает необходимым скорейшее проведение национализации торговли и натурализацию заработной платы.

Воспитание детей.

При буржуазном строе воспитывала детей не семья, но улица. Потому было так много заброшенных, беспризорных детей, гибнувших миллионами. Поэтому же было так много преступных детей. Воспитывать ребенка в недрах буржуазной семьи нельзя. Эта семья воспитывала человека так, чтобы он думал больше всего о себе, о своих родных. Надо учиться любить многих — тогда не будет ни зла, ни мелкой зависти. Надо дорости до сознания, что

чужой ребенок тоже близок и дорог, чтобы не было «моего» ребенка, «твоего» ребенка, но были бы «наши» дети.

Необходимо совершенно отменить «патронат»—отдачу детей на воспитание в деревню. Имя «питомец» должно быть вычеркнуто из паспортов. Наравне с остальными гражданами они имеют право на получение земли, равно как и все другие права (Коллонтай, Лилина, Савилова).

Воспитание должно стать сознательным и организованным. Надо отбросить все буржуазные привычки и доверить воспитание детей государству.

Общественное воспитание будет трудовым. Именно труд воспитывает больше всего. Он заставляет считаться не с пустыми вымыслами фантазии, а с необходимостью приспособляться и овладевать природой. Необходимо повсюду организовать детские сады, дома детей, и вести пропаганду о принципах коммунистического воспитания. Необходимо немедленно организовать инструкторские курсы для подготовки деятелей общественного воспитания детей (Калинина, Орлова, Чукова, Гуревич).

Резолюция, принятая съездом, осуждает применение наемного труда детей и решительно требует не охраны, а полной отмены труда для детей обоего пола до 16 лет, ограничение рабочего дня для подростков до 18 лет, девушек до 20 лет четырьмя часами в день.

Проституция.

До сих пор продажа женского тела, явная или в скрытом виде, еще не устранена. Проституция неразрывно связана с эксплуатацией капиталом рабочего класса и сельской бедноты.

Низкая оплата женского труда, беспризорность детей рабочих, скверные жилищные условия, продолжительный рабочий день, социальное неравенство и существование буржуазной семьи,—таковы главные условия, питающие позорную торговлю белыми рабынями.

Бороться с проституцией надо не только закрытием домов терпимости, не только наказанием сводников и продавцов живого товара, а искоренением всех остатков капиталистического строя при помощи перехода к коммунистическому хозяйству, по которому проституция внутренне невозможна.

Для этого же необходима всемирная поддержка коммунистической партии, победа которой создаст женщине новое положение в политической, экономической и социальной жизни. Эта нота и звучала всего громче и яснее в продолжении всего замечательного I-го съезда женщин-работниц.

В. Владимиров.

Картины октябрьских празднеств.

Декорации годовщины пролетарской революции.

Пролетариат к годовщине своей революции не поскупился на средства, а рабочие районы—на энергию в достижениях по убранству рабочих улиц. Особенно ослепительным, однако, оказался центр, где и площадей много и ставились памятники.

Советская площадь превратилась в какую-то красивую арену. Прекрасный символ—на ней была разыграна пантомима Великой Революции. Гордый обелиск внушает почтительные чувства. Он красиво задрапирован лентами и еловыми веточками. От ели в воздухе носится ядреный, бодрящий запах. Пролетарские святки... Окружающие здания—все в гирляндах.

Московский Совет неузнаваем. С крыши гордо спустился флаг Республики. Несколько красных расписных полотен изящно одели здание. Гербы с серпом и молотом создают впечатление нового пролетарского храма. С обоих пролетов Тверской повисли в воздухе панно. Одно врезается в оторопевшую память: пролетарий расправляется с гидрой. Вечером сказочно освещается обелиск, загадочно свешиваются полотна флагов. Праздник не имел более уютного уголка, чем Советская площадь, сплошь обратившаяся в радостный муравейник.

Правая сторона Тверской по направлению к бедно убранной Страстной площади стильно и изящно красна. Пучки красных флагов, портреты вечером при иллюминации казались каким-то волшебством...

Другая сторона Тверской блещет своими фресками. Скучный забор заставил вдумываться в смысл мазков. Маховое колесо истории мощное, ниспровергающее. По одну сторону находится гордо борющийся пролетариат, по другую—лезут один на другой слои всколыхнувшейся жизни.

Буржуазный мир перевернут. Земля покрылась бесчисленными фабриками и заводами. «Вперед без страха и сомнения»—мораль сей интересной картины.

«Символы, и очень интересные, яркие... Пролетариат создает новый мир...»—вдумчиво сказал мне мой товарищ-рабочий.

В бывшем Тверском пассаже приютилась выставка В. С. Н. Х. Профессиональные гербы красиво выделяются над входом.

Второй Дом Советов перекинул суставчатое полотно на своего визави—на полотне пять многозначительных букв, имеющих мировой смысл: в них симметрия—Р. С. Ф. С. Р. На ряду с символическими изображениями тут можно отметить и реально-бытовые картины на темы новой жизни.

Второй Дом Советов цветист и наряден. Однако, ни в разнообразии, ни в богатстве красок ничто не устоит перед Охотным рядом. Его клетушки превратились в какие-то домики берендеев: они — расписные терема с экзотическими цветочками, которые «точно жар горят». Напротив картонного ряда берендеевских домиков крытая гирляндами тенистая галлерея, нечто в роде сада берендеев.

К царству сказочных берендеев с их вечной масляницей примыкает «Дом Союзов», по фасаду которого свешиваются два изящных панно. Рядом выступают гербы профессиональных объединений: текстилей, химиков, чертежников, металлистов и т. д. Вечером «Дом Советов» весь в четких линиях мощной иллюминации. Часами стоит праздничная толпа и любуется бестрепетным сиянием.

Театральная...

Воздух лижут языки пламени. Оно осеняет низенькие деревца, закукленные в голубовато-лиловые коконы, отороченные боа из осеннего листопада. На площадь смотрит солнце, прогоняющее притаившийся внизу мрак. Навстречу солнцу с другой стороны площади на большом панно идет рабочий и несет свой факел. Факел мира—солнце, факел пролетария—справедливость.

На Малом театре панно из жизни удалого Стеньки со своими стругами. Внизу четкая поэтическая иллюстрация Каменского. К сожалению, сорвало ветром другое панно с изображением (верхней части) «вождей мирового пролетариата» и женщины, показывающей им свое счастье и свободное дитя. Тут же приютилось панно, изображающее изобилие плодов земных и благорастворение воздухов». На углу капиталистического небоскреба Мюра и Мерелиза пролетариат повесил также полотно с символами своих побед.

Изящная мозаика «Метрополя» только выиграла от пролетарских панно. Первый Дом Советов заиграл пролетарскими огнями.

Площадь Революции осенена красными лучами солнца. С фасада бывшей Городской думы обращает на себя внимание картина, символизирующая объединение науки, труда и искусства. На противоположной стороне балкончики умело использованы для развески картин. Одна картина рисует счастливое пролетарское празднество.

Исторический музей увековечивает имена вождей пролетариата на развешанных там и сям планшетках. Два панно дополняют друг друга: «Крестьянин дает рабочему хлеб, рабочий дает крестьянину плуг». Другая сторона Исторического музея дала место полотну с изображением колеса - шестерни, знаменующего поступательное движение пролетариата.

На бывшем Губернском присутствии, где теперь помещается один из органов Народного Суда, полотно изображает мощную руку с весами, на которых перевешивает чашка добра.

Красная площадь...

Могилы борцов пролетариата убраны. Их отделяет колючая изгородь.

Траурное панно. Но солнце с кремлевской стены светит ярко. В его ореоле — на середине мемориальная доска с изображением гордой жены—символа Революции.

Над Кремлевским дворцом развевается штандарт Революции. На фронтоне полотно, гласящее о международной пролетарской солидарности.

Изящное здание Военного Комиссариата разукрашено красными панно, портретами, военными гербами Республики.

Мусульманский Комиссариат глядит в Москву-реку своими увитыми зеленью и лентами колоннами.

Кремлевские башни зажали в своих амбразурах по пучку флагов, плакатов...

На Моховой там и сям по углам мелькают плакаты: рабочий кует в своей кузнице, пролетариат ломает свои цепи.

Крестьянская секция Ц. И. К. повесила свое панно: из-за пашни ластится солнышко, поселянка жнет, но радостен ее труд.

В Ваганьковском переулке, где находится Отдел Иностранных Дел, приютилась изящная арка. Переулок возведен в перл создания.

Труба... Три памятника. По средине красивая беседка, легкая, воздушная, словно сказочный теремок.

Покровские казармы. Где этот тюремный лик николаевского застенка. Плакаты, флаги убрали дом солдатских страданий.

Социалистическая Академия. Скромно празднует великие дни флагами и плакатами, возвещающими о рождении пролетарской науки.

В. Ч. К., как добросовестный Цербер, грозит со стены возмездием за семь смертных грехов контр-революции.

На Красной площади.

Около десяти часов утра. Красная площадь осаждается публикой. Кордон конной милиции не успевает справляться с динамикой толпы.

Волнение... Публика теснее смыкает ряды. От только что открытого памятника Маркса и Энгельса идет процессия комитета Р. К. П. Городского района во главе с В. И. Лениным, Свердловым, Аванесовым и др. Затем шествует in corpore Ц. И. К. и делегаты VI съезда Советов. Подходят к могилам, размещаются за колючей оградой. У помоста перед мраморной доской приютился оркестр и хор Пролеткульта. Суетятся фотографы. Экспозиция.

Выступает тов. Смидович, который от имени Московского Совета поручает В. И. Ленину открыть мемориальную доску. Красная завеса спадает. Предстает гордый символ Революции—женщина с победным знаменем.

После открытия, В. И. Ленин поднимается на трибуну и произносит краткую речь, в которой он призывает к новым усилиям, к новой борьбе за дело пролетариата. «Победа или смерть»—заканчивает вождь пролетариата. Клики. Рукоплескания. Мощные призывные звуки Интернационала. Пролетарская панихида—«Вы жертвою пали».—Торжественный хорал скорби.

Наступает время прохода процессий. Вот снова они могучие пролетарские силы. Профессиональные организации со своими эмблемами—изображениями трамвая, паровоза, ткачихи, головы коровы с различными яствами и т. д. Особенно щегольнули своими эмблемами железнодорожники. Попадались и старые знамена с устаревшими лозунгами.

Однако, бросается в глаза множество пышных новых знамен с лозунгами новыми, углубленными: «Мы храм земли построим новый, владыкой мира будет труд». Мелькали и траурные плакаты.

Какой-то народный уличный концерт. Поют, реют звуки Интернационала... Проехали клоуны на двух грузовиках с шарами и надписью: «Искусство интернационально».

Рабочие резервные полки. Стройные полки. Кожаные куртки придают какую-то монументальность.

Красноармейские части бодры, особенно привлекают к себе внимание инструкторские школы.

Детвора. Они тоже празднуют великий день освобождения. Учащиеся несут красные знамена, вещающие о союзе науки и труда. Их учителя однако, проходят слишком сутуло, вяло и равнодушно,—отживающие люди.

Глаза разбегаются. Пестрый калейдоскоп слишком богат и пышен в своих перипетиях. Личность растворяется в этом бурном море.

Шествия становятся богаче. Из новинок можно отметить тройку профессионального союза транспортных рабочих, автомобиль с мотором «Гном» рабочих этого завода, Фемиду—работников народного суда.

Дети разъезжают в карнавально-разубранных автомобилях. К детям идут цветы.

Около пяти часов Свердлов и Муралов обходят фронт резервных полков.

Интересно отметить присутствие представителей комитетов бедноты со своими флагами.

Гремят последние оркестры. Вечер. Лучи прожекторов. Красная площадь затихает.

Памятники пролетариата.

Пролетариат, свято чтущий борцов за свои интересы, к годовщине завоевания власти и строительства новой жизни поставил ряд памятников светочам человеческой совести, науки и искусства.

Открытие памятников было обставлено с особой торжественностью. Представители пролетариата говорили приветственные речи и посвящали несколько слов памяти великих деятелей. На открытиях присутствовали также и учащиеся. Открытие каждого памятника сближало всех присутствовавших в одну тесную семью.

Уже в начале ноября были открыты памятники Кольцову и Никитину, зачинателям пролетарских мотивов в поэзии.

Поэт-прасол изображен, повидимому, в позе своих тихих песенно-поэтических дум, быть-может скульптор схватил его в тот момент, когда он думал о низменности и никчемности своего мира, когда он, преисполненный грусти, рвался в кружок своих московских друзей взлелеявших его юную музу. Памятник хорошо передает скромность поэта, его роковую пригвожденность к его «бедному и тесному миру».

Правда, временный характер памятника слишком бросается в глаза. Не достает монументальности. Поэт кажется слишком хрупким.

Однако, здесь же хочется отметить, что посещающая публика памятниками сильно заинтересовывается, очень подробно их рассматривает, вдумчиво читая надписи-цитаты из произведений.

Памятник Никитину, поставленный тут же в сквере у Китайской стены на заднем плане Театральной площади гораздо солиднее и импозантнее. Певец сельской и городской голытьбы, замученный потемками провинциальной жизни, засосанный ее тиною, задумался над своей тяжелой долею. Он словно чувствует весь трагизм серой русской обыденщины. Окаменевшая душа поэта, в предсмертном стихотворении не пожелавшая «ни песен, ни слез» над своей преждевременной могилой, передана с достаточной силой. Надписи-цитаты говорят о том, что в душе поэта были живы позывы к борьбе. Трагедия «одного в поле не воина».

7-го ноября, в день годовщины пролетарской Революции, с утра началось открытие целого ряда памятников.

Утром был открыт обелиск в честь Советской власти. Строгие линии обелиска оттеняют какую-то прямолинейность и законченность. Раздавались упреки в том, что не следует воскрешать символов египетского самодержавия. Однако детали памятника придают ему совсем другой вариант памятника-обелиска. Он трехгранный. Внизу по граням золотым шрифтом написаны параграфы Советской конституции. Грани верхней части обелиска также содержат надписи. Фасад имеет балкончик, придающий памятнику что-то интимное, милое. По сторонам памятника довершают общую строгую стильность 4 увешанные гирляндами легкие колонны, увенчанные большими прямоугольниками с львиными головами en face.

Городской район во главе с комитетом Р. К. П. начинает с утра же открытие памятников на Трубной площади.

На Цветном бульваре, позади фонтана возвышается мощный монумент Достоевского. Издали и в профиль он напоминает Толстого. И только голова долу, трепетно разорванное плечо одежды, и сгущенность мысли в выраже-

нии лица выдают фигуру Ф. М. Достоевского.

Памятник «жестокому таланту» оставляет глубокое впечатление. Глубоко в недра души заглянул старому миру великий писатель, новый же мир, светлый храм труда созидающий, не забудет его трагических исканий.

Если монумент Достоевского воплощает мысль, трепетно ищущую, в чертах изможденного лица рисует самую душу великих исканий и ответов на «проклятые вопросы», то рядом стоит памятник «Человеческой мысли», претворяющей свои идеи в дело-труд, о чем свидетельствуют мощно развитые мышцы рук. Если, однако, трагической мысли следует взирать долу, сгибаться под тяжестью великих сомнений, то мысли, организующей и действенной, подобает созерцать высь, гореть пламенным огнем Великого Творчества. Памятник мысли не создает контраста, он со своей психологической стороны повторяет монумент Достоевского.

Однако, мощь чувствуется сильно, и веришь в изречение: «В начале было дело...»

Поднявшись немного по Рождественскому бульвару, вы увидите обращенный лицом к Трубе памятник Т. Г. Шевченко.

Композиция прекрасна. Мученическая душа поэта сквозит в каждой складке. Бандура скорбно лежит на коленях. Скорбные звуки полились в душу. Надписи говорят о том, что этих печальных звуков не растопчат псы безвременья и лихие люди царизма: что в новом светлом мире не забудут помянуть и мятежную душу Тараса.

Венки у подножья памятника придают ему еще большее изящество. Общее впечатление: одолели Тараса думы, зачем они стоят «на паперь сумными рядами!..» Тихую грусть навевает памятник, особенно в сумерки.

Памятники Марксу и Энгельсу открывал В. И. Ленин на площади Революции. Памятник представляет собою два бюста великих деятелей рабочего движения.

— Многое сбылось из того, что говорил и чему учил Маркс—тепло сказал В. И. Ленин.

На противоположной стороне площади возвышается памятник Каляеву, там, где он выжидал проезда Сергея Александровича.

Все молодое, одухотворенное высшими стремлениями, дышит лицо великого революционера. На открытии много говорилось о его значительной жизни.

Повернувшись от памятника Каляеву, вы видите обелиск Славы, на котором начертаны имена всех мыслителей, создавших мировоззрение пролетариата.

У грота в Александровском сквере стоит прекрасно отделанный памятник Робеспьеру. В нем много воли, энергии. Вспоминается Робеспьер в «Смерти Дантона» у Корша. Робеспьер-памятник выше, моложе и изящнее тем изяществом, которое было присуще великому якобинцу.

На Красной площади следует отметить мемориальную доску - барельеф, изображающий женщину—символ Революции и попираемые ею знамена старого мира. Штык и шашка воткнуты в землю. Солнце нового мира озаряет всю стройную и мощную фигуру.

В начале Тверской стоит бюст Маркса. Мыслитель зорко и пытливо всматривается в даль. У его подножия во время празднества проходили те, чьи умы заворожены и охвачены его идеями пролетарского строительства жизни.

Н. Барабанов.

Художественные итоги октябрьского празднества.

(Октябрь 1917 г.—Октябрь 1918 г.).

«Искусство—на улицу».

К празднику готовились долго. Тщательно. Напряженно.

И это понятно: октябрьский праздник, как юбилей пролетарской революции, был знаменательным событием, происшедшим на виду у всего мира.

Ликующий праздник после годового напряжения; перед лицом новых сложных задач; в минуту ожидания, надежды, а вместе с тем и острой опасности.

Праздник яркий, красочный, солнечный, а потому представивший богатую почву и соответствующие подходящие условия для выявления коллективных художественных творческих сил.

Как и все искусство, развившееся в условиях капиталистического строя, силы эти, молодые и рвущиеся, ищущие и многое обретающие, были прежде замкнуты. Изолированные, они не могли, путем непосредственного общения, поддерживать свою органическую связь с народом, **его** исканиями, **его** стремлениями.

Лишь тогда, когда новые социальные условия открыли молодому искусству новые творческие пути **искусства для всех,** тогда ответом послужил зовущий и радостный лозунг прежде стесненных, ныне свободных, художников:

«Искусство—на улицу»!

И оно вышло. Сначала, 1 мая, еще неуверенно, неорганизованно, разрозненно, пробной вылазкой. В октябре—подготовленно, смело, местами победно. Составив, своими исканиями, своей связью с пролетариатом и его борьбой, своим энтузиазмом, одно целое с самим народом,—искусство и художники организованно и дружно ответили на зов пролетариата, изголодавшегося по художественным радостям и оторванного от живительного и бодрящего искусства.

Какие же задачи стали перед художником, украшавшим город в минувшие праздники?

Во-первых, он должен был образно воплотить те желания и стремления, которые пролетариат нес на своих знаменах, возвещал в своих речах, воспевал в песнях.

Вторая задача—создать просто радующие, красивые и красочные художественные условия для народного торжества.

Первая цель более сложна и художественно неблагодарна. Художник—будь он декоратор, скульптор или живописец—стеснен в своем творчестве, когда последнее рассматривают лишь, как имеющее прикладной характер.

Ему трудно быть только иллюстратором.

Но если народные стремления и желания в то же время и его желания, то он не творит бескровные, лишь разъясняющие образы, а воплощает в них линией и краской плоть и дух народа. И из-под кисти такого художника выходит тогда истинно художественное произведение, близкое и понятное пролетариату.

Напомним октябрьские знамена, красовавшиеся на зданиях площади Революции, Театральной, Советской, и если читатель ясно представляет себе эти огромные, зовущие и волнующие полотнища, то он поймет, о каких стремлениях народных и о каких художественных формах, им отвечающих, идет речь.

Другая художественная проблема октябрьского празднества,—проблема беззаботных красочных увлечений, долженствовавших внести солнце, краску и ликование в осеннее утомление и напряжение,—разрешается более легко.

Нельзя не приветствовать, в ожидании повторных, еще более смелых, попыток, такие жизнерадостные и веселые красочные забавы, как охотнорядские живописные росписи, превратившие скучные торговые будки в смеющиеся народные лубки. В своем издевающемся дерзновении эти художественные шутки перекинулись даже местами на серые заборы, на надоевшие торговые вывески.

Будем надеяться, что та художественная работа, которую в среде художников теперь принято называть «футуризацией» домов, примет более организованные и широкие размеры и придаст не только бесчисленным пустым заборам, антихудожественным вывескам, но и грандиозным, но скучным плоскостям фасадов домов яркий и художественный, радостный и революционный вид.

Несомненно, что эта веселая красочность, умно употребленная и распределенная, близка пролетариату. Своими широкими заданиями, своим, если можно так выразиться, «художественным масштабом», эта работа рассчитана на **многих** творцов-художников из зрителей, доставляя **всем** художественную

радость и оставляя неизмеримо далеко за собой искусство для **немногих избранных.**

Таким образом, художественные проблемы и, отчасти, художественные достижения были новыми. Посмотрим на **средства** и приемы.

И они оказались новыми. Вернее: они появились впервые па улице. Это новое творчество, бывшее раньше доступным лишь кучке, ныне оказалось достоянием широких масс.

В исканиях новых художественных средств, могущих ответить на призыв: «искусство — на улицу», октябрьский праздник выдвинул на первое место плакат, спорящий по своим размерам с городской архитектурой. В этом направлении было многое достигнуто: плакат громко, внятно и звучно говорил о пролетарском лозунге и радовал краской.

Бросался в глаза еще один художественный прием: учет с декоративной целью крупных городских пространств; другими словами — целесообразное и продуктивное использование чисто городских условий для художественной работы.

Вспомним театральные скверы, каким-то дерзновенным насилием над природой превратившиеся в фантастические сады Черномора (ничто не осталось неиспользованным: трава пересечена красочными узорами; деревья оделись в лиловые колпаки из кисеи; песочные дорожки расписаны; кусты залиты краской; в земле — бумажные цветы и т. д.). Напомним также деревенские заборчики и неожиданные для города палисаднички Охотного ряда.

Художественные явления октябрьских празднеств можно поделить на две группы: по одну сторону окажутся художественные начинания чисто временного, преходящего характера, их будет больше; по другую—попытки монументального закрепления пролетарских идеалов и лозунгов, подведения художественных итогов за юбилейный год; такого рода попытки пока не так многочисленны, как это желательно и нужно, но уже красноречиво указывают на широкие творческие перспективы, открывающиеся для монументальной работы Красной Москвы.

Автор этих строк является непосредственным очевидцем размера и приемов скульптурной работы, имевшей целью заменить свергнутые антихудожественные памятники новыми, эстетически ценными и притом отвечающими на духовные запросы пролетариата. Впечатления, вынесенные от этих наблюдений, таковы: напряженная, дружная работа по мастерским и в общих группах; лихорадочное ускорение работы по мере приближения праздника; оживленные организационные собрания, и как продукт всей работы—много незрелого, молодого, ищущего и неуверенного, но там, где художник сливается в своем творческом подъеме с пролетарскими идеалами и стремится воплотить их в могучих монументах, много интересного и художественно положительного.

Поэтому остается только жалеть, что плоды интенсивной творческой деятельности скульпторов за истекшие 3—4 месяца сказались на торжестве лишь частично, не произведя должного впечатления. Очевидно, в ближайшее время пролетариат Москвы увидит на своих улицах еще некоторые художественно ценные скульптурные произведения, уже завершенные (между ними: Стенька Разин с его сподвижниками—Коненкова; Сковорода — Крандиевской; Марат—Ихманицкого; Дантон и друг.).

Таковы художественные итоги и вытекающие из них новые пожелания.

Пусть октябрьский праздник явился лишь художественным опытом. «Прекрасное—трудно». Черпая новые цели и средства, учась из практики, художники, скульпторы, декораторы будут стремиться дальше в своих творческих исканиях, тем самым сближаясь с революционным пролетариатом, и дружно вынесут **искусство на улицу.**

Константин Крайний.

Возвращение пленных.

Массовое движение русских военно-пленных из Австрии и Германии началось около 10 ноября 1918 года. Первоначальная беспорядочность движения объясняется, главным образом, двумя причинами. С одной стороны—у пленных явилась возможность уйти из тяжелого плена благодаря тому, что как раз к этому времени наши недавние победители в свою очередь были побеждены возросшим негодованием собственных солдат, рабочих и крестьян. Новое лже-социалистическое правительство ничего не предпринимало и не предпринимает для облегчения регулярного возврата наших военно-пленных. Наоборот, вследствие демобилизации своих армий и связанной с этим безработицы они спешат освободиться от экономической угрозы лишних ртов и буквально гонят из своих стран чужих пленных. Их отпускают оборванными, без всякого запаса продовольствия на дорогу, не заботясь о средствах передвижения через нейтральную зону, обрекая на все ужасы длинного и тяжелого пути.

Некоторые факты такого отношения весьма красноречивы. Таковы, например, мытарства Русской Двинской Комиссии по вопросам обмена пленными и беженцами, выехавшей из Москвы 25 ноября. Помимо такого невозможного со стороны германской комиссии способа ведения переговоров, как двукратное назначение часа, к которому все переговоры должны быть окончены; как полный отказ принимать австро-венгерских пленных и беженцев и даже учреждать комиссию попечения,—к русской делегации по возвращении был приставлен караул, и, вопреки обещанию, вагон не был пропушен за демаркационную линию, причем русским делегатам было предложено оставить вагон под угрозой вооруженной силы («Изв. Ц. Колл. о пл. и беж.» № 20).

Другая причина беспорядочного движения пленных та, что наши организации помощи военно-пленным, объединяемые Центропленбежем, были застигнуты врасплох их внезапно возросшим движением и не могли сразу организовать транспорта медико - санитарных распределительных пунктов на десятки тысяч человек.

И, если даже теперь в самой Москве временами происходит задержка в выдаче обмундирования, то это вызывается лишь исключительной трудностью подвоза к 30 пунктам размещения пленных. В одной Москве для доставки продовольствия и обмундирования надо иметь ежедневно более трехсот подвод.

Движение пленных через распределители за время с 10 ноября до 14-го декабря выражается в следующих цифрах:

	Прибыло:	Убыло:
Брянский	126.141	399
Курский	84.848	700
Смоленский	436.484	16.607
Петроградский	31.128	613

Общее количество проследовавших за это время пленных составляет 686.541 человек.

Цифры ежедневного прибытия и отбытия военно-пленных через распределители все время колеблются от нескольких сотен до полутора десятков тысяч; движение идет без особых задержек.

Через Москву в начале движения проходило:

	Прибыло:	Убыло:
16-го ноября	3.642	3.630
17-го »	1.039	1.346
18-го »	3.100	7.003

Через два месяца цифры ничуть не уменьшаются. В средине января через Москву проходит то же количество:

	Прибыло:	Убыло:
8-го января	839	1.768
9-го »	2.210	2.878
10-го »	1.398	2.556

Лишь после 10-го января 1919 года стало замечаться уменьшение притока пленных. 15-го января получена телеграмма из Молодечно о том, что ежедневно проходит только по несколько сот человек.

Следовательно, за два месяца возвратилось до полутора миллиона пленных.

Организация движения.

Транспорт пленных идет по определенному плану, который редко нарушается пленными.

Сначала, пока ближайшие распределители не были, как следует, организованы, все пленные проходили через Москву, которая предписывала дальнейший маршрут. Нам случилось 10-го ноября проезжать через Брянск вместе с военнопленными. С удивительной покорностью направлялись орловские крестьяне в Москву за бумажками, хотя у некоторых здесь же под Брянском были хозяйства и родные, которых они не видели по 4 года.

Такая дисциплинированность объясняется отчасти спасительной силой этих бумажек, облегчающей официальный прием военнопленных.

Центропленбежу удалось, однако, добиться от западных распределителей самостоятельности, и пленных стали направлять по прямым линиям.

Вообще, Центропленбеж, встревоженный первоначальными нервными заметками газет, во время спохватился и заработал во-всю.

Были поставлены на ноги все отделения и комиссии в Минске, Варшаве, Молодечно, Вильне, Риге, Барановичах, Бродах, Новоселах, Калинковичах, Гомеле, Бахмаче, Вологде, Берлине, Копенгагене, Гааге и т. д.

Насколько широко была развита деятельность Центропленбежа указывают цифры:

За вторую половину 1918 года Центропленбежем израсходовано 573.622 тысячи.

Из них (перечисляем главное):

Содержание личного состава центральных учреждений в Москве и за границей	3.918 тыс.
Содержание и ремонт помещения для них	5.680 »
Содержание личного состава местных органов о пленных и беженцах....	21.000 »
Их хозяйственно-операционные расходы (продов., обмундиров пленных)....	435.000 »
Пособия пленным и беженцам	68.000 »
Транспорт	23.444 »
Организация медицинской помощи	15.370 »
Культурно-просветительная помощь..............	2.600 »

(Из сметы Н. Ком. по Воен. Дел. на Ц. Колл. о пленных и беженцах).

Культурно-просветительная работа.

Культурно-просветительная работа.

Вполне правильно учитывая отсталость от революции людей, долгие годы томившихся в плену, Центропленбеж большое внимание обратил на культурно-просветительную деятельность среди бывших пленных.

Уже в средине января Центральный Культурно-Просветительный отдел отправил в провинцию свыше 1 миллиона экземпляров газет и брошюр.

500 тысяч экземпляров распространены отделом среди пленных в Москве; и продолжается ежедневная раздача по 45 тысяч экземпляров.

Издано две брошюры — Ульянова «Что случилось в России» (2-е издание) и Дивильковского «Памятка военно-пленного», в которой популярно толкуется Конституция Республики.

Отдел снабдил Ленинский поезд, направляемый в Поволжье, своей литературой, кинематографами и артистами для подкрепления агитационно-просветительной деятельности на восточных пунктах скопления пленных. Составлены каталоги и тщательно подобраны книги для 20 библиотек на темы: 1) общественные, 2) естествознание и сельское хозяйство, 3) прикладные науки, 4) беллетристика.

Между прочим, очень разочаровала Отдел присылка Комиссариатом Просвещения для пленных таких книг, как биография Фета, воспоминания о каком-то князе, стихи Надсона, пресловутые комиссариатские классики и некоторые вовсе отсталые политические брошюры. Большая же часть книг доставлена издательством В. Ц. И. К.

Отдел издает свои «Известия о пленных и беженцах» (до 15 января вышло 20 номеров). Газета поставлена хорошо: она содержит как официальный материал, так и обзор работ в провинции, хорошие руководящие статьи и картины жизни в плену. Предполагает-

ся эту газету соединить с газетой Московской коллегии, а также издавать журнал.

В отделе работает 24 разъездных инструктора-агитатора. Дает своих коммунистов Казачий Отдел. Имеется представитель от мусульманской организации коммунистов; так что удается удовлетворять даже запросы на инструкторов с мест.

В последнее время Отдел вычерчивает карты и диаграммы.

Энергичная работа ведется и в Московском Культурно-Просветительном Отделе. Здесь наибольшее внимание обращается на устройство митингов и развлечений. Митинги устраиваются на распределительных пунктах всякий раз, как бывает достаточно слушателей. Присутствует обычно от 200 до 800 человек. На митинге во 2-м патронате на Новослободской улице, где выступал товарищ Зосимов, присутствовало 2.500 человек. За декабрь состоялось 65 митингов, 48 спектаклей-концертов и 10 кинематографических сеансов.

Репертуар спектаклей весьма пестр и бессодержателен, но уже готовятся к постановке большие пьесы.

В Отделе 37 человек заняты исключительно просветительной деятельностью: ведут беседы, раздают литературу и проч.

Провинция тоже ведет интенсивную работу по эвакуации пленных. Через Вязьму, например, ежедневно проходит от 5 до 7 тысяч человек. Все получают горячую пищу на продовольственном пункте. Организованы две столовые, несколько теплых бараков с нарами и два госпиталя. Вятская губернская коллегия ведет интенсивную культурно-просветительную работу, распространяя литературу по губернии. Кипучую работу проявляют Отделы в Ярославле, Орле, Брянске, Саратове, Воронеже, Пятигорске и других городах.

Трудовая помощь.

Отдел Трудовой Помощи имеет в виду жителей оккупированных местностей, а также пролетариев, остающихся в Москве. Отдел организовал трудовое общежитие, преследующее две цели,— во-первых, дать приют военно-пленным, во-вторых, собрать их в партии для отправки на работы. В общежитии можно жить до двух недель. Этим правом военнопленные не злоупотребляют и обыкновенно на другой или на третий день становятся на работу. На летучих митингах представители Отдела разъясняют, где и какую можно получить работу, освещают основные пункты условий о продовольствии и помещении, Биржа Труда оказывает полное содействие и назначает военнопленных на работы вне очереди.

Различные учреждения сами стали обращаться с просьбами за военнопленными, и эти запросы превышают предложения, так что Отделу удается устраивать на места в большинстве случаев помимо Биржи.

За полтора месяца через Отдел прошло до 3.000 пленных. Из них на Биржу отправлены только квалифицированные рабочие (20—25%). Остальные все устроены самим отделом. Удовлетворены запросы: Чрезвычайной Комиссии по разгрузке Московского

ж.-д. узла	700 чел.
Городских ж. д.	100 »
Центропленбеж. рем. зав...	200 »
Имеются заказы:	
Комиссии по гражданским делам (милиция, охрана) ..	2.000 »
Центротекстиль (для охраны)	700 »
Главсахар (для охраны)..	200 »
Цемент (шорники)	50 »
Караульный батальон	600 »

и др.

В общем удовлетворена меньшая половина заказов. Поступление заказов продолжается.

Настроение бывших военно-пленных.

Об определенном настроении пленных трудно говорить. Несомненно, что они, исстрадавшись в плену, окруженные всеми ужасами концентрационных и штрафных лагерей, в роде знаменитой «Долины Слез» в гор. Опцине, питаясь провокационным «Русским Вестником», будучи оторваны долго от семьи и еще не сжившись с лозунгами и всем ходом русской революции, представляют пассивную массу. Однако, ясно

видно, как после первого же коммунистического митинга настроение сразу определяется: военнопленные начинают прозревать, понимают, в чем причина продовольственных затруднений, очень ценят заботу о них и выносят резолюции с полным сочувствием советской власти. Но не дремлют темные силы, и в Казани, например, где пленных скопилось до 40,000 человек, контрреволюционеры проявляют усиленную деятельность. Рабочие скорей находят, где правда, тогда как у бывших собственников и «благородных» глаза застилают их старые привычки и наклонности. Среди пленных быстро происходит классовое размежевание.

Больше всего военнопленные заняты вопросами хозяйственными, вопросами своего материального обеспечения. Сказывается вполне понятная усталость и желание отдохнуть по-обывательски.

Сибиряки и другие пленные из оккупированных местностей пытаются пробраться в родные места частным порядком. Ездят в Пензу, но ничего там не добившись, возвращаются в Москву и едут в Саратов и т. д. Поэтому теперь сравнительно много пленных скопилось в восточных городах вдоль линии фронта.

В последнее время приток военнопленных идет на убыль, и можно сказать, что Центропленбеж вполне справился со своей задачей.

Возвращение пленных, несмотря на первоначальную беспорядочность движения и временную хаотичность дела снабжения и распределения, удалось во время урегулировать, и оно прошло без особых экономических и политических затруднений.

В. Брагинский.

Красная книга и газета и их распространение.

(Итоги Первого Всероссийского Съезда ответственных работников Центрального Агентства В. Ц. И. К. по снабжению и распространению произведений печати.)

Ответственное дело распространения красной литературы, которое до сих пор протекало в ненормальных условиях разрухи книжного рынка, разноголосицы в революционном издательстве и расстройства железнодорожного транспорта, заставило организаторов и идеологов этого дела срочно созвать «Первый Всероссийский Съезд Центропечати [1]). Съезд этот, конечно, не мог не оказаться несостоятельным перед сложными задачами урегулирования всей разрухи в деле создания и распространения красной печати, а потому явился лишь организационным этапом по пути к административной общегосударственной централизации всей **печати, пропаганды и агитации;** вместе с тем, деловое и разностороннее разрешить более подробно первые шаги создающейся «Центропечати» [2]).

С удовлетворением приходится отметить правильный и продуманный подход этого съезда к ставшим перед ним шение некоторых назревших организационных вопросов заставляет пас освешироким задачам. Деловитость, многогранность, внимание к общим, направляющим идеям дела и ко всем организационным мелочам, оживленная дружным участием интенсивная работа,—вот те положительные рамки занятий съезда, которые определяют его характер.

Какие же сложные проблемы стали перед Первым Съездом Центропечати?

То были: необходимость регулярно и организованно насыщать уже созданный распространительный аппарат всей, выходящей в центре, из-под типографского станка, литературой, и создание в обще-государственном масштабе организационных и административных

[1]) Работников Центральн. Агентства по снабжению и распространению произведений печати. С'езд Центропечати работал в Москве с 1 по 4 декабря 1918 г.

[2]) Последняя создается из двух, в настоящее время уже налаженных, но всегда удивлявших параллелизмом своей работы экспедиционных органов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов: 1) Отдела распространения произведений печати и 2) Контрагентства В. Ц. И. К.

рамок для всей издательской и экспедиционной работы, как важного фактора и революционной борьбы, и государственного строительства.

Главным ненормальным явлением, с которым на первых же своих организационных шагах Съезду пришлось столкнуться вплотную, был порожденный общими экономическими условиями «книжный голод».

Как явствует из диаграммы (см. диагр. № 1) и из приводимых ниже [1]) цифр, вся проявленная Отделом распространения произведений печати широкая инициатива неминуемо должна была разбиваться об этот «книжный голод», не позволявший поставщикам - книгоиздательствам удовлетворять настоятельные требования распространительных органов. Дополнительные, усложняющие все дело, условия следует искать в уже отмеченной выше разноголосице в издательстве красной печати, что приводит к губительному параллелизму, нецелесообразному в количественном отношении изданию революционных книг, а также к невозможности равномерного распределения их, соответственно тем или иным просветительным или агитационным запросам изолированной провинции. Поэтому выдвинутый Съездом лозунг организованной **централизации** издательского дела, как одной из основ намечающегося нового Народного Комиссариата печати, пропаганды и агитации (о нем ниже), следует признать назревшим и целесообразно ведущим все дело к конечной цели истинно - коммунистического распределения продуктов красной печати в среде трудящихся, регулярного и планомерного **снабжения литературой** провинции, деревни и фронта. Пока же с особым вниманием следует отметить один выдвинутый постановлениями С'езда лозунг, который вызывает коренное изменение взгляда на книгу, как таковую, предопределяет новые взаимоотношения между читателем и книгой, книгой и торговлей и устанавливает истинно **коммунистическую** точку зрения при разрешении сложных проблем производства и потребления книги: мы говорим об отрицании изолированной собственности на книгу, которая, делая свое полезное дело, должна рассчитывать **на многих** потребителей, переходить из рук в руки, находясь в народной, военной или фабричной читальне. Отсюда новые задачи **истинной** национализации книжной торговли с коммунистическим учетом и распределением (отражение результатов неравномерного областного распределения см. на диагр. 2).

Будучи обусловлено той же общеэкономической обстановкой, решение Съезда Центропечати прекратить **бесплатную** раздачу литературы рисуется

ДВИЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЗАКАЗАМ ОТДЕЛА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗА АВГУСТ СЕНТЯБРЬ ОКТЯБРЬ

диаграмма 1.

---

[1])

Название издательства.	Дано заказов. (в руб.).	Выполнено.	% отношение.
Издат. «В.Ц.И.К.» .	7.603.504	1.643.934	21½
«Коммунист»	7.487.803	810.034	11
«Изд. Нар. К. Пр.».	1.054.201	45.473	4½
«Изд. Мусульм. Комисс.».	24.250	11.993	49
«Юридическое Книгоиздательство». .	298.695	215.841	71½
«Изд. Крест. секц. В. Ц. И. К.». . .	221.725	83.100	37½

Следует отметить, что вышеприведенные цифры еще недостаточно ярко рисуют состояние книжного рынка, т. к. заказы даны уже на основании справок о существующей наличности литературы на складах.

нам тоже в положительном свете, несмотря на кажущееся отступление здесь от выдвинутого идеала. Учитывая состояние книжного рынка (напомним лозунг: «Покупайте книги,—будут деньги, чтобы печатать новые...») и определенные психологические данные широкого читателя-потребителя, мы при-

СНАБЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРОЙ ГУБЕРНСКИХ АГЕНТСТВ ОТДЕЛА РАСПРОСТРАНЕНИЯ

С 1 АВГУСТА ПО 5 НОЯБРЯ ВКЛЮЧ ▼ ЦЫФРЫ В РУБЛЯХ ▼

НИЖЕ-ГОРОДС 425000 КУР-СКАЯ 166000 ВЯТ-СКАЯ 163000 САРА-ТОВС 144000 КОСТ-РОМС 133000 ВОЛО-ГОДС 130000

диаграмма 2.

дем к логическому заключению, что книга потеряет при бесплатной раздаче свой потребительский престиж, свою притягивающую заманчивую силу, и пойдет на пресловутые «цыгарки».

Второе отрицательное явление, не менее настойчиво тормозящее дело экспедиции и распространения печати—разруха железнодорожного транспорта—тоже, конечно, не могло быть ни смягчено, ни затушевано Съездом. Вообще Первый Съезд Центропечати оказался безоружным там, где ему приходилось переступать грань внутренней организационной деятельности создавшегося агентства и всей прочей государственной работы в издательской и агитационной областях. Не имея соответствующих государственно-административных полномочий, Съезду приходилось ограничиваться пожеланиями там, где требовалось вырабатывать планы коренного переустройства всего дела. Поэтому вопрос об урегулировании экспедиции и транспорта, при настоящем состоянии порождающих ненормальное распределение литературы между отдельными областями (см. диагр. 2), привел лишь к энергичным требованиям расширения административных и юридических функций агентуры, централизации дела экспедиции и организованной поддержки таких государственных органов, как ведомств: путей сообщения, почт и телеграфов, внутренних дел, а также чрезвычайных комиссий, военных организаций и, кроме того, местных партийных коммунистических ячеек.

Теперь, когда Советская Россия неуклонно стремится прорвать опутавшую ее со всех сторон замкнутую цепь мирового империализма и создает в стране могучий военный лагерь,—теперь красное слово, как **военное** оружие, должно быть взято на централизованный учет, должно быть распространяемо подобно **военному транспорту, с военной** строгостью и точностью.

Нельзя не осветить с чувством удовлетворения всего уже положительно созданного в области распространения красного слова, в каковом отношении особенно показательной является деятельность отдела распространения произведений печати. Последним уже созданы 29 губернских и 165 уездных агентур, являющихся экспедиционными посредниками между провинциальным населением и его организациями с одной стороны, и снабжающим центром—с другой. Агентурный аппарат стал уже вполне налаженной организацией, отправляющей определенные экспедиционные, а порою и партийно-агитационные и культурно-просветительные функции.

Красноречиво доказывают налаженность дела следующие цифровые данные:

За три месяца своей деятельности агентура Отдела распространения произведений печати распространила на 2.826.659 рублей литературы, из них на 73.973 р. журналов. Газет расходилось по 65.551 экземпляров в день. Из диаграммы 3 явствует, что большая часть посланной на места бесплатной литературы (плакатов, воззваний, листовок) прошла именно через руки агентуры

Диаграмма 3.

(4.189.500 экземпляров, разосланных Отделом распространения, против 181.000 экз., прошедших сквозь частные руки).

Рост движения печатных продуктов из центра на места определяется следующими статистическими данными:

Август	на 531.499 руб.
Сентябрь	» 458.454 »
Октябрь	» 871.856 »

Если, быть-может, все это еще не соответствует огромной потребности в печатных произведениях провинции, то мы можем надеяться, что, после слияния прежде работавших параллельно контрагентства В. Ц. И. К. и отдела распространения, поток красной литературы будет направлен на места более равномерно, докатится до всех, даже наиболее затерявшихся уголков, где он вытеснит предательское «белое слово», втихомолку, из-за спины сеющее провокацию, туманящее бессильное обывательское сознание.

Подводя общие итоги всем пожеланиям Первого Всероссийского Съезда «Центропечати», предопределяющим всю дальнейшую работу в области печати, пропаганды и агитации, мы наметим пока лишь самые необходимые реорганизационные планы.

Прежде всего, как уже неоднократно выше отмечалось, настоятельно требовалось создание строго централизованного революционного издательства; затем была признана необходимость создания автономных органов для распространения печатных продуктов в среде пролетариата [1]; с той же целью создания истинных красной книги и красной газеты, намечено было объединение всех активных созидательных литературных сил, как органически с пролетариатом связанных, так и примкнувших к коммунистическому миропониманию, т.-е. мобилизация журнальных сил; отсюда вырисовались новые широкие возможности для создавшихся Союзов Советских Журналистов, как ценных факторов будущего Народного Комиссариата Печати, Пропаганды и Агитации; такое же объединение было спроектировано и для всех информирующих политических органов, в роде грандиозного и налаженного аппарата Российского Телеграфного Агентства; это, несомненно, должно убить тот же параллелизм в ответственном деле осведомления, а потому обеспечить правиль-

---

[1]) Дело издательства, распростра нения и экспедиции печатных продуктов желает быть монополизировано следующими Народными Комиссариатами, имеющими к нему лишь косвенное отношение: Народным Комиссариатом Внутренних Дел, Комиссариатом Народного Просвещения, Почт и Телеграфов, Военно-Революционным Советом Республики и др. Конечно, лишь распыление и нецелесообразный параллелизм будут следствиями отправления агитационно-распространительных функций многими государственными органами.

ную его постановку; в силу усложнившихся условий производства Съезд высказался за отчуждение от государственных органов, регулирующих экономическую жизнь Советской России, соответствующих факторов издательской деятельности, а именно—типографий, бумаги, вообще всех печатных средств; с другой стороны, рациональное и неуклонное проведение в жизнь национализации книжной торговли и книгоиздательств; коммунистически целесообразное потребление книги и равномерное распределение ее, вообще проведение в полном объеме продовольственной политики Советской России в деле «общественного питания» населения продуктами красной печати; наконец, была признана необходимой централизованная мобилизация всех агитационных сил и средств и объединение вокруг намечающегося нового Народного Комиссариата Печати, Пропаганды и Агитации ряда органов устной и письменной пропаганды и агитации, теперь сосредоточенных в Нар. Ком. Внутр. Дел, Земледелия и т. д. (агитаторские курсы и пр.).

Все это, конечно, не исчерпывает целей и средств нового «Наркома», но планомерное и централизованное проведение в жизнь наиболее назревших задач обусловит обще-государственную ценность и жизненную необходимость истинной «Центропечати».

Пока же, оживленный темп работ Первого Съезда Центропечати, его деловитость, намеченные им к неуклонному осуществлению новые широкие начинания, заставляют верить в энергию работников ответственного дела распространения красного печатного слова, которые, действительно, «приложат все силы к тому, чтобы в самый кратчайший срок растянуть во все концы нашей социалистической родины густую сеть распространения красной печати и выудить контр-революционную клевету и ложь, до сих пор запутывающие неосведомленные широкие массы». Начинаешь надеяться, что «организуемый аппарат распространения печатного слова будет служить для Советского Правительства быстроходным гонцом, разносящим вести во все глухие углы необъятной России; он приблизит к жаждущим источник знания, он передаст их чаяния за «рубикон первого Советского Государства» [1]).

Я. Уманцев.

[1]) Из приветствий В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и Ц. К. Российской Коммунистической Партии, изложенных в телеграмме Первого Всероссийского С'езда ответственных работников «Центропечати».

Литературные поезда.

Усложненные условия железнодорожного транспорта, сложные и многогранные задачи агитационной работы побудили экспедиционно - распространительные органы Издательства В. Ц. И. К. прибегнуть к самостоятельным вспомогательным средствам. Таковые были найдены в недавно организованных подвижных железнодорожных составах с литературой.

Несмотря на краткость существования этих литературных поездов, значение их далеко вышло за пределы экспедиционного их назначения. Их **культурно - просветительная и агитационная** партийная ценность определяется устройством в поездах [1]) читален-библиотек, кинематографа - театра, столовых, кроме того, особенно широко оборудованных [2]) книжных лавок-вагонов, которые, сопровождая обыкновенные пассажирские поезда, тем самым регулярно снабжают литературой [3]) самые затерявшиеся, медвежьи уголки провинции, где красное слово и вытесняет предательскую провокацию, нашедшую себе благодатную почву в **неосведомленности** населения.

Внутреннюю организацию поездов, воплощающих идею передвижного агитационно - просветительного аппарата,

[1]) Военного Отдела Изд. В. Ц. И. К.

[2]) Отделом распространения произв. печати.

[3]) Не говоря уже об открытках, письменных и учебных принадлежностях, по мере возможности тоже являющихся распространительным материалом.

следует признать образцовой. Если использование этого распространительного органа оправдает затраченные на его создание труды, то литературные поезда сделают очень большое культурное и партийное дело.

Нас в данном случае интересует чисто внешняя сторона всего дела, выразившаяся в продуманной утилизации стен вагонов для раскраски их в целях агитации. Действительно: привлечь внимание, призвать, громко прокричать свой лозунг, собрать многих слушателей,—вот вспомогательные методы всякого опытного агитатора и распространителя красной литературы. Голые словесные лозунги не могут выполнить эту задачу, не могут оживить дела. Воплотить образно, **изобразительным,** показательным путем близкие духу зрителя мысли, слова, сцены, атрибуты; создать из поезда радостный, красочный, сначала изумляющий, а потом привлекающий организм,—вот цель, поставленная перед собою организаторами предприятия [1]).

Казалось бы, перед художниками, призванными к этому делу, стоит неблагодарная и неценная эстетическая работа. Но на деле творчество молодых художественных сил, мобилизованных студийцами Московского Пролеткульта, — сил, настойчиво ищущих форм для своего пролетарского искусства,—не могло уместиться в узких рамках тенденциозной иллюстрации тех или иных лозунгов. В яркой красочности, живописной монументальности нашли они воплощение своих чисто-художественных устремлений. Поэтому упрощенность и выразительность, порою веселая лубочность, определяли художественные средства декораторов литературных поездов. Изобразительное воплощение таких лозунгов, как например:

«Руку, товарищ-крестьянин, давай,—
Дружной работы требуетъ край...»

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...»

или:

«Богачам наказанье, коль у бедняка есть знание...»

«До октябрьской революции книга служила лжи,—
Теперь она служит правде...»

«Советская газета—окно на весь мир...»

«Покупайте книги: будут деньги, чтобы печатать новые...»

и других, похожих на них, заставляет художника в **единообразии** художественных форм и средств искать соответствия провозглашенным лозунгам. Поэтому группа рабочего и крестьянина, так или иначе образно выражающих свою общую волю, фабрика или пашня, молот или серп,—все эти мотивы повторяются очень часто; они производили бы отрицательное впечатление ограниченности однообразия, если бы не были насыщены художественными элементами, имеющими в виду уже не социальные, а чисто эстетические запросы зрителя.

Конечно, организаторы этих поездов видели в искусстве, в художниках и их творчестве лишь вспомогательный, ценный своею наглядностью фактор агитации. Но, во всяком случае, посылаемые на места поезда с литературой, понесут с собою вместе с красным словом и красное искусство. Последнее своим живительным натиском должно вытеснить всю накопившуюся в духовно изолированной провинции гнилую художественную рутину, мещанскую безвкусицу и застывшую инертность. Напитать эти уголки первыми достижениями пролетарской культуры, побудить их к активной творческой самодеятельности,—все это должно и может сделать окрепшее в центре искусство, ныне поднявшееся на ноги и устремившееся на места.

Закончим нашу беглую заметку пожеланием, чтобы не по отдельным, редким маршрутам, а по всем железнодорожным жилам протекло живительное, свежее красное искусство. Если в городе мы призываем: «искусство—на улицу...», то, беря более широкий масштаб, мы провозгласим еще один лозунг: «Искусство — в провинцию, — по стенам вагонов, по станциям и полустанкам, к избе крестьянина, к лачуге рабочего, на борьбу с мещанством и рутиной...»

Константин Крайний.

[1]) В данномъ случае приходится, к сожалению, говорить лишь о поездах Военного Отдела. Отдел распространения ограничился лишь надписями и плакатами с надписями в стихах.

Наша бумажная промышленность и деятельность Главбума.

С экономической точки зрения бумажная промышленность никогда не играла особо выдающейся роли в народном хозяйстве и промышленности России: из почти одного миллиарда рублей акционерного капитала, вложенного в русскую промышленность, в бумажной было занято лишь 52.520.000 рублей, т.-е. $5_{,25}$% [1]). В то же время и по степени удовлетворения потребностей внутреннего рынка наша бумажная промышленность стояла на довольно дальнем месте, по сравнению с основными и крупнейшими отраслями русской промышленности. Привоз в Россию бумаги, в связи с все увеличивающейся потребностью в ней, неизменно рос, при чем увеличение его шло несравненно интенсивнее, чем увеличение производства. Так производство и привоз в Россию бумаги составляли в тыс. пуд.:

Годы	Производство	Привоз	% привоза к производству
1900	10.400	2.529	24,3
1910	17.535	6.374	36,3
1912	21.500	7.580	35.0
1913	23.500	8.954	38,1

Не лучше обстояло дело и в области снабжения бумажной промышленности необходимыми ей полуфабрикатами. На произведенные в 1913 г. $23_{,5}$ милл. пуд. потребовалось бы древесной массы (механической) и целлюлозы около 28 милл. пуд. В то же время производство древесной массы и целлюлозы достигало у нас в 1913 г. лишь 14 милл. пуд.; $1_{,5}$ милл. пуд., кроме того, было вывезено из-за границы. Остальная часть бумаги производилась из тряпья. С началом войны недостаток в древесной массе и целлюлозе стал ощущаться все острее и превратился, наконец, с прекращением деятельности двух крупнейших заводов [2]), дававших $^7/_{10}$ производства, в настоящий кризис. Вследствие этого импорт бумажной массы и бумаги продолжал увеличиваться, достигнув в 1915 г. $4_{,9}$ милл. пуд. бумажной массы и $10_{,9}$ милл. пуд. бумаги, против $1_{,6}$ милл. пуд. массы и 9 милл. пуд. бумаги в 1913 г.

Приведенные цифры уже достаточно характеризуют полную зависимость нашего бумажного рынка от ввоза из-за границы готовых фабрикатов, а нашей промышленности—от ввоза полуфабрикатов. Если же прибавить к этому, что поставщиком всех необходимых приспособлений производства, как-то: сеток, сукон, гарпиуса и т. д., являлась исключительно заграница, то полная прикрепленность и зависимость нашей бумажной промышленности от правильных внешних торговых сношений сделается ясной и для вполне неосведомленного в экономических и технических тонкостях человека. Между тем, несомненно, не будет преувеличением сказать, что количеством потребляемой бумаги измеряется «удельный вес» народа в области культуры. На этом пути русский народ достиг довольно больших результатов, доведя расход бумаги на человека с $3_{,3}$ ф. в 1897 г. до $5_{,5}$ ф. в 1908 г. и до 7 ф. в 1913 г. Война и в этом отношении понизила наш культурный уровень, так как количество бумаги, приходившейся на одного человека, упало до 6 ф. в 1916 г., $5_{,5}$ в 1917 г. и 4 ф. в 1918 г.; между тем потребность в бумаге грандиозная, особенно увеличившаяся в виду широкой постановки советской властью школьного дела и большого увеличения количества всякого рода училищ. Если даже предположить, что в 1919 году норма потребления бумаги упадет до 3 фунтов на человека (норма, поистине, голодная), и определяя население советской России в 80 миллионов человек, получаем годовую потребность в 6 милл. пуд. бумаги.

Посмотрим, как обеспечена населению России и эта голодная норма.

Уже из рассмотрения производительности 74 фабрик, находящихся на территории советской России и продолжающих работать до настоящего времени, явствует, что лишь при темпе ра-

[1]) «Вестник Финансов». 1916 г.

[2]) «Вольдгоф» (в Прибалтийском крае) и «Кассирера» (в Польше).

боты и условиях производства, бывших в 1916 г., указанная выше норма может быть обеспечена. Производительность же эта такова [1]) (в тыс. пуд.):

В действительности же положение обстоит гораздо хуже. По данным бумажной секции С. Н. Х. С. Р., управляющей бумажными фабриками Северного лесного района, «которые питают некоторыми сортами бумаги на 90% остальную территорию России» [2]), годовая производительность бумаги на находящихся в его управлении фабриках будет равна 2.679.618 пуд. [3]). «Новый Путь»—орган того же С. Н. Х. С. Р.—рисует на своих страницах еще более печальную картину: недостаток 48% сеток и 20% сукон уменьшит в течение 3-х последних месяцев 1918 г. предполагаемую выработку бумаги наполовину. Фабрики Северной области в 1919 году, в лучшем случае, смогут дать нам $1_{,5}$ милл. пуд. бумаги; общее же количество могущей быть выработанной в 1919 году во всей России бумаги мы, при всем желании, даже впадая в оптимизм, не можем определить более, чем в $2_{,5}$ милл. пуд., т.-е. $1_{,25}$ фунта на душу населения.

Можно было бы осветить этот вопрос гораздо подробнее, иллюстрировать его еще более многочисленными цифровыми данными, но, в виду их более узкого и специального интереса, мы перейдем ко второй части нашей статьи: обзору деятельности Главбума.

Какие меры предприняты им для предотвращения того катастрофического положения, которое отбрасывает нас на 100 лет назад? Говоря откровенно, никаких. Петроградские тт., может-быть, резко, но в общем правильно характеризуют его работу, говоря, что он до сих пор «тихо почивал на лаврах, с удовлетворением варясь в собственном соку, определяя взаимоотношения между рабочей группой и группой предпринимателей» [1]). В официальном органе Главбума—«Рабочий писчебумажник», вышедшем в ноябре месяце прошлого года, можно найти очень мало материала, иллюстрирующего деятельность Главбума с выгодной для него стороны. В кратком обзоре деятельности ничего не отмечено более интересного, чем увеличение служащих, дифференциация отделов, жалобы на В. С. Н. Х. по поводу неутверждения конституции Главбума и сетование на дороговизну сукон русской выработки (на фабрике Торнтона). Почему цена сукна в 9.000 руб. кажется деятелям Главбума дорогой, когда в начале 1917 года она равнялась 4.000 р. [2]), является их секретом. Речь едва ли может итти о нескольких десятках тысяч рублей, когда огненными буквами начертано: «1¼ ф. бумаги в год на человека!» С другой стороны, из всей деятельности Главбума и даже того же журнала ясно, что руководители его не отдавали себе отчета в грозном положении нашей бумажной промышленности, ни при каких условиях, даже в середине прошлого года, нельзя было говорить об отсутствии бумажного голода и переполнении фабричных складов готовым товаром [3]), голод и даже кризис были очевидны в 1917 году. Уже тогда нужно было произвести точный учет потребностей, распределить по группам потребителей, составить производственную программу, трестировать наиболее жизнеспособные и закрыть чахлые фабричные организмы. Между тем, лишь в начале января этого года мы прочитали в «Экономической Жизни» неофициальную заметку [4]) о возможных способах разделения потребителей и способах их снабжения. О производственной же программе, трестировании, мерах к сокращению излишнего потребления (продолжающаяся безумная трата бумаги в учреждениях, выход грандиозного количества всяких специальных, чрезвычайно узких по содержанию, журналов, в том числе провинциальных, в которых, по крайней мере,

---

[1]) «Рабочий писчебумажник». 1918 г. № 1. Стр. 57.

	1913 г.	1915 г.	1916 г. (I полугодие).
Древесная масса . . .	1112,6	1583,8	672,9
Соломенная масса и целлюлоза соломенная . .	191,2	143,9	146,0
Целлюлоза древесная . .	1967,4	1822,7	976,7
Все сорта бумаги . .	8083,4	9442,0	4668,1
Картон	936,2	778,7	356,3

[2]) «Новый Путь». 1918 г. № 9—10. Стр. 3.

[3]) «Экономическая Жизнь 1919 г».. № 8.

---

[1]) «Новый Путь». 1918 г. № 9—10. Стр. 3.

[2]) «Писчебумажное Дело». 1917 г. № 3—4.

[3]) «Рабочий писчебумажник». № 1. Стр. 38.

[4]) «Экономическая Жизнь». 1919 г. № 11.

половину текста занимает одинаковая для всех официальная часть)—пока ничего не слышно.

Положение слишком грозное, угроза культурному развитию народа слишком велика, чтобы можно было бездействовать дальше. Меры должны быть приняты, и если не Главбумом, то, помимо него, высшим органом хозяйственной жизни страны—В. С. Н. Х. Мы в данном месте не можем указать этих мер, но обратить внимание общества на опасность, угрожающую его культурному бытию, мы считаем своей обязанностью.

С. В.

Первая всероссийская конференция отделов государственных сооружений.

т. Павлович.

16—20 декабря 1918 г. в Москве происходила созванная Комитетом Государственных Сооружений конференция отделов для обмена мнений по организационному вопросу. На конференцию прибыли представители 23 отделов в количестве 48 делегатов, из них 36 с решающим голосом.

Открытая речью тов. Павловича, председателя К. Г С., в интересной речи давшего краткий обзор деятельности К. Г. С. и его конструкции и особенно выпукло и полно обрисовавшего основные идеи, заложенные в схеме построения К. Г. С.: 1) объединение всего строительства в одном ведомстве и 2) отделение эксплуатации от строительства, конференция следующие два дня посвятила докладам заведующих Центральными Управлениями.

т. Ксандров.

т. Вельман, тов. председателя К. Г. С.

Особенно интересны были доклады тов. Ксандрова (тов. председателя Распорядительного Бюро К. Г. С.) о постройке железных дорог, из которых, между прочим, выяснилось, что таковых в настоящее время находится 11.672 версты, и т. Молиновского о ходе работ по восстановлению г. Ярославля, постройке сельско-хозяйственного института в г. Воронеже и муниципальных работах (канализация, трамвай) в г. Саратове.

Выдающийся интерес среди работ К. Г. С. представляют электрофикация Московского и Петро-

т. Рыков.

градского промышленных районов и ирригационные работы в Туркестане, которых мы подробно коснемся в ближайшем будущем.

В заседании 19 декабря главное внимание было сосредоточено на речи т. Рыкова, председателя президиума В. С. Н. Х., особенно подробно остановившегося на общем вопросе взаимоотношений центра с местами и отметившего смену в нашем народном хозяйстве, начиная с октября 1917 г., чрезмерно широкой децентрализации столь же широкой централизацией, эпохи господства местничества эрой подавления инициативы мест. Вместе с тем, тов. Рыков выразил уверенность, что эти «колебания приведут к синтезу обоих направлений и создадут положение, при котором центр будет руководить работой на местах, согласуя местные начинания с общегосударственными интересами».

После докладов с мест, особенно отмечавших необходимость создания постоянного плана организации и инструктирования мест Центральным Органом, и разрешения вопроса финансирования, так как до сих пор местные отделы, по большей части, финансируются Совнархозами или другими ведомствами, конференция приступила к голосованию резолюций, из которых особенно отметим:

1. поручение центру принять меры к переходу на местах надлежащих учреждений, согласно декрета от 9 мая, в отделы государственных сооружений;

2. необходимость установить разграничение работ государственного и местного значения;

3. необходимость установить постоянство съездов отделов государственных сооружений не менее двух раз в год и

4. необходимость установить, чтобы все кредиты на строительство в губернии переводились лишь в отделы государственных сооружений на местах, которые разассигновывают их.

Кроме того, совещание признало организацию главка строительной деятельности преждевременной, в чем безусловно можно усмотреть трезвые и отвечающие современным экономическим условиям страны взгляды среди работников К. Г. С.

В общем впечатление от конференции вполне благоприятное: при современной экономической обстановке К. Г. С. и его отделы на местах проявили достаточное количество творческой энергии, и можно быть уверенным, что с улучшением нашего экономического и финансового положения, работа в области государственного строительства примет размеры, вполне отвечающие требованиям нашего народного хозяйства.

С—т.

Итоги и вехи.

(Второй Всероссийский Съезд Советов Народного Хозяйства).

В конце декабря 1918 года в Москве состоялся второй Всероссийский Съезд Советов Народного Хозяйства, представивший совершенно исключительный интерес. Подведя годовые итоги деятельности в области управления народным хозяйством республики, съезд наметил те вехи, по которым должна и будет следовать работа В. С. Н. Х. Будучи уверены, что вся читающая Россия обратила внимание на этот съезд и знакома с решением основных вопросов, на нем дебатировавшихся, мы позволим себе остановить внимание наших читателей лишь на нескольких «итогах» и нескольких «вехах».

Сначала об «итогах». С ними познакомил съезд тов. Рыков, ярко отметивший ту разницу в экономическом нашем положении, которая характеризует теперешний момент по сравнению с эпохой первого съезда Советов Народного Хозяйства. Тогда были в руках источники сырья и топлива, но не было организации; теперь последняя в известной мере создана, но мы потеряли большую часть наших природных богатств. Организацию надо укреплять и строить дальше на прочном фундаменте; о возвращении богатств должна позаботиться армия. Организация не улучшится от переименования комиссариатов в отделы В. С. Н. Х. или наоборот; ее нужно построить на деловой почве, чтобы она таковой и была. К этому направлены сейчас все усилия В. С. Н. Х.; с этою целью национализируется все большее и большее количество предприятий (1125 против 304 во время первого съезда), которые объединяются в более крупные единицы. Для того же определенные отрасли промышленности организуются в единое целое, в единые тресты с общим центральным управлением для всех крупнейших предприятий.

Гораздо неутешительнее прозвучал продовольственный «итог», столкновение мнений о направлении продовольственной политики более чем

рельефно вскрыло все грозные перспективы в этой области. Нехватка 53 миллионов пудов хлеба, 7 миллионов пудов масла, невозможность вывезти 7 с половиною миллионов пудов рыбы из Саратова, громадное количество продуктов, требующееся для Красной армии, дефекты в организации Компрода, рассказанные тов. Лариным,—все говорило о том, что работа продорганов, не говоря уже о недостатке предметов питания вообще, довольно слаба.

Что сказать о вехах? Они блестяще были намечены В. И. Лениным; если бы нам позволяло место, мы бы с удовольствием перепечатали его речь целиком; обстоятельства вынуждают нас выделить и отметить лишь наиболее важное.

Замена коллегиальной ответственности единоличной в области исполнительной, прекращение болтовни, писания резолюций, областничества, волокиты, привлечение всех нужных специалистов и на широких началах кооперации—вот те вехи, по которым должна пойти практическая работа всех органов хозяйственной жизни, вот на чем настаивал т. Ленин, и что подтвердил съезд своей резолюцией.

«Довольно праздных разговоров; настало время перейти к практическому делу, которое может вывести нашу страну из того круга, в который ее замыкают империалисты. Пора отказаться от предрассудка, будто только коммунисты, среди которых, может-быть, есть весьма хорошие люди, могут проводить определенную работу. Нам нужны работники дела и д͏ела, и мы должны всех их привлечь к работе. Тратить время на подготовку специалистов из наших коммунистов нам совершенно некогда, потому что сейчас все дело в практической работе и в ее практических результатах».

Остается пожелать, чтобы мудрые слова В. И. Ленина претворились поскорее в дело: чем раньше это будет, тем быстрее улучшится теперешнее тяжелое положение трудящихся масс России.

В—т.

Первый всероссийский съезд советов журналистов [1]).

(13—16 ноября 1918 года.)

Первый съезд, обнаруживший массу недочетов советской печати, ясно показал, насколько необходима организация журналистов.

Впервые громадное государство предоставляет в руки журналистов все средства, которые необходимы для широкой постановки дела просвещения. В руках журналистов почта, телеграф и все типографии. Впервые социалистическая пропаганда ведется в мировом масштабе.

Задачи советской печати громадны, и чувствуется потребность в создании особого типа газет, которые действительно были бы мощным орудием пропаганды и защиты социалистических идей.

Общий голос делегатов за то, чтобы сделать газету действительным отражением жизни, чтобы найти и выявить наиболее характерное и ценное в новой жизни и выразить все это в приемлемой и доступной каждому форме, на хорошем русском языке.

Съезд высказался за устранение и сокращение официальных отделов. Решено декреты и распоряжения частного характера помещать в специальных органах или излагать сокращенно.

Провинциальные делегаты выдвинули потребность ограждения печати от произвола местных комиссаров и требовали свободы разоблачений и выявления организационных недостатков налаживающегося социального строительства.

Съезд высказался за ограничение компетенции военной цензуры надзором над опубликованием сведений, составляющих военную тайну, и за совершенное устранение политической цензуры.

Обнаружилась масса недостатков в организации дела информации,—таковы запоздалые и пространные сообщения «Роста», параллелизм советских изданий, отсутствие опытных конторщиков и экспедиторов, неисправность почты, отсутствие сотрудников, особенно же—недостаток бумаги и типографий.

На местах газеты щедро субсидируются советами и возникают не только во многих уездных городах, но и в селах. Некоторые, далеко не полные цифры, сообщенные делегатами, указывают на значительное распространение советских изданий.

Пенза—«Уральский Рабочий»	—	тираж.	25.000	экз.
» «Красный Набат»	—	»	30.000	»
Смоленск—«Известия»	—	»	7.000	»
» «Вечерние Известия»	—	»	4.000	»
» «Красная Армия»	—	»	3.000	»
Кострома — «Северный Рабочий»	—	»	2.000	»
» Северная Газета»	—	»	5.000	»
Курск—«Известия»	—	»	3.000	»
Вятка — «Приуральский Коммунист»	—	»	50.000	»
Самара — «Солдат и Рабочий»	—	»	18.000	»
» «Приволжская Правда»	—	»	15.000	»
Пятигорск — «Известия»	—	»	4.000	»
Царицын — «Борьба»	—	»	5.000	»
» «Солдат Революции»	—	»	15.000	»
Тула — «Известия»	—	»	15.000	»
Иваново-Вознесенск «Известия»	—	»	10.000	»
Петроград — «Красная Армия»	—	»	250.000	»

[1]) Союзом Советов журналистов издан подробный отчет о съезде, мы даем здесь краткий обзор. Число делегатов съезда составляет 106 человек, большинство из которых—коммунисты (79 человек) и сочувствующие (13 человек). Преобладают представители центра.

С целью организовать советскую печать съезд учреждает Центральный Совет Всероссийского Союза Советских Журналистов, который должен поддерживать связь со всеми местными союзами. Он будет ведать распределением литературных и технических сил, принимая меры к правильному распределению советских газет, и организует представительство в соответствующих главках, распределяющих бумагу, машины, материалы для цинкографии и т. д.

Для пополнения кадра работников пера решено открыть специальную школу журналистов, которая давала бы не только подготовку литературного характера, но и всесторонние сведения самой техники газетного дела.

В. Богданов.

Международный митинг.

Огромное количество публики, пытающейся, за отсутствием билетов, силой проникнуть внутрь Дома Союзов; колонный зал, переполненный до крайности, хоры, проходы за колоннами, эстрада, набитая людьми, с нетерпением ожидающими речей ораторов; полное освещение зала и многократно повторяемый оркестром «Интернационал»—такова внешняя обстановка грандиозного митинга [1]) посвященного: «Мировой революции и очередным задачам Советской России».

Митинг был открыт членом Коллегии Народного Комиссариата по Иностранным Делам Ю. Каменевым, который в горячей речи указал на цель митинга—дать возможность представителям трудящихся всех стран здесь в Москве, в центре мировой революции, высказаться перед ее авангардом, русским пролетариатом, о своих стремлениях и надеждах. Оратор говорил о том, что ныне во всем мире создался единый фронт—фронт гражданской войны угнетаемых против эксплуататоров. Россия, окруженная со всех сторон сильным и имеющим в своем распоряжении обильные технические средства врагом, призывает пролетариат всего мира подняться на последнюю борьбу за свое освобождение. Бедная техническими средствами, она противопоставит громадным силам и опыту своих врагов непобедимую силу развивающегося мирового большевизма, всемирной революции. Пусть маловеры скептически относятся к возможности этой революции подобно тому, как ранее они не верили в возможность революции в Германии;—жизнь их научит. Империалисты знают, в чем сила Советской России; не даром английские газеты пишут, что никогда в своей истории Англии не приходилось сталкиваться с таким сильным и опасным врагом, каким является мировой большевизм. Поняв это, они, конечно, напрягут все свои силы для борьбы с Россией; никогда, может-быть, революция не переживала такого опасного момента, как теперь. Однако, не преувеличивая своих сил и не обманывая себя надеждами на легкую победу, мы тем не менее верим в нее, ибо мы видим, как постепенно стираются вокруг нас национальные границы, и как на помощь к нам приходят новые союзники. Митинг, на который мы собрались, подтверждает рост солидарности в рядах угнетенных и эксплуатируемых всех национальностей, и в этом отношении он является грозным предостережением для империалистов всех стран.

Страстную речь произнесла встреченная овацией т. А. Балабанова, выступившая от имени итальянской социалистической партии. Она говорила о том, что русский пролетариат в праве ожидать помощи от пролетариата других стран, что социалисты всего мира должны встать на защиту завоеваний русской революции. Революционное движение растет во всем мире. В частности оратор отмечает необычайное упорство, организованность и сознательность последних стачек в Италии и во Франции. А. Балабанова заканчивает свою речь призывом к итальянскому пролетариату притти на помощь русскому.

Т. Рейнштейн, представитель американской социалистической партии, говорит о том,— что, как существует две России, так есть и две Америки: Америка мародеров Вильсона, Рокфеллера и Моргана, с одной стороны, и Америка трудового угнетенного народа, с другой. В американском пролетариате уже пробуждается большевистское настроение. Русская революция делает мировую революцию фактом. Во всем мире слово «большевики» и «советы» стали понятными без перевода всем угнетенным. Всюду, где вспыхивает революция, создаются советы, как наиболее совершенные, созданные не теорией, а самой жизнью, выражения диктатуры пролетариата.

Капитан французской военной миссии, Жак Садуль выступил от имени французского пролетариата. Он констатировал, что под влиянием победы во Франции усилился шовинизм, с чем нельзя не считаться. Но электричество накопилось в достаточной степени и во Франции: преследования, которы подвергается французский пролетариат и его вожди—интернационалисты со стороны правительства Клемансо, поддерживают в стране революционное настроение. Оратор говорит, что он уверен в том, что ни одна рука рабочего или крестьянина Франции не подымется на Советскую Россию.

С трудом пробравшийся в Москву из Туркестана через местности, находящиеся в руках белогвардейцев, делегат рабочих Туркестана и Бухары, т. Юсупов говорит о том, что народы Востока с замиранием сердца следят за успехами Советской России. Русскому пролетариату необходимо обратить больше, чем до сих пор, внимания на восток, который окажет могущественную поддержку Советской России в ее борьбе с империализмом. Если поднимется Восток, то европейским и американским империалистам не устоять. Рабочие и крестьяне Туркестана не отдадут его англичанам. Они готовы итти в Индию для освобождения ее от векового ига английского капитализма; для этой цели в Туркестане уже формируется красная армия, которая быстро растет. Идите на Восток,—говорит оратор,—там угнетенные народы ждут вашего прихода, зная, что вы несете им освобождение.

---

[1]) Устроенного 5 декабря 1918 г. комитетом коммунистов-сотрудников Народного Комиссариата по Иностранным Делам.

Представитель Англии, т. Фейнберг, говорит о том, что празднующих победу империалистов Англии постигнет та судьба, которая ныне постигла прежних победителей—империалистов Германии.

После перерыва выступают представители революционных партий различных стран Востока. На разных языках и в разных выражениях они говорят об одном и том-же, о том, как стонут представляемые ими народы под гнетом империалистов, и о том, что во всех странах эксплуатируемые капиталом низы все более приучаются, употребляя удачное выражение А. Балабановой, «говорить по-русски» со своими угнетателями.

Ахмед-Хади от имени трудовых масс Индии свидетельствует о том, какой любовью пользуется Советская Россия у многочисленного населения Индии, вымирающего от недоедания, нищеты и эксплуатации англичан. Индусские народы с упованием взирают на победы русской революции, ожидая, что она поможет им освободиться из-под власти английского капитала.

Представитель турецкой коммунистической *партии*, Субхи-Бей, говорит о том, что турецкий народ собирается по примеру русского сбросить с себя власть феодалов и буржуазии. В Турции революционное движение растет и принимает большевистский характер.

Лао-Сю-Джан, выступивший от имени трудящихся масс Кореи, говорит о той ненависти, которую они питают к японскому империализму и выражает уверенность в том, что при помощи Советской России им удастся свергнуть иго насильников.

Реджэв-Бомби. член персидской революционной партии, в ярких красках описывает, как английские и русские империалисты насиловали и грабили персидский народ, и выражает надежду на то, что ныне освобожденная Россия поможет персидскому народу в его борьбе против англичан.

Несмотря на то, что митинг затянулся почти до полуночи, все время внимание слушателей не ослабевало, и они горячо встречали всех ораторов и неоднократно прерывали их речи громовыми аплодисментами.

П—ов.

Обзоры.

Из новейшей литературы по истории рабочего движения и марксизма в России.

Переживаемая нами действительность придает интерес злободневности многим вопросам далекого прошлого. В частности, это с полным правом можно сказать о вопросах, связанных с историей рабочего класса в России. Казалось бы, что уже одна громадная роль, выпавшая на долю русского пролетариата в революции 1917 года и причины которой нет возможности вполне уяснить себе, не познакомившись с прежним положением рабочего класса в России и его взаимоотношениями с другими классами нашего общества, с одной стороны, и с развитием русского рабочего движения—с другой, должна была бы привлечь усиленное внимание исследователей к прошлым судьбам русского пролетариата. Однако, этого не случилось: мы до сих пор не имеем ни одного труда, который можно было бы назвать историей рабочего класса в России. Мало того,—нет ни одной работы, которая давала бы связный очерк этой истории. Все, что может найти по этим вопросам читатель в нашей литературе, это—подчас весьма важные и интересные книги и брошюры, посвященные отдельным моментам рабочего движения, далекие от попыток охватить его в целом.

В лучшем сравнительно состоянии находится история чисто политического движения, история рабочей марксистской партии в России, но и в этом отношении, как мы увидим дальше, в нашей литературе сделано далеко еще не все то, что необходимо сделать.

1917 и 1918 года принесли с собою на наш книжный рынок ряд работ, касающихся вопросов, поставленных в заголовке нашего обзора. Большинство этих работ вышло уже не первым изданием; однако, это не лишает многих из них интереса новизны для читателя, далеко не всегда имеющего возможность познакомиться с прежними изданиями этих работ, так как часть их была издана за границей, часть целиком или почти целиком пропала в свое время для читателей в виду конфискации ее правительством, часть же давно уже разошлась и вышла из продажи, сделавшись библиографической редкостью. Понятно, при таких условиях, почему переиздание этих работ было, действительно, насущной необходимостью.

К числу таких именно работ должны быть причислены две переизданные петроградским совдепом брошюры **Д. Рязанова**: «Г. В. Плеханов и группа «Освобождение труда» и «Две правды. Народничество и марксизм. Очерк из истории русской интеллигенции». Обе эти брошюры выходят уже третьим изданием. Первая из них знакомит читателя с деятельностью группы «Освобождение труда» и ее значением в истории русского марксизма; особую ценность этой брошюре придают приложения: здесь читатель найдет, помимо биографических сведений об основателях группы и списка ее изданий, программу группы, вышедшую в 1884 году в Женеве, проект программы, относящийся к 1887 году, и некоторые другие материалы, имеющие громадное значение для ознакомления с общественно - политическими взглядами группы. Во второй брошюре автор дает талантливо написанный очерк того столкновения двух мировоззрений русской интеллигенции, которые вступили между собой в борьбу в первой половине 80-х годов. Задача, которую ставит себе автор, — показать, что русский марксизм был таким же необходимым звеном в развитии русской обществен-

ной мысли, как и народничество, и что новая правда, победившая старую, не является лишь отрицанием ее, но связана с нею внутренней преемственностью. Обе брошюры переизданы прекрасно и по удивительно дешевой для настоящего времени цене: они стоят по 90 коп.

Не новостью для читателя является и переизданная в 1917 году в двух выпусках книгоиздательством Белопольского (по 45 коп. за выпуск) брошюра **А. Ельницкого** «Первые шаги рабочего движения в России». Автор дает краткий обзор борьбы крепостных рабочих, развития капитализма в 60-х и 70-х годах, деятельности «Южно-русского рабочего союза» и «Северного союза русских рабочих» и замечательной личности Степана Халтурина. Автор, не скрывая, перепечатывает целые страницы из известных работ: воспоминаний Г. В. Плеханова о «русском рабочем в революционном движении», описания пребывания Халтурина в Зимнем дворце (из «Календаря Народной Воли») и материалов, собранных покойным Богучарским в его издании «Государственные преступления в России».

Также не первыми изданиями вышли две интересные брошюры, касающиеся дальнейших этапов в развитии русского рабочего движения. Первая из них принадлежит перу известного социолога и государствоведа **К. М. Тахтарева** и называется «Очерк Петербургского рабочего движения 90-х годов. По личным воспоминаниям» (изд. «Жизнь и Знание», ц. 2 руб. 50 к.). Эта брошюра, под псевдонимом К. Тар, вышла первым изданием за границей, вторым—в Петербурге в дни первой революции, и быстро разошлась. Ныне она, впервые под настоящей фамилией автора, становится вновь доступной читателю, который найдет в ней массу интересного материала; автор лично принимал деятельное участие в движении, которое описывает, являясь одним из вождей тогдашнего «экономизма».

Вторая брошюра — «Обуховское дело»—принадлежит перу Д. Рязанова и издана петроградским совдепом (цена 70 коп.). В ней автор дает яркую картину кровавой расправы, учиненной в 1901 году правительством над рабочими Обуховского завода, взволнованными увольнением администрацией завода их товарищей, принимавших участие в праздновании первого мая. В приложении напечатан полностью интересный для характеристики деятельности русских судов того времени приговор петербургской судебной палаты по делу Обуховских рабочих.

Много ценного материала по истории рабочего движения читатель может найти в номерах журнала «Былое». Сюда, прежде всего, надо отнести то, что касается деятельности пресловутого Зубатова. В № 4 за 1917 год помещена статья, написанная самим Зубатовым по поводу известной книжки А. Морского «Зубатовщина». В № 1 за 1918 г. напечатаны — справка особого отдела департамента полиции о деятельности Зубатова и Гапона и доклад, поданный Зубатовым после его отставки директору департамента полиции, в котором Зубатов, ссылаясь на свои прежние заслуги («моя служба в буквальном смысле была царская»), ходатайствует «о формальном восстановлении в области государственной и общественной жизни его «политической чести», оговариваясь, что ее «по существу вернуть уже нельзя», и касаясь кстати и вопроса о материальном обеспечении. Эти материалы имеют громадное значение для истории нелепой попытки растерявшегося под натиском русского пролетариата царского правительства направить рабочее движение в сторону чисто экономической деятельности, положив в его основу курьезные полицейские идеи о «замене революционного учения эволюционным», о «преимуществе самодержавной формы правления в области социальных отношений, как формы, по внеклассности своей, заключающей в себе начало третейское, а. следовательно, враждебное к насильственным приемам и склонное к справедливости», о том, наконец, что «границы самодеятельности оканчиваются там, где начинаются права власти».

Другой попытки спасти давшее трещины самодержавие, деятельности Гапона, касаются известные записки близко стоявшего к нему в 1905 году **П. Рутенберга**—«Дело Гапона»,—перепечатанные из заграничного «Былого» в № 2 за 1917 год, а также изданные особой книжкой в 1917 году в Москве

записки самого Георгия Гапона, представляющие русский перевод (довольно корявый) статьи, написанной Гапоном в 1905 году для одного английского журнала. В этих записках Гапон старается убедить читателей в том, что, основывая общество петроградских рабочих, он в тайниках своей души имел намерение в решительную минуту обратить деятельность этого общества против оказывавшего ему самому поддержку правительства, что и сделал 9-го января. Как записки самого Гапона, так и записки П. Рутенберга дают читателю возможность ярко представить себе характерные черты личности Гапона: умственное и нравственное ничтожество, смесь невежества с наглостью.

Переходя к истории марксизма в России, необходимо прежде всего указать на статью П. Орловского—«К истории марксизма в России», помещенную в изданном петроградским совдепом сборнике «Памяти Карла Маркса». Эта статья представляет собою краткий, но богатый по материалу очерк исторических судеб марксизма в России, доведенный до 1903 года. Главным образом, этому же времени посвящена известная широкому кругу читателей по 1-му изданию и не нуждающаяся посему в особых рекомендациях книжка **Н. Батурина** «Очерк истории социал-демократии в России», вышедшая в 1918 году вторым изданием в серии «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии» (ц. 2 р.). Жаль только, что в новом издании остались неисправленными некоторые ошибки фактического характера: например, программа группы «Освобождение труда» ошибочно показана изданной в 1885 году, а не в 1884, как это было на самом деле. К книжке Батурина приложена статья **М. Ольминского** «После 1905 года», по своему плану и характеру не вполне соответствующая работе Батурина и носящая отпечаток случайности в выборе материала и спешности в работе. Впрочем, в ней читатель найдет некоторые интересные детали, в частности—на страницах, посвященных газете «Правда».

Брошюра **В. Левицкого**—«Исторический очерк развития Р. С. Д. Р. П.» (изд. «Новая Россия», М. 1917 г. Цена 50 коп.) не представляет никакого интереса, вследствие своей краткости и поверхностности: автор не столько знакомит читателя с историей партии, сколько старается убедить его в том, что большевики всегда ошибались, а меньшевики во всем были правы.

Составленный **М. А. Цявловским** сборник документов бывшего московского охранного отделения по истории большевизма с 1903 по 1916 год, изданный под названием «Большевики» книгоиздательством «Задруга» в Москве и вышедший в настоящее время уже вторым изданием, исправленным и дополненным (ц. 10 руб.), дает много интересного материала, относящегося, вопреки заглавию, не только к большевизму, но и к другим направлениям русского марксизма. Однако, в виду специфического характера этого материала, пользоваться им приходится с большой осторожностью, подвергая его внимательной критической оценке; к тому же на работе составителя сказывается недостаточное знакомство его с теми вопросами, к которым относится собранный им материал.

К малоисследованному периоду истории партии относится брошюра **И. Юренева**—«Борьба за единство партии. Очерк возникновения и деятельности Петроградского Междурайонного Комитета» (Петроград, 1917 г., изд. «Вперед», ц. 45 коп). Автор дает историю одной попытки объединить в партийных рамках то, что по своему существу сделалось уже необъединимым: большевизм и меньшевизм. В брошюре можно найти некоторые не лишенные интереса сведения о деятельности петроградских социал-демократических организаций во время войны и накануне революции.

Как видит читатель из данного нами краткого обзора новейших работ, относящихся к затронутым нами вопросам, история русского рабочего класса, равно как и история марксизма в России еще не написаны и ждут своего исследователя. Будем надеяться, что революция, создавшая громадные кадры новых читателей, даст нам и новых исследователей, которые возьмут на себя заполнение отмеченных нами пробелов.

Б. Павлов.

Отзывы о книгах.

Социальные науки.

БОГДАНОВ, А. Социализм науки. Изд. журн. «Пролетарская культура». 1918. Стр. 104. Ц. 1 р. 25 к.

Три слагающие данную книгу статьи, удачно дополняющие одна другую, посвящены выяснению задач, которые ставит перед социалистической мыслью наука.

Первая статья—«Наука и рабочий класс» — трактует о пролетаризации науки, как орудия мировой организации производства. Тов. А. Богданов здесь углубляет и окончательно формулирует точку зрения марксизма на науку.

Вся наука есть организованный общественно-трудовой опыт. Так, суровая необходимость жизненной борьбы, потребовавшая регулировки труда, положила начало астрономии, руководящей человеческим трудом посредством метрической системы мер и часов, воспроизводящих движение солнца. Иногда наука превращается в орудие господства небольшой группы, монополизирующей знания. Иногда же наука является орудием организации сил для победы в социальной борьбе. Рабочий класс должен иметь в своих руках науку, чтобы планомерно и сознательно преобразовать весь строй социальной жизни. Но пролетариату надо сначала преобразовать всю науку. Пролетарской будет «наука, воспринятая, понятая и изложенная с **рабочей,** классовой точки зрения, способная руководить выполнением **его** (пролетариата) жизненных задач, наука, организующая **его** силы для борьбы, победы и осуществления социального идеала». Взгляд на науку, самый метод и приемы пролетарской мысли гораздо совершеннее, глубже и плодотворнее буржуазных. Пролетариат, организатор по своей природе, призван разрушить все перегородки человечества, призван свести все научное наследство к стройному порядку созданием организующей, боевой науки.

Во второй статье—«Методы труда и методы познания»—автор указывает на близость и преемственную связь методов науки, с одной стороны, и методов труда—с другой. Многое здесь—от английского прагматизма, но в совершенно оригинальном преломлении марксизма.

Практическое обобщение характера реакций организма, экономизирующее силы активного существа, является прообразом познавательных индукций. Основные моменты **статистического** метода возникли в организационно-трудовой практике через столкновение с количественной стороной труда и через упрощающую дело символику. Метод **абстрактно - аналитический** вырос из технических приемов отделения практически - годного от несущественных частей. Еще теснее связана **дедукция** с техническими правилами. Точно так же обстоит дело с методами и во всех других науках. Пролетарское преобразование науки, установив временно забытую связь науки с трудом, должно направить развитие науки в сторону коллективного труда и гармонического единения человечества.

В статье «Тайна науки» тов. А. Богданов намечает проблему всеобщей организационной науки, которая должна систематизировать и объяснить происхождение тех удивительных совпадений в методах, что постоянно наблюдаются в природе, в человеческой жизни и в науке. Тайна науки в том, что несоизмеримо - различные ряды явлений она связывает целесообразно. Связь эту нельзя объяснить случайностью аналогий. Лишь гипотеза непрерывной универсальной организации обнимает все совпадения, все изменения, все случайности мира. Полное решение вопроса— в выяснении законов такой связи, законов всеобщей организации. Все систематизировать, координировать, организовать, и притом не по частям, а в

целом, составляет главную задачу социализма. С точки зрения марксизма автор подходит здесь к тем «аналогиям опыта», перед которыми остановился сам Кант, лишь констатировавший их, как факт. Насколько такой подход удачен, можно судить по другой обширной работе А. Богданова «Всеобщая организационная наука».

Рассматриваемая книжка, редкая по содержательности, новизне и смелости мысли, будет незаменимым пособием для каждого, кто спешит осознать мировое движение социализма.

В. Брагинский.

ПАВЛОВИЧ, М. (МИХ. ВЕЛЬТМАН). Мировая война и борьба за раздел Черного Континента. (Монополистический капитализм). Основы империалистической политики и мировая война. Книга IX. М. Изд-ство Всеросс. Ц. И. К. Сов. Р., Кр., Солд. и Каз. Деп. 1918. Стр. 112. Ц. 2 р.

Новая брошюра Павловича посвящена дальнейшему изучению вопроса об империалистической политике европейских государств, в частности—столкновению их интересов на «Черном Континенте».

Главной движущей силой этой политики являются международные металлургические короли: Круппы, Тиссены, Шнейдеры, Крезо и пр. Им необходимо распределить свои изделия и естественные богатства новых стран, и попытки сделать это мирным путем не всегда удаются. Для них эти вопросы окончательно решает война.

«В африканских вопросах непримиримыми противниками Германии являлись Франция и особенно Англия» (стр. 12). Все эти державы старались «цивилизовать» по своему туземные племена, отнимая у них в то же время их земли, дома и достояния. Европейские колонизаторы грабили негров, превращали их в рабов, и в этом отношении все нации действовали одинаково.

Слабость Бельгии, обладавшей богатейшей колонией **Конго,** служила приманкой для конкурренции между крупными державами из-за обладания этой колонией. Лицемеры - империалисты Англии и Германии вели агитацию против режима, установленного в **Конго,** который, между прочим, ничем не отличался от режима, установленного в колониях других европейских государств. «Мое правительство — сказал король Эдуард VII—испытывает сильное волнение по поводу невыносимого положения, в котором находится туземное население **Конго.** Единственное желание моего правительства это—увидеть, что правительство **Конго** честно управляет своим государством» (стр. 33). Такие же упреки и обвинения сыпались со стороны Германии, газеты которой заявляли, что «отныне Германия не будет поддерживать Бельгию против Англии» (стр. 34). Таким образом, участие Бельгии в нынешней войне было предрешено колониальной политикой короля Леопольда. «Не ограничиваясь доказательством прав Германии на бельгийское **Конго,** немецкая империалистическая пресса начинает грозить самой Бельгии и открыто отвергает принцип нейтралитета этой страны, нейтралитета, несовместимого с захватной политикой в Африке» (стр. 35). В бельгийском **Конго** был завязан один из узлов мировой политики, которого капиталистические державы не могли распутать и должны были разрубить.

Вторым спорным пунктом в Африке являлось захваченное Францией **Марокко,** с его огромными подпочвенными богатствами.

Автор отмечает интересную черту в колониальной политике метрополии, в частности, Франции. Целью ее было, между прочим, пристроить множество тех негодных людей,—авантюристов и искателей приключений, которые обладали связями и не находили применения «своих способностей» в самой Франции. Какие получались из этого результаты, вполне понятно: «Случилось то, что резидент провинции Сон-Тай, насчитывающей 200.000 жителей, получил официальную благодарность и повышение по службе за то, что ему удалось довести потребление алкоголя (чистого) в своей провинции до 560,000 литров в год» (стр. 52). Таковы образчики культурного строительства европейских захватчиков в диких странах, «приобщенных к благам европейской культуры».

Главною целью всех заинтересованных капиталистических стран было разместить в колониях как можно боль-

ше изделий своей индустрии. «Для хищных финансистов нет более выгодных операций, чем всякого рода экзотические дела, связанные с колониальными авантюристами» (стр. 62).

Поэтому, управление колониями обходилось Франции в колоссальные суммы. Стремления финансистов были направлены к тому, чтобы покрыть Африку сетью железных дорог, при чем эти дороги проходили по совершенно диким, безлюдным местам, и естественно не могли окупаться.

Вполне понятно, что продажная пресса отстаивала колониальную политику и травила всех тех, кто осмеливался бороться с захватами, кто доказывал, что колонии ничего не приносят стране, кроме колоссальных расходов, ложащихся тяжелым бременем на рабочие и демократические массы. «Нет никакого сомнения, что, если мы сохраним обе эти области—Сахару и Судан—они составят **самую лучшую французскую колонию для эксплуатации»** (стр. 63), заявляла империалистическая французская пресса, мечтавшая о том, что Сахара «прокормит десять или двадцать миллионов людей», если провести через нее «транссахарские железные дороги».

Однако, завоевательные стремления Франции на юг от Марокко не оставались без отпора со стороны Германии, которая тоже хотела облагодетельствовать туземцев дарами своей культуры. Империалисты и металлурги пробовали мирным путем распределить зоны своего влияния в Марокко. «В борьбе между двумя металлургическими синдикатами французского пушечного короля Шнейдера и четырех братьев Манесманов (немцев) мы видим борьбу между двумя интернациональными трестами за монопольное господство в Марокко» (стр .77). Тайные договоры не могли помочь,—все определеннее давала себя чувствовать угроза со стороны Германии; не даром Вильгельм в 1905 году произнес следующую фразу, взволновавшую всю Европу: «Признавая Султана совершенно свободным и независимым сувереном своей страны, я желаю столковаться с ним о средствах защитить германские интересы в Марокко» (стр. 80). Это была не пустая угроза, тем более, что французские империалисты, банкиры и металлурги решили не отдавать без боя Марокко и Сахару: «Уже в 1905 году Европа чуть было не сделалась, по воле Делькассе и других империалистов, ареной мировой войны из-за Марокко» (стр. 82).

С того времени взаимоотношения все больше запутывались, тем более, что вмешалось английское правительство, которое **«дало понять, что оно не желает допустить Германию утвердиться в какой бы то ни было части Марокко»** (стр. 86). Таким образом, война становилась неизбежной, так как в Марокко запутался второй узел мировой истории, еще более сложный, чем в Конго. Острота борьбы между Германией и Францией осложнялась еще тем обстоятельством, что «английские империалисты всегда рассматривали марокксккий вопрос с точки зрения господства Великобритании в Гибралтарском проливе» (стр. 90). Раздел «Черного Континента» мог и должен был принести невиданную в истории борьбу заинтересованных грабителей.

Своими в высшей степени интересными брошюрами автор вскрывает сущность империализма, срывает покров с пышных, лицемерных фраз и заявлений, которыми империалисты любят прикрывать свои действия. Приводимые автором цифры и факты красноречиво говорят о тех преступлениях и тайных сделках, которые совершаются за кулисами истории, скрытые от взоров народа. Брошюры Павловича в высшей степени ценны тем, что ярко и образно рисуют картину международных отношений так, как они складываются по воле «сильных мира сего».

Р. Арский.

ЛОЗОВСКИЙ, А. (С. А. ДРИДЗО). Уголь и железо. К борьбе за Эльзас-Лотарингию. Экономический этюд. М.—П. «Книга». 1918. Стр. 61. Ц. 2 р. 25 к.

Газеты, которые русский обыватель привык проглядывать по утрам, и толстые журналы, которые он любил перелистывать по вечерам, единодушно убеждали его, что присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции было бы актом элементарной справедливости, вполне соответствующим желанию ее населения, которое думает лишь об одном—как бы порвать цепи, прикре-

пляющие его к Германии, и возвратиться в материнское лоно Франции. У читателя, сколько-нибудь критически относившегося к прочитанному, невольно возникал вопрос: если население Эльзас-Лотарингии, действительно, так жаждет присоединения к Франции, то почему же не только французское правительство и буржуазия, но и шовинистически настроенная часть французских социалистов не допускает и мысли о возможности плебисцита по этому вопросу, требуя безусловного возвращения Эльзаса Франции? Раз восстановление связей, нарушенных франкфуртским мирным договором, соответствует общему желанию всего населения отторгнутых этим договором областей, и если, таким образом, благоприятные для Франции результаты плебисцита можно заранее предвидеть, то чем же рискует она, согласившись на опрос населения? Не будет ли для нее, напротив, крайне выгодным—безо всякого риска для себя демонстрировать всему миру свое уважение к правам угнетенных народов и к принципу их самоопределения? Вот вопрос, на который русские журналы и газеты военного времени не давали никакого разумного и обоснованного ответа. Да и не могли дать, вследствие того, что они частью старательно замалчивали, частью, по условиям русской жизни, не имели возможности касаться фактов, способных объяснить причины такого странного поведения Франции, — фактов, указывавших на то, что в наше время население Эльзас-Лотарингии давно уже перестало протягивать к Франции руки с мольбой о помощи. За время, протекшее с 1871 года, в жизни Эльзас-Лотарингии многое изменилось, создались крепкие и тесные экономические связи, соединившие ее с Германией, а это не могло не отразиться на настроении ее населения. Правда, что эльзасцы до сих пор не примирились с тем положением, в которое их поставил франкфуртский мир и прямолинейно-германизаторская политика их новой родины. Но стремление восстановить свои прежние связи с Францией уступило место совершенно иному стремлению: добиться свободы и автономии в пределах германской империи. Как ни был тяжел прусский режим для населения Эльзас-Лотарингии, еще более тяжелым казалось ему положение, в котором оно очутилось бы в случае возникновения новой войны между Францией и Германией. Все эльзасские партии, если не считать немногочисленного и маловлиятельного «национального союза», предпочитали отказаться от возврата к Франции, чем вновь пережить все ужасы войны. Они неоднократно высказывались в этом смысле, и еще в 1913 году эльзасские социалисты обратились к французскому трудовому народу с воззванием, в котором писали: «Эльзас-Лотарингия надеется не на то, чтобы быть отвоеванной путем новой войны, ужасы которой превзойдут все, что может вообразить человеческий ум. Сохранение мира—вот что в глазах эльзас-лотарингцев стоит выше всего, выше самой Франции и Германии... Мы ждем от германского правительства, чтобы оно поняло, наконец, наш характер и дало нам автономию, мы умоляем Францию настолько любить Эльзас-Лотарингию, чтобы предпочесть видеть ее провинцией другого государства, чем разоренной и покрытой трупами». Взгляды, выраженные в этом воззвании, разделялись не только социалистами, но и подавляющим большинством населения Эльзас-Лотарингии.

Почему же Франция не склонилась на его мольбы не прибегать для разрешения эльзас-лотарингского вопроса к силе оружия? На этот вопрос дает подробный и строго обоснованный фактами и цифрами ответ брошюра Лозовского. «Спор за Эльзас-Лотарингию сводится—говорит Лозовский—к спору за богатейшую в Европе провинцию, играющую колоссальную роль с точки зрения добычи железной руды». «Современная война есть не только борьба посредством железа и угля, но и борьба за железо и уголь. Вот почему ключ к пониманию эльзас-лотарингской проблемы лежит в угле и железе».

Как ни интересен и важен этот вывод сам по себе, значение брошюры Лозовского им не исчерпывается. Читатель найдет в этой брошюре массу фактов, которые проливают свет на всю политику Франции за время войны и дают возможность учесть экономические последствия грядущего мира.

Французская промышленность всегда страдала от недостатка угля; за последнее время Франции приходилось ввозить ежегодно до 20 миллионов тонн угля. Присоединение Эльзас-Лотарингии еще более усложнит создавшееся положение, увеличив угольный дефицит еще на 6 миллионов тонн. А это увеличит и без того очень сильную зависимость Франции от привозного угля. Представители крупной промышленности в течение войны не раз указывали правительству на эту опасность, заявляя, что присоединение Эльзас - Лотарингии поставит промышленность Франции «в чрезвычайно критическое положение» и что, поэтому, нельзя ограничиваться этим присоединением, а необходимо обеспечить Францию углем, что сделать очень легко, взяв в свои руки эксплуатацию расположенного рядом с Лотарингией знаменитого Саарского угольного бассейна, обладающего неисчерпаемыми запасами угля. Но для спокойной эксплуатации этого бассейна необходимо обеспечить его от нападений со стороны Германии, отодвинув германские границы до Рейна. Присоединять левый берег Рейна к Франции было бы невыгодным: его цветущая промышленность может явиться опаснейшим конкуррентом для французской. Вследствие этого необходимо, отделив от Германии области, лежащие к западу от Рейна, создать из них самостоятельное государство; тогда, при помощи таможенных пошлин, французская промышленность избавится от неприятного конкуррента.

Вот программа, диктуемая французскими промышленниками их правительству. Из секретных документов, опубликованных в свое время Комиссариатом по иностранным делам, известно, что французское правительство всецело присоединилось к этой программе: франко-русское соглашение в феврале 1917 года обеспечило Франции согласие России не только на возвращение Эльзас-Лотарингии, но и на создание для Франции «особого положения в долине реки Саар» и на политическое отделение от Германии ее зарейнских областей.

В настоящее время ход военных действий и внутреннее положение Германии сделали эту программу близкой к осуществлению. Если не произойдет никаких осложнений, могущих навсегда разрушить замыслы французских империалистов, Германии придется проститься с зарейнскими областями, а этим всей ее промышленности будет нанесен удар, от которого она вряд ли оправится. Утрата Эльзас-Лотарингии лишит ее трех четвертей всей добываемой в Германии железной руды, что составляет две пятых общего количества руды, потребляемого ее промышленностью; присоединение же к Франции Саарского бассейна значительно уменьшит германские запасы угля. Одновременно же перед французской промышленностью откроются совершенно исключительные перспективы. Факты и цифры, приводимые в брошюре Лозовского, помогут читателю разобраться в этих вопросах и оценить последствия, которые будет иметь грядущий мир не только для судеб германской и французской промышленности, но и для мировой международной политики.

Тамарин.

ЦЫПЕРОВИЧ, Г. Задачи профессионального движения. П. Изд. Пгр. Совета Профессиональных Союзов. 1918. Стр. 74. Ц. 1 р. 25 к.

Задачи профессиональных союзов, в связи с изменившимся общим положением, стали иными. До октябрьской революции профессиональные союзы были организациями, занятыми исключительно борьбой с классом капиталистов за улучшение материального положения пролетариата. После того, как власть перешла в руки пролетариата, они естественно должны были поставить перед собой другие задачи. Формулированию и выяснению этих задач посвящена рассматриваемая брошюра.

«Вся предшествующая история профессионального движения с его огромными победами и тягчайшими поражениями воспитала в широких слоях нашего пролетариата крепкую волю к организации и привычность к быстрому схватыванию наиболее важных директив, но зато ему далеко не всегда хватало профессиональной дисциплины, выдержанности, постоянного и ровного отношения к собственным организаци-

ям» (стр. 7). Эти недостатки остались в силе и после революции. В процессе революционного строительства пролетариату России пришлось многому учиться, и все же он и теперь не создал еще таких организаций, как немецкий пролетариат. Однако, его организации обладают большей спайкой и большей силой духа и классового самосознания; благодаря этому, удалось отвоевать у капиталистов серьезные уступки и победить саботаж промышленников.

Примеров саботажа в течение коалиционного периода было очень много, и автор приводит лишь наиболее яркие из них, в роде саботажа владельцев Ликинской мануфактуры и промышленников Донецкого бассейна. «Результатом деятельности указанной группы (Дитмара, Свицына и др.) было то, что транспорт стал быстро сокращаться из-за недостатка топлива, а вслед за поражением этого основного нерва хозяйственной жизни страны началось и массовое закрытие предприятий, оставшихся без угля и антрацита, уже не по отдельным районам, а во всей стране. Вместе с тем, наступило расстройство и в передвижении продовольственных грузов» (стр. 24). С этим злом необходимо было энергично бороться, и этим занялись профессиональные союзы и заводские комитеты. В противовес саботажу предпринимательских групп, рабочие выдвинули рабочий контроль.

Автор различает два вида контроля: пассивный и активный. При пассивном контроле не затрагивается самодеятельность капиталистов, рабочие лишь наблюдают за ними и контролируют их в процессе самой работы; применение второго вида контроля—контроля активного—постепенно вытесняло капиталистов-предпринимателей из производства, заменяя их управлением рабочих. «Попытка выяснить, насколько жалобы предпринимателей на недостаток денежных средств действительно обоснованы, привели, через пассивный контроль над финансовою отчетностью предприятий, к активному финансовому контролю и к его наивысшей форме активного финансирования производства» (стр. 31). Работа контрольных комиссий на местах была объединена и оформлена декретом Советского Правительства, который указал «на усиление переходного момента от пассивного контроля к активному, подчеркнув в то же время, что распыленный контроль нуждается в своем объединении через высшие органы, т.-е. через местные Советы рабочего контроля и их съездов» (стр. 31). Разумеется, и сам декрет о рабочем контроле, и его распространенное толкование, вызвали сильнейшее противодействие фабрикантов и заводчиков. В таких условиях правительству пришлось прибегнуть к регулированию всех сторон промышленной жизни, проводимому через Советы Народного Хозяйства.

Далее, автор касается существенного изменения, которое внесла октябрьская революция в структуру профессиональных союзов.

Профессиональные союзы до октябрьской революции строились по принципу объединения по профессиям. Этот способ строительства органа обнаружил, в процессе углубления революции, свою непригодность для пролетариата. Под влиянием уроков жизни, профессиональные союзы пришли к мысли о необходимости создания союзов по производствам. В этом духе высказывается целый ряд профессиональных союзов и их совещаний. «Метод объединения по производствам успел дать такие неоспоримые положительные результаты, что речь в настоящее время может итти лишь о желательном и возможном размахе его осуществления» (стр. 46). Необходимость именно такого способа организации профессиональных союзов диктуется особенно властно задачей регулирования ими хозяйственной жизни, о чем говорит, например, резолюция Всероссийского Союза рабочих металлистов. Создавался, вследствие этой необходимости, совершенно «новый тип профессионального движения, стремящийся к организации союзов по производствам, характеризующийся делегированием представителей в различные хозяйственные центральные организации по общегосударственному контролю и регулированию промышленности» (стр. 55).

Автор приходит к выводу, что «в процессе нарастания классовых противоречий и обострения их, и западно-евро-

нейскому пролетариату придется отказаться от традиционных навыков в организационных отношениях и перейти к тому, что диктуется жизнью и что было уже испытано на примере России».

Брошюра, анализируя изменившиеся взаимоотношения в профессиональном движении, намечает новые пути классового развития не только в России, но и за границей, где они стоят на очереди дня.

Р. Арский.

АРК. А—Н. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии. (Три типа рабочего движения). М. Изд. Моск. Сов. Раб. Деп. 1918. Стр. 206. Ц. 3 р. 50 к.

Книга А—на рассчитана на массового читателя, народившегося в России после революции; автор старается быть доступным для людей, не обладающих даже элементарными сведениями по излагаемым в книге вопросам. Тем не менее, его книга может оказаться полезной не только для таких читателей, но и для читателей, уже знакомых с историей рабочего движения на Западе, так как она вполне способна помочь им освежить свои знания и систематизировать их. Автор очень удачно справился со своей задачей: его изложение в высшей степени доступно и в то же время дает ясную и верную картину изображаемого. Поэтому, его книге можно пожелать того широкого распространения, которого она вполне заслуживает.

Тем не менее, признавая все достоинства разбираемой книги, мы считаем необходимым в то же время указать на некоторые ее недостатки. Наиболее удались автору страницы, посвященные германскому рабочему движению. По поводу отдела, отведенного Франции, нам хотелось бы указать, что автор напрасно умалчивает об оппортунизме, свойственном в большей или меньшей степени всем французским социалистическим партиям и объясняемом их связями с мелко-буржуазными элементами французского народа. Без твердого усвоения этого факта читателю не будут вполне понятны причины развития синдикализма, та широкая популярность, которой он пользовался среди французского пролетариата, и исключительность тех форм, в которые вылилось во Франции чисто профессиональное по своим первоначальным заданиям движение. Напрасно также автор не указывает на начавшееся уже около 10 лет тому назад падение популярности синдикализма; отмеченная автором стремительная эволюция французского синдикализма от крайнего антипатриотизма к шовинизму была, ведь, лишь одним из симптомов его начавшегося еще до войны разложения.

Всего больше возражений вызывают страницы, посвященные Англии; здесь некоторые упущения автора прямо бросаются в глаза. Например: рассказывая о возникновении в 1883 году социал-демократической федерации, автор приписывает ей большое влияние на развитие английского рабочего движения; это не вполне верно, так как ее влияние, в связи с оппортунизмом, которым с самого начала была проникнута ее деятельность, никогда не было особенно значительным. Совершенно непонятно, почему автор ни слова не говорит о «Независимой Рабочей Партии», значение которой во всяком случае не менее велико, чем значение социал-демократической федерации. Автор нашел возможным отвести более полустраницы реформе палаты лордов в 1911 г., не имеющей непосредственного отношения к его теме,—а на ряду с этим совершенно не упоминает ни о росте стачечного движения в Англии с начала XX века, ни о всеобщей стачке железнодорожников в 1911 году, ни о знаменитой забастовке углекопов в 1912 году, повлекшей за собой издание закона о минимуме заработной платы,—закона, отметившего, по выражению одного из членов палаты лордов, новую эпоху в жизни Англии. XX век принес Англии углубление классовых противоречий и обострение социального вопроса. Это совершенно не отмечено автором и не отразилось на общей характеристике, даваемой им английскому рабочему движению.

Автор ставит своей задачей не только изложить историю рабочего движения, но и подчеркнуть характерные черты этого движения в каждой из намеченных им для изучения трех стран, очертить три разные типа движения... В обрисовке этих типов он в общем

придерживается известной схемы, данной Зомбартом в его книге «Социализм и социальное движение», объясняя, в отличие от Зомбарта, различие этих трех типов не особенностями национального характера этих трех народов, а особенностями экономического развития их стран. Схема довольно верно передает действительность, поскольку это относится к XIX веку, но XX век принес с собою ряд фактов, заставляющих внести некоторые оговорки и дополнения в эту схему. Дело в том, что с начала нового столетия с особою силою стали проявляться новые тенденции, смягчающие особенности национальных типов рабочего движения и приближающие их друг к другу.

Характерную черту английского рабочего движения автор усматривает в тред-юнионизме, понимаемом им, как предпочтение экономической борьбы с капиталистами политической борьбе против капиталистического строя и как отсутствие стремлений к социализму. Такая характеристика английского движения вполне правильна по отношению ко второй половине XIX века, но, поскольку она касается XX века, постольку она нуждается в дополнении, так как в это время в английском рабочем движении появились существенно новые черты: стремление к созданию вполне самостоятельной политической партии пролетариата, рост влияния социалистических организаций и усвоение социалистических идей широкими слоями английского пролетариата. В оговорках нуждается и характеристика, даваемая автором французскому движению. Отмечаемый автором революционизм более характерен для его прошлого, чем для настоящего; отсутствие же необходимых в этом отношении оговорок может вызвать у читателя неразрешаемый автором вопрос, куда же пропал революционизм французского движения в дни войны. От другой характерной черты—анархического синдикализма—рабочее движение во Франции также начало на наших глазах избавляться. Равным образом, есть основание предполагать, что умеренность, нереволюционность перестает быть отличительной чертой германского рабочего движения.

Национальные особенности борьбы между трудом и капиталом в той или другой стране, как и всякие вообще национальные особенности, соответствуют различиям в ходе экономического развития отдельных стран. Развивающийся капитализм, разрушая рамки национальной обособленности, сглаживает различия в национальных типах рабочего движения. Это ясно сказалось на его истории в XX веке, и можно пожалеть, что автор не уделил этому внимания.

В конце книги читатель найдет указатель русской литературы по истории рабочего движения в Западной Европе; автор перечисляет не только книги и брошюры, но и некоторые журнальные статьи. Относительно полезности такого указателя не может быть, конечно, двух разных мнений. Жаль только, что автором остались неотмеченными некоторые книги, отсутствие которых в его указателе малопонятно: таковы, например, мемуары Бебеля, труды Дюбрейля о коммуне и Мильо о германской социал-демократии, книга Коллонтай «По рабочей Европе» и др.

Все наши замечания отнюдь не имеют в виду умалить значение разбираемой книги. Как мы уже говорили, последняя, несмотря на указанные недочеты, должна быть признана весьма полезной и нужной. Хотелось бы только, чтобы, если ей суждено выйти вторым изданием, в нее были внесены необходимые изменения и дополнения.

Б. Павлов.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО. Орган Высшего Совета Народного Хозяйства. № 11. М. 1918. Ц. 5 р.

Вышедший на-днях № 11 журнала «Народное Хозяйство», посвященный истории возникновения и обзору работ В. С. Н. Х. за минувший год, интересен, даже для широкой публики, как по содержанию заключающегося в нем материала, так и с внешней стороны.

Истории возникновения В. С. Н. Х., участию в этом деле центрального совета фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов посвящены интересные воспоминания Ларина, Арского, Чубаря, Шмидта и Оболенского.

Особенно отметим статью Ларина, где в сжатой, но вместе с тем обстоятельной

форме очерчена работа В. С. Н. Х., сначала еще так не называвшегося, состоявшего из нескольких лиц, ютившихся «в маленькой грязной комнатенке № 36 Смольного Института» и лишь мечтавших о создании единого органа, который ведал бы хозяйственную жизнь страны. Но вот мечты начинают конкретизироваться, оформляться в виде экономического отдела Ц. И. К., начинают намечаться программы деятельности, создаваться «Главки» (первым был «Главкож», созданный Антиповым), подписывается, наконец, положение о В. С. Н. Х. Проводятся постепенно пункты программы Ларина, напечатанной 18 ноября 1917 года в «Известиях», в которую входило «прежде всего, создание государственных трестов, обнимающих производство сырья, средств производства, предметов первой необходимости с устойчивым массовым потреблением (материи, обувь и проч.), судоходство и прочие транспортные средства и банки». На этом пути — составления конкретных производственных програм целой отрасли, В. С. Н. Х. обгоняют, сначала, другие организации (петербургский Совнархоз — для металлической промышленности Петрограда, Главсахар— для свекловичного и сахарного производств). но тем энергичнее начинает действовать и В. С. Н. Х., сначала довольно медленный и неповоротливый. В общем, статья т. Ларина наглядно показывает, как опубликованная им программа пункт за пунктом, шаг за шагом претворялась в жизнь, — показывает, что «производившаяся советской властью за этот год работа по подготовке экономического устроения всей страны вовсе не была совершенно случайной, бессистемной и определявшейся внешними обстоятельствами...».

Из прочего материала рассматриваемого номера нельзя не остановиться на чрезвычайно интересной, снабженной любопытнейшим цифровым материалом, статье т. Ломова: «Год борьбы и народное хозяйство».

Констатируя хорошо известный для экономиста, но мало знакомый обыкновенному читателю факт разложения народного хозяйства Россия задолго до октябрьского переворота, т. Ломов иллюстрирует это положение цифрами. Оказывается, что добыча каменного угля, равнявшаяся в 1916 году на юге России 1.373 миллионам пудов, в 1917 году пала до 1.139 миллионов пудов, производство железа и стали за это время упало с 21.741 тысячи пудов до 16.507 тысяч пудов, или на 24,1%, производство чугуна сократилось на 17% и т. д. Параллельно с сокращением производства шло закрытие фабрик и заводов; так, «с 1-го марта по 1-е августа 1917 года по всей России закрылось 568 предприятий с общим числом рабочих более 100 тысяч человек. При этом,—по сообщению Ломова,—если в марте закрылось 74 завода с 6.646 рабочими», то в июле уже 206 заводов с 47.754 рабочими».

Совершенно естественно, конечно, «что октябрьская революция не только не могла сразу справиться с этим развалом, но с неизбежностью в первое время должна была его увеличить». Переход производства на работу мирного времени,—демобилизация промышленности, — переход, совершавшийся в атмосфере полной экономической разрухи, осложняемый острым недостатком в денежных средствах, когда на многих заводах рабочие не получали заработной платы в течение 2—3 месяцев, продовольственные затруднения, невероятная изношенность машин и т. п. — все это способствовало новому значительному падению производительности труда. В этом отношении особенно характерны ноябрь и декабрь 1917 года и январь 1918 г.

«Но уже во второй период, начиная с февраля, процесс дальнейшего падения производительности труда или задерживается, или начинает сменяться новой тенденцией—к поднятию производительности его». Этот процесс замечается чуть ли не на всех заводах по разным отраслям промышленности. Например, производительность сталелитейного цеха Коломенского завода поднялась в апреле по сравнению с январем на 17%, в гидро-прессовальном— на 40%; на Катав-Ивановском уральском заводе средний суточный выход чугуна равнялся в январе—4.723 пуд., феврале—4.794, марте—4.761 п., апреле—5.000 п.; завод Гартмана в Луганске, вместо трех паровозов, выпускавшихся осенью, выпускает в марте—13.

«По данным рабочего правления национализированных Брянских заводов, в 13 году, при наличности 1.200 рабочих, было выпущено 200 вагонов, в 16 г. при 2.000 рабочих—300—350 вагонов, в 18 г. за сентябрь при 600 рабочих было выпущено 100—120 вагонов». То же явление наблюдается в текстильной промышленности: Ростокинская красильно-аппретурная фабрика (быв. В. Ферман) уже к 1 марта дала более 300 тысяч рублей чистой прибыли. Ставровская мануфактура (бывш. Р. Божанова), пущенная в ход М. Р. Э. К. 19 февраля 1918 года, на 1-ое августа 1918 года дала 1.337.260 руб. 84 к. чистой прибыли и т. д. Нельзя не признать, что в подобных цифрах «процесс поднятия производительности труда за последние месяцы сказывается чрезвычайно ярко».

Желающих ознакомиться с этим вопросом более подробно мы должны отослать к названной статье Ломова, а также к более подробным и специальным обзорам, помещенным в том же номере рецензируемого журнала и посвященным металлической и текстильной промышленности, а также деятельности Брянского и Волжско-Камских государственных химических заводов.

Разбираемый № журнала издан прекрасно даже с точки зрения довоенного времени и снабжен художественно исполненными портретами В. И. Ленина и главных деятелей В. С. Н. Х.

S.

История.

СТЕКЛОВ, Ю. Интернационал (1864—1914). В трех частях. Ч. I и II. П. Изд. Пгр. Совета Р. и К. Деп. 1918. Стр. 176 и 95. Ц. 4 р. 80 к. и 2 р. 25 к.

Нельзя не приветствовать появления на книжном рынке названной книги Ю. М. Стеклова: она весьма своевременна. Интернационализм у всех на устах, но, по отсутствию соответствующей литературы, далеко не все имеют ясное представление о нем, о неизбежной его связанности с социализмом; далеко не все знакомы с историей Интернационала, международной организации, воплотившей идею братства трудящихся в форме «международного товарищества рабочих», сыгравшего огромную роль в развитии социалистического движения во всех странах Старого и Нового света.

На русском языке имеется книга Іекка *об Интернационале, но он* касается лишь истории первого Интернационала с 1864 по 1872 год, не говорит о предшественниках Интернационала, не рассказывает ни об анархическом, ни о втором Интернационале.

Ю. М. Стеклов же поставил себе задачей изложить возможно объективнее историю Интернационала от возникновения его до 1914 г., т.-е. до начала продолжающейся и сейчас мировой войны, прервавшей на неопределенное время и деятельность и существование международной организации пролетариата.

Первая часть работы Ю. М. Стеклова под названием: «Первый Интернационал (1864—1872)», после теоретического вступления, выясняющего неизбежную связанность социалистических устремлений с интернационалистическими идеями, рассказывает о предшественниках Интернационала, из которых автор особенно останавливает внимание читателя на организованном в 1844 г. проживавшими в Лондоне немецкими, польскими и итальянскими эмигрантами союзе «Братских Демократов». Союз определял свою цель, как «взаимное просвещение членов и пропаганду великого принципа, содержащегося в девизе союза: «все люди—братья». Союз отвергал политическое неравенство, частную собственность на землю с ее естественными богатствами, также слово «иностранцы». Союз избирал правление из представителей всех наций, входящих в него. Как по идее, так и по форме организации союз «Братских Демократов» являлся предшественником Интернационала.

Далее Ю. М. Стеклов рассказывает, как, после нескольких встреч депутаций

французских рабочих-прудонистов с английскими рабочими, положено было в 1864 г. в Лондоне начало «Международному Товариществу рабочих», проект и устав которого были выработаны представителем немецких рабочих «доктором Марксом»». Время благоприятствовало товариществу: капитализм быстро развивался—рос и пролетариат; политическая жизнь Европы становилась оживленной. Один за другим следовали конгрессы и конференции Интернационала, на которых ставились и разрешались различные вопросы, встающие перед социалистической мыслью, и приводились в систему положения социализма. Интернационал не ограничивался одной теоретической работой и принимал участие в стачках рабочих, оказывая бастующим и моральную, и материальную поддержку. Значение его росло, пока установившиеся условия—экономические и политические—жизни Европы не показали, что ближайшее будущее будет временем расцвета капитализма, что социальной революции должна предшествовать большая, серьезная работа рабочего класса—образование политических партий пролетариата, создание в лоне буржуазного строя, путем будничной борьбы, человеческих условий жизни для трудящихся и т. п.

Но политики чурались, как умеренные и робкие прудонисты, так и пылкие последователи Бакунина, верившие в возможность немедленного социального переворота. Так, в силу и внешних условий, ставших особенно тяжелыми после разгрома Парижской Коммуны, и вследствие внутренних трений и несогласий, первый Интернационал распался, выражая надежду в последнем своем воззвании, что «более благоприятные условия опять соберут рабочих всех стран под общее знамя борьбы, и вновь, с еще большей силой, раздастся клич:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Вторая часть работы Ю. М. Стеклова: «Анархический Интернационал (1872—1881)», посвящена истории той международной организации, которую создали отпавшие от первого Интернационала на Гаагском конгрессе анархисты.

Ю. М. Стеклов изображает рост этой организации, опиравшейся, главным образом, на Юрскую федерацию в Швейцарии и на рабочие союзы Бельгии, Испании, Италии. Автор внимательно прослеживает развитие анархической теории, приведшей сначала к практике искусственных бунтов, не поддерживаемых массами, позже к «революционной химии», т.-е. к покушениям на отдельных представителей власти и капитала. Это вырождение анархического Интернационала шло по мере отпадения от него рабочих организаций Бельгии, Италии и др. стран, которые самой жизнью принуждались к политической борьбе.

Заканчивает Ю. М. Стеклов 2-ю часть своего труда рассказом о международном социалистическом съезде в Хуре, созванном по инициативе бельгийских социалистов в октябре 1881 г. Съезд этот предвещал создание в недалеком будущем второго Интернационала.

Истории 2-го Интернационала (1889—1914) и имеет быть посвящена третья часть книги Ю. М. Стеклова, выхода которой в свет мы ждем нетерпеливо.

А. Б—ский.

КЕРЖЕНЦЕВ, В. Революционная Ирландия. М. Изд. Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., С., К. и К. Депутатов. 1918. Стр. 234. Ц. 5 р.

Его же. Борьба за землю и волю в Ирландии. П. «Книга». 1917. Стр. 47. Ц. 90 к.

Книга В. Керженцева «Революционная Ирландия» заполняет крайне существенный пробел в нашей исторической литературе. До сих пор русский читатель мог ознакомиться с революционным движением в Ирландии или по краткому изложению, которое дал профессор Афанасьев в своей книге «История Ирландии», или по в значительной степени устаревшим материалам и затерявшимся на страницах журнала «Мир Божий» за 1904 и 1905 гг. очеркам проф. Тарле по истории Ирландии в XIX веке.

С выходом книги В. Керженцева мы имеем обоснованную по первоисточникам историю ирландского революционного движения в XIX столетии. Изложение автора основано на документах и свидетельствует о том, что им положено

немало труда на усидчивое изучение сырого исторического материала: воспоминаний, парламентских документов, протоколов, отчетов о судебных процессах и т. п. Часть использованного автором материала до него почти не привлекала внимания исследователей. Работа В. Керженцева увенчалась успехом не только в том смысле, что на некоторые вопросы ему удалось пролить новый свет, но и в том, что ряд исторических лиц и событий в описании Керженцева находят себе совершенно новую, отличную от установившейся оценку; в этом отношении большую услугу автору оказал применяемый им с чрезвычайным уменьем и тактом историко-материалистический метод. Автор доводит изложение истории ирландского революционного движения до самого последнего времени, наглядно показывая читателям, что ирландский вопрос в наши дни стоит перед Англией такой же неразрешимой задачей, как и сто лет тому назад. В этом отношении книга В. Керженцева имеет не только историческое, но и актуальное значение.

На страницах введения автор знакомит читателей с сущностью ирландского вопроса, выясняет, почему в этом вопросе интересы Ирландии и господствующих классов Англии непримиримо противоположны друг другу, и вкратце излагает развитие ирландского революционного движения до XIX века. Более подробное изложение событий автор начинает с 20-х годов этого века, описывая деятельность «Католической ассоциации», тайного общества «Риббонитов», «рипилеров» и организованной представителями «Молодой Ирландии» «Ирландской конфедерации», предпринявшей в 1848 году неудачную попытку поднять восстание. Далее автор рассказывает о «фенианском братстве» и его деятельности, выясняя, что главной причиной неудачи «братства» был его заговорщический и интеллигентский характер и стоящее в связи с этим неумение фениев учесть в достаточной степени важность социальных требований ирландского крестьянства, значение, которое может иметь для развития революционного движения постановка в порядок дня земельного вопроса.

Ошибка фениев была исправлена организованной в 1879 году «Земельной лигой». Деятельность лиги подробно разбирается на страницах книги В. Керженцева, равно как и деятельность Парнелля, в котором автор видит не революционера, а «конституционалиста, пользовавшегося порой и революционными средствами». Автор оспаривает правильность установившегося в исторической литературе взгляда на Парнелля, преувеличивающего его значение в истории ирландского революционного движения. С документами в руках автор доказывает, что Парнелль часто только «плелся в хвосте событий», и что ему были совершенно чужды интересы низов ирландского народа, вследствие чего он долго колебался в своем отношении к деятельности «Земельной лиги» и противился начатой Дэвитом агитации среди ирландских рабочих, заявляя, что по осуществлении гомруля он не допустит в Ирландии ни рабочего движения, ни социалистической пропаганды. Доказательства, приводимые автором в подтверждение своего взгляда на Парнелля, представляются весьма убедительными и заставят с большой осторожностью относиться к принятым до сих пор оценкам.

С значительным интересом читаются главы, посвященные национальному возрождению Ирландии в конце XIX и в начале XX веков и ее судьбам во время мировой войны. Жаль только, что автор так скуп на подробности при изложении развития рабочего движения в Ирландии: русские читатели так мало знакомы с этим вопросом. Много подробностей дают страницы, посвященные восстанию 1916 года. Автор отмечает неправильность укоренившегося взгляда, приписывающего главную роль в этом восстании шин-фейнерам и обязанного своим происхождением тому, что недостаточно осведомленная в ирландских делах английская печать объединила в понятии «шин-фейнер» самые разнообразные общественные элементы Ирландии. Организация шин-фейнеров лишь после восстания, в связи с теми репрессиями, которые оно вызвало со стороны английского правительства, стало играть руководящую роль в ирландском движении. Крутые

меры, при помощи которых было подавлено восстание, и жестокая расправа, которой подверглись со стороны английского правительства побежденные, сделали чрезвычайно популярными в стране идеи, которыми руководились повстанцы, а это в свою очередь обусловило полный провал всех попыток Ллойд-Джорджа найти какое-либо компромиссное решение ирландского вопроса. Неудача, постигшая бойкотируемый шин-фейнерами конвент, задачей которого было выработать для Ирландии новую конституцию, является в этом отношении не менее показательной, чем противодействие, встреченное правительством при его попытках распространить на Ирландию закон о всеобщей воинской повинности и заставившее правительство отказаться от этой попытки. Все это, вместе взятое, привело к тому, что в наши дни революционное движение в Ирландии достигло давно уже небывалого напряжения.

Автор заканчивает свою книгу выражением уверенности, что участь Ирландии получит окончательное разрешение лишь в связи с «грандиозными социальными и политическими катастрофами, которые отметят трагическую эпоху первой четверти XX века». Брошюра «Борьба за землю и волю в Ирландии» посвящена, главным образом, деятельности фениев и «Земельной лиги». Изложение, как и в «Революционной Ирландии», доведено до последнего времени. Брошюра рассчитана на малоподготовленного читателя и написана достаточно доступным языком. Поскольку это возможно на 47 страницах, автор знакомит читателей с героической борьбой, которую ирландскому народу пришлось вести за свое освобождение в XIX и XX столетиях.

Тамарин.

СТЕПАНОВ, И. Жан-Поль Марат и его борьба с контрреволюцией (1743—13 июля 1793 г.). П. Изд. Петроградского Совета Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 31. Ц. 40 к.

Та же брошюра. М. Изд. 3-е, вновь пересмотренное. «Коммунист». 1918. Стр. 32. Ц. 60 к.

Имя Марата, одного из величайших деятелей Великой Французской Революции, издавна стало синонимом слов: изверг, кровопийца и др. подобных. Был ли Марат на самом деле таким чудовищем, жаждущим человеческой крови, каким его изображает большинство историков революции? На этот вопрос дает почти исчерпывающий ответ И. Степанов в названной в заголовке брошюре, составленной отчасти по материалам труда Генриха Кунова: «Борьба классов и партий в Великой Французской Революции 1789—1794 г.». Оказывается, что Марат отнюдь не был лично жестоким человеком, он не раз спасал аристократов от самосудов разъяренных толп парижан. Но он убежденно писал в своем «Друге Народа», что для того, чтобы спасти Францию от несчастий внешней и внутренней войны, приносящих тысячи смертей, достаточно во время отрубить 500 преступных голов и т. п.

Но откуда же тогда репутация Марата, как кровожадного зверя? Эта легенда, созданная о нем французской буржуазией, ненавидевшей его, как самого ярого, самого последовательного защитника интересов подлинного народа—трудящихся, а не того народа, который включает в себе промышленников, купцов и всех к ним прикосновенных многочисленных тунеядцев.

Из всех своих современников Марат наиболее близко подходил к уразумению классовой борьбы. Он понимал, что «во всех государствах граждане разделены на несколько классов с различными интересами, и, может-быть, эти классы обособляются друг от друга не только неравенством своего положения и собственности, но и различиями своего воспитания, своих предрассудков, склонностей, обычаев, всем образом своей жизни. «Я говорю (писал Марат) о дворянстве, духовенстве, чиновничестве, финансистах, состоятельных гражданах и бедноте, т.-е. о господствующих слоях, с одной стороны, и угнетаемой массе—с другой». И вот, Марат, с самого начала революции определенно выявил себя защитником этой угнетенной массы. Он был чужд идолопоклоннического отношения к народному представительству и народным избранникам и утверждал, что народ должен постоянно следить за действиями депутатов и немедленно лишать их депу-

татского звания, если они идут против его требований. Марат вел ожесточенную борьбу против ценза, который лишал избирательных прав три четверти населения Франции. Он ополчался против постоянной армии, которая легко превращается в орудие угнетения народа. Он требовал суровых мер против спекулянтов, высокого налога на богатых, обеспечения хлебом нуждающегося голодного населения и т. п. Вот, эта его борьба за интересы трудящихся масс населения и сделала его ненавистным буржуазии. Буржуазия и создала Марату репутацию полусумасшедшего маниака, почти садиста, без конца жаждущего крови. Эту злостную легенду и разрушает книжка И. Степанова. И перед нами вырастает иной образ—великого и страстного народолюбца.

Изданы брошюры более или менее удовлетворительно. Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов по внешности лучше, но за недостаток надо счесть напечатание последней страницы на обложке.

А. Б—ский.

Искусство.

ЗАЛЕВСКИЙ, К. Искусство и пролетариат. М. Изд—ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., Кр., Солд. и Каз. Деп. 1918. Стр. 48. Ц. 2 р. 50 к.

В разрез с вульгарным пониманием пролетарского искусства, как чего-то такого, что «зачеркивает» всю историю искусства, покойный тов. Залевский в своей небольшой, но содержательной брошюре рассматривает грядущее пролетарское искусство, как последнее звено в цепи целого ряда культурно-исторических эпох.

Буржуазная культура выродилась: «последним сильным течением в искусстве буржуазной эпохи является натурализм и его разновидность—светлый, жизнерадостный, полный движения импрессионизм». На смену идет пролетарское искусство, которое «может быть только строго классовым»; но пролетарское искусство Залевский мыслит лишь, как этап по пути развития социалистического искусства, искусства будущего, которое «будет по своему характеру общечеловеческим».

Какие же черты будут отличать это искусство переходного периода? Оно отражает психические особенности, присущие пролетариату, как классу в его целом: общественность, международная классовая солидарность, организованность, подвижность (динамизм), бодрость, революционность и т. д. Искусство это еще в зародыше, и его творцами являются, главным образом, профессионалы-художники, выходцы из буржуазной среды, охваченные мощью пролетарского движения. И автор делает общий обзор его отдельных проявлений в разных странах,—начиная с колыбели пролетарского искусства—Бельгии (К. Мэнье)...

Для иллюстрации авторского анализа некоторых ярких образцов пролетарского искусства, к брошюре приложено несколько недурных репродукций.

В. Б.

ЖЮЛЬЕН **ТЬЕРСО**. Празднества и песни французской революции. П. «Парус». 1918. Стр. 254. Ц. 4 р.

Книга Тьерсо говорит, главным образом, «о славных десяти годах первой революции». Автор излагает перед нами возникновение революционной песни и революционной музыки, их роль на празднествах революции, их значение,—равно как и значение их празднеств вообще,—их влияние на массы. Историю развития этой героической музыки шаг за шагом сопровождает описание соответствующих исторических событий, и мы видим, как пафос восстания сплетается с пафосом прославляющей восстание музыки.

Живо описанные, проходят перед нами праздники федерации, празднества в честь Разума, в честь Верховного Существа, мы узнаем, как зародилось знаменитое «Ça ira», Карманьола, Марсельеза.

Автор дает обстоятельный очерк тогдашних мастеров музыки, их школ,

внесенных ими в технику их искусства изменений. Но главное внимание его сосредоточено не на чисто музыкальном разборе произведений того времени, а на самом переживании музыки ками, на значении музыки в столь значительные мгновенья жизни народов.

Именно музыке свойственно более других искусств передавать религиозность, религиозное отношение, горенье, пламененье человека к своему божеству. Именно музыка и способствовала укреплению религиозного поклонения французской нации революции и свободе. Революционный праздник носил характер мессы, и великое братское переживание всех со всеми рождалось общими гигантскими хорами, где голоса, сливаясь, сливали и души.

Кроме чисто исторического интереса, эта книга имеет и интерес показательный: приводимыми ею примерами она учит нас великому значению гражданских праздников и подсказывает мысль, что можно и должно было бы ввести на уже зарождающихся народных празднествах возможно большее участие толп в музыкальных исполнениях. Книга Тьерсо написана живым, увлекательным языком, она полна интересных сцен и чисто французской экспансивности и восторженности. Но сквозь личную манеру автора видишь, что всенародный музыкальный восторг хоров, действительно, имел место, и что, если французская революция была самой жестокой, то она была и самой чувствительной.

Книга дает также указания и по поводу интересного симфонического и хорового музыкального материала, с тех пор почти не использованного.

Книга Тьерса может быть рекомендована музыкальным секциям и отделам.

Издана она хорошо и стоит, в соответствии с объемом, недорого.

В. С.

МЕЛОС. Книга о музыке, под редакцией Иг. Глебова и П. Сувчинского. II сборник. П. 1918. Стр. 159. Ц. 10 р.

Помещая в первом номере «Вестника Жизни» свой отзыв о первой книге «Мелоса», мы писали, что с нетерпением ждем следующих книг. Но вот перед нами лежит вторая книга, и мы— в некотором недоумении: писать ли о ней и вообще о подобных книгах в нашем журнале или лучше проходить мимо. Что же вызвало эти недоумения? Постараемся разъяснить. В сборнике, изданном с прежней тщательностью, на ряду со строгой и серьезной работой А. Самойлова («Натуральные числа в музыке»), разбирающей акустические особенности Скрябинской гармонии, помещены «Предчувствия» В. Гиппиуса и статьи А. Кастальского. Вот эти-то последние произведения, в связи еще со статьей В. Беляева об Академии Музыки, и навели нас неожиданным образом на грустные размышления.

Нам кажется таким — направление работ сотрудников «Мелоса» (да, впрочем, и не только «Мелоса»): где-то там, за стенами их кабинетов происходят революции, где-то там создается новая жизнь, в корне меняющая весь строй государства, но... это—там; их же задача — не видеть этих революций, их стремление—не замечать новой жизни. «Мы далеки от злободневности»—очевидно, хотят своими работами сказать сотрудники «Мелоса». Увы,—не только от злободневности, но и от жизни. Говорят, что в музыке революции не произошло,—да, это глубоко верно. Вы просмотрите этот номер сборника, вышедший в 1918 году,—вы не найдете ни одного следа жизни этого года. Тут, например, рассуждения о необходимости Музыкальной Академии (обычного для таких заведений образца)—чисто буржуазного заведения; и это тогда, когда, к величайшей радости передовых людей науки и искусства, уничтожается старая Академия Художеств и на очереди уничтожение Академии Наук. Всем известны — деятельность этих учреждений (в особенности первого, второе все же приносило некоторую пользу) и лица, пользующиеся почетным и привиллегированным званием академиков. Представители типичнейшей схоластики, поборники реакции в искусстве, или, что еще хуже,—либералы от искусства, противники (и какие горячие противники!) всего истинно-нового в искусстве—вот кто носил звание академика. Слава Богу, музыка этого избегла в прошлом: но кабинетные люди, смотрящие на все происходящее на улице через стекло окна,—не успокаи-

ваются на этом и строчат о необходимости таких учреждений, и даже присовокупляют свои сожаления о том, что в наше время это невыполнимо, ибо нет—«истинной свободы духа в принявшихся за «созидательную» работу... массах». О, да, конечно: устройство привиллегированных учреждений и есть «истинная свобода духа», а уничтожение их—темная несознательность масс. Но, к счастью, не все одинаковых взглядов с В. Беляевым на происходящее сейчас в жизни и искусстве.

Другая статья, заставившая нас недоумевать, написана А. Д. Кастальским и вся направлена на апологию церковного пения. Вполне понятно, что композитор, посвятивший почти все свое творчество этой стороне музыки, защищает свое дело, хотя и отстает этим от настроений масс (рабочих и крестьян),—что, впрочем, понятно, если принять во внимание почтенный возраст композитора. И все же, даже принимая и это во внимание, невольно хочется задать вопрос—ведь А. Д. Кастальский много изучал народную песню и писал о ней,—почему ни одной строчки не посвящено в сборнике ей? Теперь, когда все, и в особенности проснувшийся к жизни пролетариат интересуется народной песней, хоровым ее исполнением; когда народная песня входит в преподавание музыки в Единой Школе, как основа преподавания,—почему теперь не посвящено ей ни строчки, а все внимание обращено, пускай даже и на народное, но становящееся все более и более чуждым самому народу—церковное пение? До сих пор нет ни одной книги о музыке фабричной,—например, о частушках, заклейменных, наоборот, печатью позора, весьма, как теперь выясняется беспристрастным анализом, незаслуженно.

Наконец, в сборнике помещены писания В. Гиппиуса, писания «эстета с хризантемою в петлице», буквально ни к чему не обязывающие читателя, да, впрочем, и самого эстетствующего писателя. Эти «Предчувствия» были бы весьма кстати «Золотому Руну», журналу эстетствующего купца Рябушинского, издававшемуся в начале этого столетия, в пору всеобщего увлечения эстетизмом; теперь они запоздали. Но Бог с ними, дело не в них. Грустно. Грустно, что до сих пор искусство остается достоянием немногих избранных; что до сих пор нет ни одной книги по искусству **для всех**, ни одного журнала по искусству (в частности, по музыке), лишенного специфического буржуазного оттенка. Это не значит, что нужно писать книги и статьи так называемым «народным» языком (которого, кстати сказать, народ и не понимает), нет — необходимо просто оглянуться на происходящее, расслышать биение подлинной жизни, проникнуться сознанием необходимости полного переворота в искусстве так же, как проникнулись сознанием необходимости полного переворота в жизни—коммунисты. Необходимо говорить об искусстве, воспитывать в искусстве—его истинном понимании и творческом постижении—всех, а не только молодых людей, потягивающих «гаванну» перед пылающим камином.

Таковы те недоумения, которые, быть-может, неожиданно, были вызваны второй книгой «Мелоса».

Г. Щет.

Художественная литература.

СТЕКЛОВ, Ю. Поэзия революционного социализма. Певцы трудового царства во Франции. II. «Жизнь и Знание». 1918. Стр 108. Ц. 2 р. 60 к.

Книга Стеклова посвящена французским певцам рабочего класса. В нее, по словам автора, вошли сравнительно очень немногие, но и тех, о которых упомянуто, достаточно, чтобы понять общий нерв, основной дух произведений этих певцов: это дух протеста против современного строя и против войны. Антимилитаристическая пропаганда, которая звучит у большинства разбираемых Стекловым поэтов, и послужила, как говорит автор, поводом для напечатания этой, написанной еще до войны, брошюры—теперь, когда стре-

мление к миру охватывает и должно охватывать все большие массы.

В самом начале брошюры автор выясняет тот вид художественного творчества, к которому принадлежат помещенные здесь произведения: это по преимуществу песни, «chansons», пришедшие на смену старой буржуазной шансонетке, которая ныне выродилась вместе со своими создателями. Эти песни—достояние улицы, она их арена, она дарит их славой или забвеньем. Авторы, чаще всего, исполняют их в кабачках и кафе-шантанах, и песни тут же запоминаются, подхватываются и разносятся слушателями.

Стеклов начинает свой обзор с 30-х и 40-х годов XIX века и кончает современностью. В творчестве поэтов, писавших до «ужасных катастроф июня 1848 года и мая 1871 года», мы видим существенное отличие от последующих: в первых еще очень много сентиментальности, неопределенных лозунгов, мистицизма, жалости к «униженным и оскорбленным», как, например, у видного певца своей эпохи—Пьера Дюпона. Но поэзия, созданная Коммуной и Интернационалом, носит совсем иной, решительный, боевой, стальной характер, она полна отражением пожаров, жестоких схваток, борьбы не на жизнь, а на смерть, и все возрастающей верой в пролетариат. Таково творчество Эжена Вермеша и Потье—автора «Интернационала», создавшего еще целый ряд прекрасных, сильных стихов, отрывки из которых, переведенные на русский язык, имеются в книге Стеклова. Затем перед нами проходит Клеман, также в отрывках, интернационалист Шарль Келлер, далее, после 80-х годов, певцы социализма, вышедшие уже из среды самого пролетариата, и ряд интеллигентов, принявших учение о великой социальной революции. Среди певцов этой эпохи Стеклов особенно выделяет Мориса Буке и иллюстрирует сказанное об его творчестве образцами из его «Красных песен», перевод одной из которых прекрасно сделан А. В. Луначарским. Затем следует Брюан, хотя и не проникшийся по-настоящему идеями рабочего класса, но все же затронутый в своих стихах «дыханьем социалистической благодати», несколько сантиментальный Ксавье Прива и великий сатирик Жюль Жуй, с еог популярнейшим стихотворением «Дочь рабочего». В связи с делом Дрейфуса, выросло антимилитаристическое течение и увлечение революционным синдикализмом. Теперь мы видим уже не поэтов-одиночек. Они обфазуют организацию: «Красную Музу». В поэтах этого времени есть много неопределенно бунтарского, анархического. Среди них Стеклов выделяет Гастона Куте и Гастона Монтегюс. Первый, особенно известный своими страстными выступлениями против войны, бедствия которой он описывает простым, но жгучим языком; второй — писавший в том же духе и имевший колоссальный успех, благодаря своей особенной дерзости, смелости и уменью увлекать толпу.

Автор не преувеличивает художественного значения разбираемых им певцов: он не скрывает от читателя, что они далеко не могут быть признаны безупречными художниками, несмотря на живость, остроумие, звучность их песен. Но не художественные достоинства отводят французским певцам рабочего класса видное место в картине 19-го и 20-го века во Франции: их песни полны трепетом сегодняшнего дня, его острейших мук и упований, в них бьется живое сердце коллектива: и автор справедливо замечает, что они имеют громадное значение, ибо нашли простой и безхитростный путь к сердцу французского рабочего, сумели потрясти его, зажечь огнем новых социальных идеалов.

В книге дан ряд стихотворных переводов разбираемых произведений, но все они — за исключением переводов А. В. Луначарского—мало удачны и не дают представления о художественной форме подлинника.

Издана книга по типу популярных брошюр, а не художественных изданий.

В. С.

ЗАВОД ОГНЕКРЫЛЫЙ. Сборник пролетарских поэтов. М. Изд. М. Пролеткульта. 1918. Стр. 78. Ц. 2 р. 50 к.

КИРИЛЛОВ, В. С т и х о т в о р е н и я. П. Изд. Пролеткульта. 1918. Стр. 48. Ц. 1 р. 50 к.

ПОМОРСКИЙ, А. Цветы восстания. II. Изд. Пролеткульта. 1918. Стр. 31. Ц. 1 р

Наше время поставило перед трудящимися массами огромную, необъятную задачу, задачу создания новой пролетарской культуры, в частности—новой пролетарской поэзии. О пролетарской поэзии много пишут и еще более говорят; на страницах журналов и газет, в лекциях, в частных беседах эта тема затрогивается многими, обсуждается с самых различных сторон; со страстью, с ожесточением спорят о том, что такое пролетарская поэзия, каковы ее основные черты, можно ли то или другое поэтическое произведение назвать пролетарским и т. п. Вполне понятно, что под плодотворно-возбудительным воздействием этой атмосферы, насыщенной предчувствиями и чаяниями, молодые поэты, принадлежащие к трудящимся массам, проникаются пламенным желанием—в безупречной чистоте и глубине отпечатлеть, в своих стихах, пролетарский дух—дух грядущей культуры. Но как раз на этом пути их подстерегает опасность.

Представим себе художника, стоящего перед огромным полотном только что начатой им, лишь смутно вырисовывающейся перед ним картины. Этот художник-пролетариат, создатель нового искусства, ныне лишь приступающий к работе. Рядом с ним стоит его опытный советник и друг—теоретик революционного социализма; он говорит художнику: «Зная тебя, я могу предсказать безошибочно, что твоя картина будет проникнута идеалами трудового коллективизма, что она будет мужественно-бодра по настроению, синтетически-смела по рисунку, пламенно-ярка по краскам». Но вот художник берется за уголь и начинает набрасывать на полотно очерк картины, все более отчетливо выступающий в его воображении. Работает ли он на основании слов своего друга? Конечно, нет. Он пишет то, что он видит, воплощает в картину самого себя, не заботясь ни о каких предписаниях и правилах (каких, впрочем, и не предлагал ему его друг),—и именно потому осуществляет с буквальной точностью предсказание теоретика. Этот художник—фигура собирательная; его слагают десятки и сотни художников-пролетариев, в раздумьи стоящие ныне перед своими полотнами. Если о собирательном гиганте-художнике можно сказать с достоверностью, что его-то картина, созданное им новое искусство уж, конечно, будет пролетарским, то каждый из слагающих его отдельных художников (художников кисти, резца, слова, звука, сцены) может, — быть-может, с сомнением и тревогой, — задать себе неотразимый вопрос: мое искусство — пролетарское оно или нет? Не должен ли я приложить все усилия, чтобы сделать его пролетарским, руководясь словами друга-теоретика? Со всею настойчивостью ответим за последнего: нет, товарищи, ни в каком случае. Воспитывайте себя в духе пролетарских идеалов, старайтесь переработать в их направлении вашу мысль, вашу волю и чувства, денно и нощно помните слова вашего друга-теоретика, но, когда вы приступите к творчеству,—забудьте их и творите из себя. Если условия вашей жизни выработали в вас пролетария по духу, то, верьте, ваши стихи, без всяких усилий с вашей стороны, окажутся пролетарскими. Если нет—то утешьтесь тем, что вы честно выполнили долг художника и, по мере сил, внесли свою лепту в сокровищницу русской поэзии — если не звонким золотом, то и не фальшивой бумажкой. Одним словом, будьте пролетариями—но не старайтесь сделать ваши стихи пролетарскими. Да это вам все равно и не удастся: писать настоящие стихи по «программе» так же невозможно, как невозможно написать настоящую картину с помощью циркуля и линейки...

Эти мысли—в который раз—пришли мне в голову, когда я читал вышеперечисленные стихотворные сборники. На 21-й странице сборника «Завод огнекрылый» я нахожу стихотворение И. Ерошина «Грядущее»:

Отживший старый строй восстанет на дыбы,
Взревет, как хищный зверь, на жертву разъяренный,
И в схватке для себя сколотит он гробы,
Могилы выроет и упадет пронзенный...

«Зверь», предупредительно сколачивающий для себя гробы (сколько?), роющий могилы, да еще ухитряющийся проделать все это во время «схватки»— как ни напрягаю воображение, ничего не вижу. Впрочем, нет: вижу,—но не образ, а ходячую формулу: Капитализм сам роет себе могилу».

Победа труда—неизбежна.
Кто скажет иное—солжет.

Совершенно верно, т. Александровский: но и это опять-таки не образ, брошенный на полотно кистью, а схема, вычерченная циркулем и линейкой. Циркуль и линейка работают: А. Поморский (на странице 27-й своего сборника) собирается строить Рабочий Дворец из «щебня былого», «из смеха и слез изнуренных сердец», Б. Николаев, рисуя рабочих, пишет, что «их мускулы—молот», а шаги «дробят булыжник» и т. д. и т. д.

Когда же эти молодые поэты, отложивши циркуль и линейку, пытаются говорить от себя, мы видим, что они в значительной мере под властью образцов прошлого — Надсона, Апухтина, Бальмонта и др. (как Уитмэн, Верхарн, Гастев являются для них учителями «поэзии города и машины»): щедрая дань уплачивается ими тогда интеллигентской сантиментальности и пристрастию к дешевой красивости: тут и «светлые мечты», и «храм красоты», и «могучий светлый гений», и «певучие грезы», и «фиалы», и мн. др. в этом же роде.

Однако, было бы глубоко несправедливым ограничить наш отзыв этими общими указаниями на слабые стороны разбираемых сборников. С особым удовлетворением выделим то положительное и ценное, что сумели в них дать их авторы. Во-первых, радует та молодая искренность и бодрость, которой запечатлено большинство страниц разбираевых сборников, и которая так выгодно отличает эти страницы от мертвых, вылощенных изделий «начинающих» из модернистов. Отрадна далее та подлинная и пламенная чистота пролетарского духа, которая отмечает такие интересные стихотворения, как «Похороны трибуна» А. Поморского, «Я подслушал эти песни» В. Кириллова, и которая отчеканила ряд сильных строф и строк у их товарищей. Наконец, все разбираемые поэты обнаруживают, в общем, довольно высокую технику.

Переходя к характеристике отдельных поэтов, следует прежде всего выделить М. Герасимова. Из своих сотоварищей он—наиболее зрелый, наиболее обдуманно и четко чеканящий строку:

Мы клали камни Парфенона
И исполинских пирамид,
Всех сфинксов, храмов, пантеонов
Звенящий высекли гранит.

Его образы интересно задуманы (город «закованный в орудийный звон», «горячая ладонь» солнца, гладящая весенний снег на крыше), ритмы выразительны (хотя, порой, излишне сдержанны), рифма часто изысканна (витязь—дивитесь).

Во многом противоположен ему А. Поморский, еще совсем не установившийся, заполнивший почти всю свою книгу—бледной, подражательной риторикой. Сила А. Поморского—в изображении резких, порывистых движений души; в нем мало гибкости и мягкости, и тщетно пытается он дать нежную, интимную лирику. Но А. Поморский еще не пробился к слову; он еще весь *в ритме, в без — образном движении* стиха.

Стихия я, я—смерть, я—ураган—
Я созидаю, я разрушу...
Я успокою боль жестоких ран,
Воспламеню робеющую душу.

Эти начальные строки стихотворения «Пролетариат» волнуют, конечно, не затертыми, тусклыми словами, а мощными подземными ударами ритма.

Не вышел еще из периода исканий и подражаний талантливый, но женственно восприимчивый В. Кириллов; впрочем, теперь, он, как кажется, выходит на свою самостоятельную дорогу. Совсем не вырисовался еще поэтический облик В. Александровского; запоминаются у него отдельные удачные строфы и строки, как, например, заключительное трехстишие стихотворения «Кузнец»:

Руки молот стиснули.
Руки взмахом свистнули,—
Бьет.

Мало что можно сказать и об И. Брошние, лучшие строки которого подку-

пают безыскусственной простотой и задушевностью; еще менее—о Б. Николаеве.

Пожелаем же всем этим молодым поэтам упорной и плодотворной работы— и не только над своими стихами, но над самими собой — над обогащением и углублением своей духовной жизни: ибо творчество поэта—не творчество слов, а творчество жизни.

Изданы книги тщательно.

М. Т.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ. П. Изд. Пролеткульта. 1918. Стр. 111. Ц. 4 р.

Уважение меньше всего совместимо с филантропией. К тому, что служит первыми кирпичами здания будущего народного искусства новой России, надо относиться с особенной серьезностью, и нельзя хвалить какое-нибудь произведение только потому, что оно называет себя пролетарским. Нет сомнения, что участники изданного Пролеткультом Литературного Альманаха в некоторой степени овладели техникой литературного слова. Все произведения Альманаха могли бы появиться на страницах «толстых» журналов. Но это-то и плохо. Это делает сборник неярким, несвоеобразным, слишком «приличным», тонущим в общем море легко читаемых и легко забываемых книг.

Таков общий дух сборника. Что же касается отдельных произведений, то среди стихов—просты, певучи и ярки, выделяются из общего тона стихи И. С. Тихомирова—«Забубенная головушка», «Сорочины», и стихотворение И. Ионова—«На заводе», написанное сильными, крепкими словами и напоминающее по манере Верхарна:

«Горят холодных солнц бесчисленные дуги,
На бронзе мускулов рождая бликов рой,
И плавны, и легки, как рати древней струги,
Вагранки носятся пылающей змеей»...

У остальных авторов слишком много красивости, общепринятых, избитых эпитетов, неопределенного пафоса. Так, например: «разбитый храм», «грозная борьба», или:

«Вложу я в пламенные звуки
Всю жажду счастья, красоты».
(Вл. Кириллов).

Все это очень недалеко от Надсона. Есть тонкие, искренние строки в «Посмертных песнях» Ефремова, поющие о солдатской доле:

«Тишь и мрак в палатках бродят,
Вьется дрема... Люди спят...
Капли ходят, грусть наводят,
По полотнищам стучат».

Проза представлена в сборнике тремя авторами, но, кажется, что все написано одним: так однообразна в общем манера их письма. Все это точный натурализм, описательность, не доходящая ни до типических, синтезирующих обобщений реализма, ни до мощных углублений символизма. Мелко и тщательно вычерчиваются подробности быта и психологии, определенное развитие фабулы внешней (событий), или внутренней (переживаний) заменено суммой фактов, не необходимых, не связанных между собой внутренней целесообразностью замысла. Не выполнена, хотя все же широко задумана, фигура старого столяра Захара Гавриловича в рассказе П. Бессалько «Детство Кузьки». Все три рассказа написаны красиво, на тему о бедняках, но хочется спросить: «зачем они»? Писать на пролетарские темы еще не значит—создавать пролетарское искусство.

Издана книга очень хорошо.

В. С.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. Королевский брадобрей. Пьеса. П. Литерат.-Изд. Отдел Комиссариата Народного Просвещения. 1918. Стр. 110. Ц. 1 р. 50 к.

Пьеса Луначарского состоит из семи сцен, написанных белыми стихами. Изображенные в ней события протекают в некоем западно-европейском феодальном государстве с неким королем Дагобером-Крюэлем (Крюэль жестокий) во главе; ее эпоха—XVI век, ее историческая атмосфера—борьба католицизма с протестантизмом и нарождающегося духа городов с феодалами. Пьеса является скорее всего трагическим гротеском.

Несмотря на глубокий историзм ее, ее герои—не определенные исторические лица: это — лица собирательные, прототипы, символы большинства королей, монахов и рыцарей того времени. Многие из них и названы лишь в связи с их основными типическими особенностями, например: «рыцарь хищного вида», «доминиканец», «рыцарь с белокурой бородой»...

В их образах автор попытался обобщить самые характерные черты той эпохи, и не только той, но и всякой, в которой еще живы феодальные отношения, с их почти гипнотическим для вассалов оправданием абсолютизма и власти короля, господина.

Король Дагобер - Крюэль доходит в упоеньи своей властью до невероятных крайностей, до безумия. Здесь социальные отношения становятся индивидуальной проблемой двух душ—короля и брадобрея, развратителя и развращенного, приводят их к скрытой внутренней борьбе, борьбе двух людей, одинаково возжаждавших власти, и к видимой победе брадобрея, но внутренней победе короля—его идеи, его жажды поставить свою волю выше всех.

Король Дагобер, считая себя земным богом, искушаем желанием ощутить бессмертность своей власти, простереть ее надо всеми индивидуальными и общечеловеческими отношениями и законами. В этом искушении властью, поводом для которого является внезапно вспыхнувшая в короле страсть к дочери, и состоит драматический стержень пьесы. Король не только хочет сделать ее тайной своей любовницей, как ему советует духовенство, он хочет, чтобы и духовенство и дворянство открыто признали законным его брак с дочерью. Вначале это ему не удается: все боятся скандала и народного возмущения. Но эдикт о гонении на еретиков (протестантов) скоро заставляет придворных посмотреть на дело иначе. Король, как будто, добился своего; *сломлено* также и сопротивление дочери, которую он опоил сонным порошком по совету брадобрея Аристида,—но здесь неожиданно вмешивается воля брадобрея, которая захотела стать выше воли короля.

Брадобрей Аристид, верный холоп и наперстник короля, поверенный его низких дел и помыслов, нередко сам их подстрекатель, развращенный раб и двойник короля, о котором последний говорит:

«... ведь, ты
Лишь тень моя, твое благополучье
И жизнь твоя стоят лишь мной
одним...»

доведен королем, его жестокостью, цинизмом и безудержными вожделениями власти—до тайного желания превысить, пресечь эту упоенную собою власть.

И вот, когда он бреет короля перед венцом, он перерезывает ему горло бритвой.

«А, бог земной, а, властелин могучий!
Я — бога бог, судьба судеб, я—власть
Над властью! О, минута упоенья!
....
... Ведь, ты учил,
Что наслажденья нету выше власти,
И я тебе поверил!»

говорит брадобрей и тут же, заслышав шорох, пугливо ускользает...

Пьеса Луначарского имеет не столько литературное значение, сколько драматическое. Ее достоинства сценические. Они могут быть выявлены, если в ней будет понято внутреннее действие: наростание драматического напряжения в душе брадобрея и первые проблески его кровавого замысла,—перекликающиеся с переживаниями короля, который все время утверждает беспредельность своей власти, словно предчувствует подсознательно, что ей будет положен предел...

Книга издана, по нашему времени, очень хорошо.

Вера Станевич.

ШЕВЧЕНКО, Т. Запретный Кобзарь. В переводах собрал И. А. Белоусов. М. «Грань». 1918. Стр. 80. Ц. 2 р.

Вплоть до наших дней широкие читательские круги, читая Т. Г. Шевченко и знакомясь с его биографией, были лишены возможности знать, за что именно был арестован, отдан в солдаты и сослан в глухие Оренбургские степи поэт. Было известно только, что у него при случайном аресте нашли какие-то

стихи, которые повлекли за собой для поэта тяжелое наказание. Теперь с выходом «Запретного Кобзаря» этот вопрос разъясняется. В небольшой книжке, где собрано 6 крупных и около десятка мелких произведений, находятся и те, за которые так жестоко поплатился поэт.

Собранные в «Запретном Кобзаре» произведения открывают нам новую грань в творчестве Т. Г. Шевченко. В своих жестоких, полных скорби и гнева, стихах поэт запечатлел ужасные условия, в которых томился простой народ, и беспощадно раскрыл отталкивающие картины петербургской казарменной и придворной жизни Николаевской эпохи.

И не напрасно, хотя и случайно, поэт был арестован по политическому делу. В произведениях «Запретного Кобзаря» он является нам, как подлинный революционер, не мирящийся с существующим порядком вещей и призывающий прямо и косвенно к его свержению. Особенно резко это подтверждается стихами последнего периода жизни поэта, написанными под острыми впечатлениями петербургской жизни.

... Люди сами
Сумеют справиться с царями,—
Их к плахе сами поволокут.

Последнее пророчество сбывается в наши дни и не только в России, но и во всей Европе, по которой прокатывается гром, перекликающийся с нашей революцией...

Наиболее значительными в «Запретном Кобзаре» в художественном отношении и по своим основным мотивам являются поэмы «Сон» и «Великое подземелье», обе проникнутые глубокой любовью к народу, гневом и болью за его злосчастную судьбу.

В поэме «Сон» поэт резкими, решительными линиями набрасывает широкую картину всей русской жизни своего времени. С таинственной птицей облетает он всю Русь от края до края. Перед ним—родная Украина, «повита красою, зеленеет, умываясь утренней росою», И поэтому слышно, как плачет родной народ от своей несчастной жизни, от того, что «вдову обирают за подать, в заплатах сермягу с калеки дерут, ребенок от голода дух испускает» в то время, как его мать «барскую рожь дожинает». Из Украины поэт переносится в Сибирь к заключенным. Оттуда он попадает в Петербург, сначала на военный плац, а потом во дворец на бал, при чем картины придворной жизни у поэта полны метких, сатирических, а подчас и злобно язвительных сравнений и сопоставлений. Порой кажется, что видишь не людей, а заколдованных существ. Царица там, «как цапля», «как опенок засушенный», вельможи «словно свиньи или индюки». Попутно поэт вспоминает историю Украины, и у Памятника Петра ему слышатся вопли и голоса казаков, замученных при постройке Петрограда.

Заканчивая поэму, поэт с горьким смехом, в котором звучит отчаяние, говорит: «сны такие снятся разве только юродивым да пьяницам...» Но мы вместе с поэтом знаем, что такими снами была богата жизнь русского народа. Поэма представляет большую ценность в художественном отношении.

Не менее замечательна по фантастичности образов и сумрачности содержания поэма-мистерия «Великое подземелье». Сюжет ее связан с легендой о кладе, будто бы лежащем в подземелье на могиле Богдана Хмельницкого. В этой поэме с наибольшей силой выразилась любовь поэта к угнетенному народу родной Украины и ненависть к его угнетателям. В кратко переданных эпизодах перед нами встает история порабощения вольного народа с ее кровавыми и мрачными картинами. Отдельные места этого большого художественного произведения напоминают по своей силе и выразительности лучшие произведения мировой литературы. Очень своеобразна, полна яда и насмешки маленькая сатирическая поэма «Юродивый» о пощечине Киевскому генерал-губернатору.

Интересна поэма «Цари», излагающая историю библейских царей и нашего князя Владимира с обратной стороны,—историю не деяний их «на благо отечества», а безделья и развлечений в часы скуки. Слабее, по сравнению с другими вещами, довольно длинная, стихов в 700—800, поэма о «Деве Марии». Но подход к теме очень простой

и свежий, с уклоном к сельской идиллии.

Переводы далеко не все удовлетворительны. Почти из всех исчезли музыкальность, легкость и певучесть стиха Шевченко. Но образы его, иногда исключительно яркие, сохранены. Вообще, переводы очень близки к подлиннику. Это можно счесть даже недостатком некоторых из них, давших, вместо художественного претворения, почти прозаическую передачу текста путем неуклюжих изломанных предложений и периодов.

Несмотря, однако, на эти недостатки, предлагаемый сборник переводов следует признать очень ценным и нужным для более полного знакомства с великим певцом Украины. Читатель должен быть признателен И. А. Белоусову, собравшему запрещенные стихи поэта.

Надо пожелать, чтобы книга проникла в широкие читательские круги. Цена сборника — 2 рубля, не дорога, принимая во внимание огромную дороговизну типографских работ и бумаги.

Андрей Нежданов.

ЛОНГФЕЛЛО. Песнь о Гайавате. Перевод И. Бунина. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1918. Стр. 130. Ц. 80 к.

Лонгфелло — американский поэт середины XIX века — мало известен у нас, в России; будь это иначе, тот дух возвышенной чистоты и гуманности, которым запечатлена каждая строка его певучих, благородно сдержанных стихотворений, несомненно, обеспечили бы ему внимание и любовь русского читателя.

«Песнь о Гайавате»,—поэма, вышедшая в 1855 году, выдержавшая 30 изданий в полгода и доставившая автору европейскую известность, является лучшим произведением Лонгфелло. Поэма не представляет собою вполне оригинального произведения, всецело обязанного своим происхождением личному творчеству: основанием для нее послужили легенды, распространенные среди диких уроженцев родины Лонгфелло—северо-американских индейцев. Но, конечно, это нисколько не умаляет высоты подвига, выполненного Лонгфелло, ибо нужна была вся девственная чистота, вся благородная и вдумчивая чуткость его поэтического дарования, чтобы разгадать тайну дикой красоты и первобытной мудрости этих легенд и воплотить их дух в самостоятельном, безупречно выдержанном художественном произведении.

Содержание, а отчасти и форма «Песни о Гайавате» являются, в известном смысле типическими для подобного рода произведений, сохраняющихся в памяти первобытных народов, как отзвуки древнего полумифического прошлого (разительные совпадения существуют, например, между «Песнью о Гайавате» и «Калевалой» — циклом легенд далекого финского севера, в сходной обработке Ленрота). Гайавата — одно из имен «человека чудесного происхождения», посланного в незапамятную старину к северо-американским индейцам, чтобы «расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы мирным искусствам» (слова Лонгфелло). Пленительно свежими и безыскусственными красками изображает нам поэма чудесное рождение и великие подвиги Гайаваты, его красоту, его благородство, его неустрашимость и мудрость. Он—сын властелина Западного Ветра и прекрасной Веноны, мать которой, Нокомис, упала на землю с луны. Венона, покинутая царственным мужем, умирает с горя вскоре после рождения Гайаваты; его воспитывает вещая бабка: она разоблачает перед ним тайны леса, язык зверей, показывает ему пути светил на ночном небе... Выросши и узнав от Нокомис тайну своего происхождения и смерти своей матери, Гайавата отправляется на запад, чтобы сразиться с отцом и отомстить ему. Три дня длится их бой— наконец, Властелин Западного Ветра, отступивший перед натиском Гайаваты до самой границы своих владений, открывает сыну, что бой был лишь испытанием, а победы над ним, бессмертным, Гайавате все равно не одержать. От отца Гайавата и получает свою великую миссию:

> Возвратись в родную землю,
> К своему вернись народу,
> С ним живи и с ним работай.
> Ты расчистить должен реки,
> Сделать землю плодоносной,
> Умертвить чудовищ злобных...

Жизнь Гайаваты является выполнением этих предначертаний: он научает своих соплеменников употреблению маиса, открывает им тайну письмен, убивает злобного Духа Богатства, строит себе чудесный челн, с помощью которого расчищает реки и побеждает Царя Рыб, и т. п. Глубокомысленен и— в духе Лонгфелло—примирителен конец поэмы: к берегу страны, где живет Гайавата, причаливает челн с «бледнолицыми» пришельцами из неведомого мира европейской культуры—и Гайавата покидает свой народ и уходит «в путь далекий», «в страну Заката», давши соплеменникам заповедь—внимать наставлениям пришельцев, слову их мудрости,

Ибо их Владыка Жизни
К вам прислал из царства света.

Горькой иронией—помимо воли чистого сердцем поэта—звучат эти слова, когда мы вспоминаем о той свирепой и неумолимой войне, которую объявили бедным индейцам эти «присланные из царства света» просвещенные американцы, давно освободившиеся от поклонения каким-либо иным богам, кроме бога — доллара, во славу которого они, как и европейские «колонизаторы», не останавливаются, в случае надобности, перед истреблением целых племен. И ныне, когда хищные, смертоносные щупальцы американского капитализма тянутся из-за океана к нарождающейся революционной Европе, не должна ли вызвать жгучую краску стыда на щеках всякого честного американца эта простая и возвышенная заповедь, которую дало бедным первобытным племенам их божество:

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови;
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня,
Тростников для них нарвите,
Закурите трубку мира
И живите впредь, как братья.

Стих поэмы, с большой любовью и мастерством воспроизведенный И. Буниным, чарует своей сжатостью и четкой стройностью, своей близостью к формам, свойственным первобытной эпической поэзии; без труда примиряешься с тяжестью некоторых строк («Ты лишь щука, ты не нама» «Из стемневшего вигвама»), неизбежную при желании соблюсти добросовестную точность перевода.

М. Т.

Новые книги.

Общий отдел.

Лебедев, П. (В. Керженцев). Библиотека социал-демократа. Систематический указатель социалистической литературы. П. 3-е изд. перераб. и доп. «Книга». 1918. Стр. 102. Ц. 2 р.

Из предисловия: «Задача настоящего указателя—помочь читателю разобраться в имеющейся па русском языке социалистической (главным образом с.-д.) литературе, облегчить работу лиц, стремящихся к выработке социалистического миросозерцания и дать в руки библиотекарей, лекторов и всех занятых пропагандистской и культурно-просветительной работой необходимое справочное пособие. От последнего издания и «дополнения» к нему теперешнее издание отличается очень существенно. Прежде всего, число рекомендуемых книг возросло в 3—4 раза. В указатель введено все ценное из нашей брошюрной литературы и все основные труды социалистов русских и европейских». Т. П.

Хавкина, Л. Книга и библиотека. М. «Наука». 1918. Стр. 169. Ц. 3 р. 50 к.

Автор—известный знаток библиотековедения—очерчивает в своей ясно и живо написанной книге значение и задачи библиотечного дела, а также его историю в России.

Философія.

Каутский, К. Этика и материалистическое понимание истории. Перевод с немецкого П. Ратнера. Под редакцией А. В. Луначарского. П. Изд. Птр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 124. Ц. 2 р. 25 к.

В этой книге автор опровергает взгляды идеалистических философов на этику (учение о нравственности), обосновывая ее на материалистическом понимании истории.

Лавров, П. Собрание сочинений. Под редакцией Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. Вып. II (1-й серии). Статьи по философии. П. «Революционная Мысль». 1918. Стр. 216. Ц. 5. р.

Оглавление: Механическая теория мира.—Что такое антропология.—Отзыв о книге Ор. Новицкого «Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований, ч. I—II».—Три беседы о современном значении философии.—Моим критикам (ответ М. А. Антоновичу и Д. И. Писареву).—Антропологическая точка зрения в философии.—Единство.

Это собрание сочинений одного из основоположников «суб'ективного метода» в социологии, известного философа-позитивиста, социолога и историка второй половины XIX века П. Л. Лаврова, разделяется на 8 серий: в 1-ю входят статьи по философии, в 3-ю—статьи научного характера, в 5-ю—статьи по истории религии (см. ниже).

Социальные науки.

Бухарин, Н. Программа коммунистов (большевиков). П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 59. Ц. 75 к.

Книга представляет новое издание классической работы автора, уже получившей широкую известность.

Гильфердинг, Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Авторизованный перевод со вступительной статьей И. Степанова. П. Изд. 3-е, (исправл., «Книга». 1918. Стр. 553. Ц. 12 р.

Оглавление: Деньги и кредит.—Мобилизация капитала.—Фиктивный капитал.—Финансовый капитал и ограничение свободной конкуренции.—Финансовый капитал и кризисы.—Экономическая политика финансового капитала.

Из предисловия: «В настоящее время Р. Гильфердинг и его книга не нуждаются в особой рекомендации для русского читателя. Из всех западно-европейских теоретиков марксизма только Каутский пользуется у нас большею популярностью. И русский читатель, вероятно, согласился с оценкой Каутского и Отто Бауэра, которые по выходе книги указали, что «Финансовый капитал»—одна из самых значительных работ, какие только появились в марксистской литературе после «Капитала».

Декреты о суде Рабочего и Крестьянскаго Правительства. П. Изд. Комиссариата над упраздн. Пгр. Окружн. Судом и Судебной Палатой. 1918. Стр. 64. Ц. 2 р.

Из предисловия: «В предлагаемый сборник вошли все изданные до настоящего времени декреты и наставления Советского Правительства, касающиеся организации Народного Суда и Революционного Трибунала (отдел 1-й) и порядка ликвидации упраздненных судебных учреждений (отдел 2-й). В приложении приведены постановления Совета Комиссаров Петроградской Коммуны об организации суда и деятельности Революционного Трибунала, декрет о гражданском браке и о ведении актов состояния и относящиеся к нему инструкции Комиссариата Юстиции».

Жигур, Я. Организация коммунистических хозяйств в земледелии. М. Изд. Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., С., К. и К. Д. 1918. Стр. 40. Ц. 50 к.

Книжка обосновывает необходимость скорейшей организации русского земледелия на коммунистических началах. К книге приложены «Обязательное постановление Московского Губернского с'езда Советов Раб. и Крест. депутатов об организации земледельческих коммун и советских коммунистических хозяйств на бывших частновладельческих землях и проч. площадях сельско-хозяйственного пользования, принятое 27 июля 1918 г.», а также примерный устав трудовой земледельческой коммуны.

Каутский, К. Еврейство и раса. Авторизованный перевод под ред. Ю. Ларина. П. «Книга». 1918. Стр. 189. Ц. 4 р. 50 к.

Оглавление: Предисловие.—Теории рас.—Расы животных.—Человеческие расы.—Отличия и противоположность человеческих рас.—Физические черты еврейской расы.—Духовные черты еврейской расы.—Ассимиляция евреев.—Антисемитизм.—Сионизм.—Смешение рас.

Теперь, когда некоторые буржуазные теоретики пытаются рассматривать мировую войну, как «следствие природных неугасимых и непримири-

мых расовых противоположностей, исследование понятия расы становится практической необходимостью. В предлагаемой работе первая часть посвящена этому в высокой степени актуальному вопросу. Вторая часть имеет дело с «применением понятия расы к еврейству» (из предисловия).

Каутский, К. Классовые интересы. Перевод с немецкого. П. 3-е изд. Кн-ство Пгр. Совдепа. 1918. Стр. 24. Ц. 40 к.

Оглавление: Партия и класс.—Свобода и справедливость.—Класс и общество: феодальное идеальное общество.—Либеральное идеальное общество.—Социалистический идеал.

Каутский, К. Нет больше социалдемократии! Ответ центральному союзу немецких фабрикантов. Перевод с немецкого Дм. Лещенко, под редакцией Дм. Лещенко. С предисловием Н. Ленина. П. «Пролетарская Мысль». 1918. Стр. 67. Ц. 1 р. 75 к.

Оглавление: Предисловие к русскому изданию.—Введение.—Падение мелкого производства.—Обнищание.

Из предисловия: «Автору этой брошюры удалось дать гораздо больше, чем можно было ожидать, судя по взятой им теме. Вместо простого опровержения лживых утверждений недобросовестного прислужника фабрикантов, г-на Бюргера, мы имеем замечательно ясное и общедоступное изложение самых коренных вопросов рабочего движения не только в Германии, но и во всем мире».

Коммунисты Запада о Советской России. Сборник статей Ф. Меринга, К. Цеткиной, Глашатая в борьбе, А. Балабановой и др. борцов революции на Западе. М. Изд-ство Всеросс. Центральн. Исполн. Ком. Советов Р., С., К. и К. Д. 1918. Стр. 48. Ц. 60 к.

Из предисловия: «Известная голландская революционная социал-демократка Генриэтта Роланд-Гольст в статье «Памяти Карла Маркса» посвятила деятельности коммунистов в России следующие заключительные строки: «Мы, революционные марксисты, приветствуем сегодня, как настоящих представителей марксистского духа и стремлений, славных большевиков, которым ровно через столетие после рождения Маркса удалось свергнуть класс эксплуататоров России, чтобы уничтожить в своей стране, в границах возможного, капиталистическую собственность на орудия производства, источник всех угнетений, и заменить ее коллективной собственностью. Мы приветствуем в них настоящих учеников Маркса также и за их международную политику». Этими словами тов. Роланд-Гольст мы и открываем сборник».

Лавров, П. Собрание сочинений. Под редакцией Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. Вып. I (5-й серии). Статьи по истории религии. П. «Революционная Мысль». 1918. Стр. 271. Ц. 6 р. 50 к.

Оглавление: Отзыв о книге «Mannhardt. Die Gotterwelt der deutschen und nordischen. Volker. I».—Развитие учения о мифических верованиях.—Новая наука.—О поклонении озерам и текучей воде и легенды о затонувших городах (перевод с франц.).—Теоретики сороковых годов в науке о верованиях.—Антропоморфизм и антропопатизм.—Апокрифы. — Амвросий Миланский. — Анабаптисты или перекрещенцы.

Лурье, М. (Ю. Ларин). Состав пролетариата (из области социальной физиологии). П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 32. Ц. 35 к.

Автор обстоятельно анализирует состав германского пролетариата на основании «массовых и свежих» данных.

Маркс, К. К критике политической экономии. П. «Сотрудничество». 1918. Стр. 188. Ц. 5 р. 50 к.

Книга представляет перевод классической книги Маркса, занимающей одно из центральных мест среди его трудов.

Маркс, К. Наемный труд и капитал. П. 2-е изд. «Пролетарская Мысль». 1918. Стр. 23. Ц. 45 к.

В этой брошюре Маркс в краткой и популярной форме раз'ясняет: 1) что такое заработная плата, и чем она определяется и 2) чем определяется цена товара.

Очередные задачи профессиональных союзов. (Организационный вопрос, тариф, трудовая дисциплина). Первое циркулярное письмоВсероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов. М. Изд. Всеросс. Центр. Совета Професс. Союзов. 1918. Стр. 88. Ц. 1 р. 50 к.

В настоящем циркулярном письме В. Ц. С. П. С. обращает внимание местных и областных Советов Професс. Союзов и Центральных Правлений Союзов: 1) «на правильное строение Союзов, входящих в их объединение и точное выполнение ими союзной дисциплины; 2) на выработку обязательных для всех правил трудовой дисциплины и 3) на нормировку заработной платы труда» (из текста) и дает ряд ценных и подробных указаний по этим вопросам, дополняя эти указания серией приложений делового характера (инструкции, схемы и т. п.). Далее, касаясь вопроса об организации боеспособной армии В. Ц. С. П. С., согласно резолюции, принятой на съезде Проф. Союзов 17 марта 1918 г., «призывает все профессиональные союзы к самой энергичной работе по воссозданию боевых сил страны и их снабжению». (Из текста).

Степанов, И. Потребительные общества и рабочий класс. М. 3-е перераб. изд. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 80. Ц. 1 р. 25 коп.

Книга рассматривает вопрос об отношении кооперативного движения к другим формам рабочего движения в свете общих задач последнего.

Цеткин, Клара. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. Перевод с немецкого. П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 36. Ц. 70 к.

Это доклад, сделанный на публичном студенческом собрании в Берлине в январе 1900 г., распадающийся на следующие части:—Важнейшие экономические причины распада буржуазной семьи.—Современное женское движение.—Отношение ученых к женскому движению.—Устранение социализмом изложенного в предыдущей главе конфликта.—Освобождение мужской личности социализмом.

История.

Арну, А. Народная история Парижской Коммуны. М. Изд-ство Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Советов Р., С., К. и К. Д. 1918. Стр. 253. Ц. 2 р. 50 к.

Книга эта является особенно ценной, так как автор ее—член Парижской Коммуны. В своем предисловии он говорит: «Я стремлюсь познакомить с социальной идеей, которая явилась результатом

этого великого народного движения. Чем же была Коммуна? Что было нового в ее программе? В чем отличалась она от старой программы революционных якобинцев? Это-то я хочу установить, выяснить и сделать наглядным в этих заметках и личных воспоминаниях, поставив себе целью рассказать только то, что я сам видел и сам проверил, с возможно большим беспристрастием».

Брюсов, В. Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до Р. Х. по наше время. М. Изд. Моск. Армянск. Комитета. 1918. Стр. 124. Ц. 3 р.

Из предисловия: «Еще мало сравнительно исследованная, а в широких кругах русских читателей и вовсе неизвестная, история Армении заслуживает внимания в той же мере, как история самых значительных народов, сделавших свой самостоятельный вклад в культуру человечества, не исключая ни египтян, ни эллинов, ни римлян, ни народов современной Европы. Между тем русская литература крайне бедна всем, что касается Армении, особенно же работами по армянской истории. Это—такой существенный пробел в нашей литературе, который во что бы то ни стало должен быть пополнен, притом без всякого промедления. Я выдвинул на первый план фактическую, так называемую, «политическую» историю».

Зиновьев, Г. Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 70. Ц. 1 р. 20 к.

Из предисловия: «Предлагаемая книжка есть стенографическая запись речи, произнесенной мною 6 сентября 1918 г. в заседании Петроградского Совета. В моей речи, разумеется, дан лишь самый беглый очерк жизни и деятельности т. Ленина. Настоящая книжка положит лишь слабое начало той биографии т. Ленина, которая должна еще быть написана. На большее эта книжка не претендует».

Либкнехт, В. Революция в Париже в 1848 году. Перевод с немецкого. П. 3-е изд. «Пролетарская Мысль». 1918. Стр. 15. Ц. 35 к.

Брошюра знакомит читателя со столкновением парижского пролетариата и буржуазного временного правительства во время февральской революции 1848 г.

Луначарский, А. Италия и война. П. Кн-ство М. А. Ясного (бывш. М. В. Попова). 1917. Стр. 134. Ц. 1 р. 50 к.

Оглавление: Предисловие.—Италия в идеале и в действительности.—Между Сциллой и Харибдой.—От национализма к империализму.—Правительство. — Капиталисты. — Пресса. — Интеллигенция.—Рабочие массы и их партия.

В этой брошюре автор изображает отношение различных кругов итальянского общества к войне и дает «исторический и социальный анализ итальянской разновидности патриотизма» (из предисловия).

Львов-Рогачевский, В. Гонители еврейского народа в России. Исторический очерк. М. Кн-ство Моск. Совета Р. Д. 1918. Стр. 110. Ц. 1 р. 50 к.

Книга посвящена обзору тех многообразных и беспощадных гонений, которым подвергались евреи в России, и опровержению взводимых на них наветов.

Новицкий, К. (К. Петровин). Год революции (1917 г.—февраль.—1918 г.). Краткий очерк развития Великой Русской Революции. М. «Знание—Свет». 1918. Стр. 101. Ц. 2 р. 75 к.

Книга в живой и популярной форме рисует картину развития русской революции, начиная от февральских событий и до Брестского мира.

Павлович, М. (М. Вельтман). Интернационал смерти и разрушения (военная индустрия в Англии, Франции и Германии до и во время войны). М. «Коммунист». 1918. Стр. 138. Ц. 6 р.

Оглавление: Военная индустрия в Англии: частная и казенная военная индустрия. Роль военной индустрии во внешней политике современных государств.—Проект монополизации военной индустрии в руках государства.—Разоблачения Сноудена о военной индустрии в Англии.—Дело Томпсона.—Акционеры военных фирм и др.—Военная индустрия в Германии (две династии—Круппы и Гогенцоллерны): Германские победы и немецкая военная индустрия.—История Крупповских заводов в цифрах. Крупповская фирма и металлургия. Патриотизм Альфреда Круппа. Его троекратные предложения французскому правительству.—Гогенцоллерны и Круппы. Вильгельм I и Крупп.—Вильгельм II и Берта Крупп и др.—Военная индустрия и заводы Шнейдера во Франции: мобилизация армии и демобилизация промышленности в начале войны.—Марна и Верден.—Прогресс французской военной индустрии и Верденские битвы.—Французский металлургический трест и заводы Шнейдерандр.

Из предисловия: «Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой совершенно самостоятельное и законченное целое, но вместе с тем она тесно примыкает по своим основным идеям и теме к моей работе. «Великие железнодорожные и морские пути будущего», печатающейся ныне 2-м изданием и представляющей как бы первый том задуманной мною серии книг под общим заголовком «Основы империалистической политики современных государств». Основная идея нашей предшествующей работы заключалась в тезисе «Металлургическая промышленность играет колоссальную роль во внешней политике современных государств. Именно она диктует свою волю императорам и президентам». Лежащая перед глазами читателя книга, представляющая третий том задуманной нами серии, посвящена мало разработанному в европейской литературе вопросу, именно военной индустрии, при чем автор ограничивает свое исследование тремя странами: Англией, Германией и Францией».

Павлович, М. (М. Вельтман). Франция накануне мировой войны (отрывки из дневника политического эмигранта). Часть I. Агония II интернационала. Часть II. Смерть Жореса. М. «Коммунист». 1918. Стр. 154. Ц. 4 р. 75 к.

В этой книжке автор, на основании своих личных впечатлений, рисует картину общественной жизни Парижа в дни, непосредственно предшествовавшие началу европейской войны; в ней он дает также очерк жизни и деятельности известного деятеля французского социализма—Жореса.

Рязанов, Д. Обуховское дело. С приложением судебного приговора. Материалы для истории празднования первого мая в России. П. 3-е изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 63. Ц. 70 к.

Из предисловия: «Предлагая историю Обуховского дела, (последнее возникло из столкновения владельцев заводов и фабрик с рабочими по поводу празднования 1-го мая), мы желали бы им напомнить славную, но теперь почти забытую страницу из истории русского рабочего движения. Первое

издание вышло за границей в 1902 г., второе—в России в 1906 г., но было почти целиком конфисковано.

Стеклов, Ю. Новейшие течения во французском антисемитизме. П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 54. Ц. 1 р.

Оглавление: Интеллигенция.—Социалисты.—Синдикалисты и анархисты.—Перспективы французского нео-антисемитизма.

Из предисловия: «Мы хотим поговорить о том нео-антисемитизме, который свил себе гнездо в рядах одной части французской интеллигенции, и зараза которого захватила даже некоторые круги революционеров: социалистов, синдикалистов и анархистов».

Троцкий, Л. Октябрьская революция. М. «Коммунист». 1918. Стр. 125. Ц. 4 р.

Из предисловия: «В этой книжке восстановлена—в самых общих чертах—история возникновения и первых четырех месяцев существования советского режима. Книжка специально написанная для осведомления иностранных рабочих о смысле и целях советского строя, выходит в настоящее время на нескольких языках. Мы вынуждены были ограничиться преимущественно вопросами внутренней политической борьбы и международной политики рабочей и крестьянской власти».

Естествознание и математика.

Лавров, П. Собрание сочинений. Под редакцией Н. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти. Вып. II (3-й серии). Статьи научного характера. П. «Революционная Мысль». 1918. Стр. 151. Ц. 5 р.

Оглавление: Человек—царь создания.—Понимание животного мира человеком.—Биология, как отдельная наука.—Что такое жизнь.—Где начинается мысль?—Где начало общества?—Обстановка жизни.—Первые ступени животного мира.—Линейные колонии червей.—Подготовление царства человека.—Задача утверждения царства человека.

Искусство.

Филиппов, В. Задачи народного театра и его прошлое в России. М. «Наука». 1918. Стр. 48. Ц. 1 р. 20 к.

Из предисловия: «В самом народе неудержимой волной пробудилась потребность в театре и теперь на очередь встал вопрос о народном театре. Но как понять какие пьесы подходят к народному театру, как их ставить и как играть—это все вопросы или вызывающие затруднения или решаемые самым различным образом и часто далеко не бесспорно. Поэтому прежде всего надо найти какие-то основания, которые дадут возможность подойти к правильной постановке этих вопросов».

Эти последние строки и определяют собой ту задачу, которую поставил себе автор в этом живом и популярно написанном очерке.

Филиппов, В. Как устроить и оборудовать сцену в народном театре. М. «Наука». 1918. Стр. 48. Ц. 1 р. 20 к.

Автор в ясной и популярной форме дает ряд ценных, практических указании по затронутому вопросу.

Художественная литература.

Барбюсс, Анри. В огне (дневник одного взвода). Роман. С предисловием Максима Горького. П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1919. Стр. 299. Ц. 3 р. 50 коп.

Из предисловия: «Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюсс, человек, лично переживший весь ужас войны, все ее безумие. Это—книга, простая, как евангелие, исполненная пророческого гнева, это—первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, покойно и с необходимою силой правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-кровавый ужас во все цвета радуги. Каждая страница его книги—удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной».

Горький, М. В людях. П. «Парус». 1918. Стр. 333. Ц. 5 р.

Это—новое издание повести Горького, сочно и образно рисующей жизнь тех трудовых масс, из которых вышел писатель.

Еврейская Антология. Сборник молодой еврейской поэзии. Под редакцией В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе. Предисловие М. О. Гершензона. М. «Сафрут». 1918. Стр. 189. Ц. 10 р.

Из предисловия: «Настоящая книга является первой попыткой дать антологию новоеврейской поэзии в русском переводе. Книга охватывает всего последние три десятилетия: период еврейской поэзии, на всем своем протяжении отмеченный влиянием Х. Н. Бялика».

В книге помещены стихотворения следующих авторов: Бен-Ицхак, Авраама, Бялика. Х. Н., Кагана, Я., Карпи, И., Каценельсона, И., Ментуса, Э., Переца, И. Л., Файерштейна, А., Фихмана, Я., Фришмана, Д., Черниховского, С., Шнеура, З., Шоула, Р., Шимоновича, Д., Штейнберга, Я.

Попп, Аделаида. История одной работницы. П. «Жизнь и Знание». 1918. Стр. 139. Ц. 2 р. 75 к.

Из предисловия: «В этой книге открывается мир такой глубокой печали, такой скорби, умственной и нравственной гибели, что с ужасом спрашиваешь себя, как возможно нечто подобное в нашем обществе, с такой гордостью называющем себя христианским и цивилизованным? Аделаида Попп рисует нам те низы, на которых покоится наше общество, где она выросла и провела половину жизни. Редко приходилось мне читать что-либо с более глубоким волнением, чем книгу Аделаиды Попп!» (А. Бебель).

Родные песни. Сборник стихотворений: Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жадовской, И. З. Сурикова, С. Я. Надсона, С. Д. Дрожжина и других. Составил Влад. Бонч-Бруевич. С 6-ю портретами. М. Изд. 4-е «Коммунист». 1918. Стр. 79. Ц. 1 р. 50 к.

В книге собран ряд стихотворений, связанных общей темой о русском народе, его тяжелом прошлом и светлом будущем.

Ромэн-Ролан. Жан - Кристоф. Сердце Франции. Т. VII. П. Изд. Пгр. С. Р. и Кр. Д. 1918. Стр. 200. Ц. 2 р. 35 к.

Книга представляет самостоятельную часть многотомного романа, посвященного жизни композитора Жана-Кристоф, и очерчивает духовный облик современной Франции...

Книги, присланные в редакцию.

ИЗД—СТВО ВСЕРОСС. ЦЕНТР. ИСПОЛН. КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р., С., КР. И К. ДЕПУТАТОВ. М.

Альгин. Памятка инструктору Красной армии. Стр. 31. Ц. 60 к.

Антонов, Н. Карл I — Людовик XVI — Николай II. Стр. 16. Ц. 15 к.

Арну, А. Мертвецы Коммуны. Стр. 16. Ц. 20 к.

Его-же. Народная история Парижской Коммуны. Стр. 253. Ц. 2 р. 50 к.

Бебель, А. Будущее общество. Стр. 71. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Христианство и социализм. Стр. 24. Ц. 25 к.

Бедный, Д. Коммунистическая марсельеза. Стр. 3. Ц. 10 к.

Его же. Обманутым братьям в белогвардейские окопы. Стр. 7. Ц. 20 к.

Его же. О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне. Стр. 32. Ц. 1 р.

Его же. Отцы духовные, их помыслы греховные. Стр. 31. Ц. 1 р.

Его же. Сказки-складки про старые порядки. Стр. 54. Ц. 1 р. 50 к.

Бек, А. Учитесь владеть пулеметом! Стр. 8. Ц. 10 к.

Беллами, Э. Сказка о воде. Стр. 16. Ц. 15 к.

Блос, В. История Великой Французской Революции. Стр. 423. Ц. 4 р. 50 к.

Боевые песни коммунистов. Стр. 20. Ц. 30 к.

I. Бой. II. Особенности боя пулеметов в коннице. Стр. 36. Ц. 60 к.

Буров, Я. Что означает закон о свободе совести и отделении церкви от государства? 1-е 2-е изд. Стр. по 16. Ц. по 30 к.

Бухарин, Н. Всеобщая дележка или коммунистическое производство. Стр. 8. Ц. 10 к.

Бухарин, Н. и Зиновьев, Г. Июльские дни 1917 г. Стр. 15. Ц. 40 к.

Бухарин, Н. Церковь и школа в Советской Республике. Стр. 16. Ц. 15 к.

Бык, И. Медицина и Советская власть. Стр. 32. Ц. 50 к.

Вандервельде, Э. Парижская Коммуна. Стр. 16. Ц. 20 к.

Варшавянка. Стр. 3 ненум. Ц. 10 к.

«Вкигек» (группа военных учителей). Памятка инструктору всеобщего обучения военному делу. Стр. 56. Ц. 1 р.

Войнич, Е. Овод. Стр. 372. Ц. 2 р. 40 к.

Волков, Ю. Глазомерное определение расстояний. Стр. 8. Ц. 10 к.

Гаврилов, А. Ручные и ружейные гранаты. Стр. 28. Ц. 60 к.

Данилов, С. Черное воинство. Стр. 42. Ц. 1 р. 20 к.

Декреты, положения и приказы по Красной армии с приложением доклада Л. Троцкого на заседании Всеросс. Исполн. Комитета Советов Р., С., К. и К. Депутатов. Стр. 32. Ц. 50 к.

Дикштейн, А. Кто чем живет. Стр. 32. Ц. 50 к.

Жигур, Я. Организация коммунистических хозяйств в земледелии. Стр. 40. Ц. 50 к.

Залевский, К. Искусство и пролетариат. Стр. 48. Ц. 2 р. 50 к.

Зиновьев, Г. Контр-революция и задачи рабочих. Стр. 15. Ц. 25 к.

I. Инструкция красноармейцу. II. Инструкция по обращению с оружием. III. Береги винтовку. Стр. 15. Ц. 15 к.

История освобождения России. Стр. 46. Ц. 10 р.

Кадомцев, Э. Первая инструкция для разведчика народного вооружения. Стр. 8. Ц. 10 к.

Карпинский, В. В поход против царя голода. Стр. 24. Ц. 40 к.

Его же. Как тульский мужик уму-разуму научился. Стр. 31. Ц. 40 к.

Его же. С кем же вы крестьяне? с кем идете? кому помогаете? Стр. 15. Ц. 10 к.

Его же. Что такое Советская власть и как она строится. Стр. 32. Ц. 50 к.

Каутский, К. Возникновение рабочего класса и образование ремесленных цехов. Стр. 15. Ц. 25 к.

Его же. Происхождение первобытной библейской истории. Стр. 16. Ц. 25 к.

Его же. Социальная революция. Стр. 62. Ц. 2 р. 25 к.

Керженцев, В. Как вести собрания. 2-е дополн. изд. Стр. 30. Ц. 60 к.

Его же. Революционная Ирландия. Стр. 232. Ц. 5 р.

Его же. Союзники и Россия. Стр. 80. Ц. 1 р. 80 к.

Коллонтай, А. Работница-мать. Стр. 16. Ц. 20 к.

Коммунисты Запада о Советской России. Стр. 48. Ц. 60 к.

Конколь, М. Коммуна 1871 года. Стр. 23. Ц. 25 к.

Конопницкая, М. Яктон. Рассказ. Стр. 14. Ц. 25 к.

Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Стр. 16. Ц. 20 к.

Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Стр. 31. Ц. 2 р.

Кошкарев, С. Надгробное рыдание православным в назидание. Стр. 24. Ц. 75 к.

Крандиевская, А. Охранитель. Рассказ. Стр. 36. Ц. 40 к.

Ее же. Только час. Рассказ. Стр. 30. Ц. 30 к.

Красная звезда. Стр. 7. Ц. 10 к.

Красное знамя. Стр. 3 ненум. Ц. 10 к.

Кто за их спиной. Стр. 7. Ц. 5 к.

Лафарг, П. Патриотизм буржуазии. Стр. 16. Ц. 25 к.

Его же. Поклонение золоту. Стр. 32. Ц. 60 к.

Его же. Проданный аппетит. Стр. 16. Ц. 25 к.

Левин, К. Последний русский царь Николай II. Стр. 39. Ц. 50 к.

Ленин, Н. Борьба за хлеб. Стр. 29. Ц. 50 к.

Его же. О международном положении. Стр. 14. Ц. 25 к.

Его же. Очередные задачи Советской власти. Стр. 30. Ц. 50 к.

Его же. Письмо к американским рабочим. Стр. 8. Ц. не обозн.

Либкнехт, В. Мартовские дни 1848 и 1871 г.г. Стр. 16. Ц. 25 к.

Ломов, А. Творчество буржуазного гения и посрамление коммунистов. Стр. 14. Ц. 25 к.

Лондон, Д. Железная пята. Стр. 398. Ц. 2 р. 40 к.

Его же. Красавица Ли—Ван. Стр. 102. Ц. 80 к.

Луначарский, А. Культурные задачи рабочего класса. Стр. 16. Ц. 20 к.

Львов. В. Как мы познаем природу. Стр. 22. Ц. 60 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. Стр. 48. Ц. 50 к.

Мархлевский, У. Что такое политическая экономия, и чему она учит. Стр. 31. Ц. 40 к.

Международный гимн. Стр. 3 Ц. 10 к.

Мещеряков, В. О сельско-хозяйственных коммунах. Стр. 45. Ц. 90 к.

Милютин, В. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата. (1914—1918). Стр. 111. Ц. 1 р. 50 к.

Мировая бойня и мировая революция. Стр. 23. Ц. 25 к.

Наше знамя. Стр. 7. Ц. 10 к.

Орешин, П. Красная Русь. Стр. 115. Ц. 2 р. 50 к.

Орловский, П. Возникновение рабочего класса. Стр. 16. Ц. 15 к.

Остановись, товарищ! Стр. 8. Ц. 5 к.

Павлович, М. (Мих. Вельтман). Брестский мир и условия экономического возрождения России. Стр. 87. Ц. 2 р.

Его же. Итоги мировой войны. Стр. 32. Ц 2 р. 50 к.

Его же. Мировая война и борьба за раздел Черного Континента. Стр. 109. Ц. 2 р.

Паннекук, А. Раздел добычи. Стр. 16. Ц. 15 к.

Петрович, Л. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Стр. 16. Ц. 15 к.

Письмо к Красной армии. Стр. 16. Ц. не обозн.

Плеханов, Г. Основные вопросы марксизма. Стр. 74. Ц. 1 р. 50 к.

Подвойский, Н. Красноармейская звезда. Стр. 20. Ц. 80 к.

Его же. Правда о чехо-словаках. Стр. 16. Ц. 25 к.

Познер, В. Единая трудовая школа. Стр. 15. Ц. 25 к.

Помяловский, Н. Очерки бурсы. Стр. 259. Ц. 1 р. 60 к.

По Советской России. Стр. 16. Ц. 30 к.

Похоронный марш и Смело товарищи в ногу. Стр. 20. Ц. 30 к.

Преображенский, Е. Нужна ли хлебная монополия. Стр. 15. Ц. 10 к.

Привет от Советской России! К вернувшимся на родину пленным. Стр. 8. Ц. 10 к.

Программа всеобщего обучения военному делу. Стр. 32. Ц. 60 к.

Пузыревский, М. Что нужно знать подрывнику. Стр. 35. Ц. 60 к.

Пулеметные установки. Стр. 32. Ц. 50 к.

Радек, К. О советской конституции. Стр. 22. Ц. 45 к.

Свидерский, Б. Труд и капитал. Стр. 32. Ц. 50 к.

Сосновский, Л. Весь хлеб—всему народу. Стр. 24. Ц. 40 к.

Станишевский, В. Как русский мужик потерял землю и волю. Стр. 16. Ц. 50 к.

Стеклов, Ю. Революция 1848 г. во Франции. 3-е изд. Стр. 54. Ц. 90 к.

Стрелковая инструкция для красноармейцев. Стр. 15. Ц. 15 к.

Стрельба из пулеметов. Стр. 32. Ц. 60 к.

Суматохин, М. Давайте жить коммуной! Стр. 24. Ц. 40 к.

Толстой, Л. Божеское и человеческое. Стр. 47. Ц. 50 к.

Его же. За что? Стр. 32. Ц. 35 к.

Троцкий, Л. Жан Жорес. Стр. 16. Ц. 20 к.

Его же. Красная армия. Стр. 30. Ц. 50 к.

Его же. Международное положение и Красная армия. Стр. 15+1 ненумерован. Ц. 40 к.

Его же. Организация Красной армии. Стр. 24. Ц. 50 к.

Его же. Советская власть и международный империализм. Стр. 21. Ц. 25 к.

Ульянов, В. И. (Н. Ленин). Краткая биография. Стр. 8. Ц. 5 к.

Устинов, Г. В коммуне. Стр. 32. Ц. 70 к.

Его же. Интеллигенция и октябрьский переворот. Стр. 70. Ц. 70 к.

Его же. Крушение партии левых эс-эров. Стр. 23. Ц. 30 к.

Его же. Меньшевики, правые эсэры и контр-революция. Стр. 32. Ц. 40 к.

Учитесь военному делу. 2-е изд. Стр. 7. Ц. 10 к.

Цеткина, К. Борьба за свободу и мир в России. Стр. 16. Ц. 15 к.

Чехо-словаки и контр-революция. Стр. 15. Ц. 25 к.

Чикколини, С. Происхождение современной войны. Стр. 30. Ц. 35 к.

Что такое разведка и зачем она нужна. Стр. 16. Ц. 30 к.

I. Что такое солдат красной армии. II. Помни, товарищ-красноармеец! Стр. 7. Ц. 10 к.

Шиманский, А. Сруль из Любартова. Стр. 15. Ц. 20 к.

Шлихтер, А. Гражданская война. Стр. 8. Ц. 12 к.

Штерн, И. Исторический материализм. Стр. 16. Ц. 15 к.

Его же. Теория прибавочной ценности. Стр. 16. Ц. 15.

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Стр. 87. Ц. 1 р. 20 к.

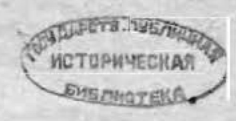
Ярославский, Е. Август Бебель. Стр. 8. Ц. 10 к.

Его же. Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Стр. 16. Ц. 15 к.

Его же. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Стр. 8. Ц. 10 к.

Его же. Отец и сын. Вильгельм и Карл Либкнехт. Стр. 8. Ц. 10 к.

Отдел I.

ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, НАУКА.

Отдел II.

ИСТОРИЯ.

Отдел III.

ЛИТЕРАТУРА.

Отдел IV.

ИСКУССТВО.

Отдел V.

НОВОЕ В ЖИЗНИ.

Отдел VI.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Обзоры.

Отзывы о книгах.

Редакционная коллегия.

Содержание следующих номеров „ВЕСТНИКА ЖИЗНИ“:

№ 5:

Михайлов, В. Карл Либкнехт. **Коллонтай, А.** Красная Роза. **Вражин, Н.** Памяти Ф. Меринга. **Луначарский, А.** Союз угнетенных классов и наций. **Милютин, В.** Социальная революция. **Кряжин, В.** Революция на Востоке. **Павлович, М.** Германский империализм. **Иоффе. А.** Германский пролетариат накануне революции. **Он же** Германская революция и русское посольство (с документами). **Фриче, В.** Революционные мотивы в немецкой поэзии. **Павлов, Б.** Австрийская социал-демократия **Арский, Р.** Германско-австрийское профессиональное движение. **Берзин, Я.** Социалистическое движение в странах Согласия. **Файнберг**. Д. Маклин. **Балабанова, А** Вожди итальянского социалистического движения. **Батурин, Н.** Империализм и демократическая республика. **Вукичевич.** Балканы и революция. **Мельничанский, Г.** Е. Дебс. **Павлов, Б.** Внешняя политика Германии и социал-демократия. Отзывы о книгах. Новые книги.

№ 6:

I. **Лебедев-Полянский, П.** А. В. Луначарский. **Стеклов, Ю.** Союзники и Россия. **Павлович, М.** Германский империализм. **Платтен.** Третий Интернационал. **Грубер.** Австрийская социал-демократия. **Гильбо, А.** Новые течения во французском социалистическом движении. **Киселев, И.** Революция и язык.

II. **Каменев, Ю.** История Коммунистической партии в России. **Батурин, Н.** Русская и германская соц.-демократия. Исторические материалы. Мировая летопись.

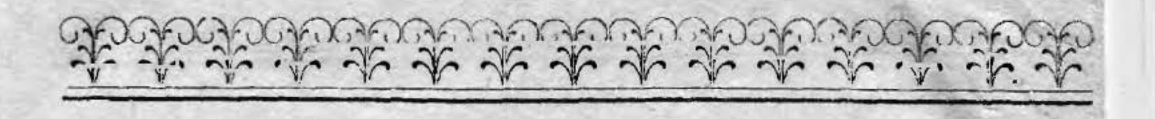
III. **Фриче, В.** Искусство трудовой коммуны. **Селиванов, В.** Футуризм. **Кампа, О.** Итальянская революционная поэзия. **Станишевский. В.** Правда о войне.

IV. **Мариасин.** Всеобщее военное обучение. **Аникст.** Рабочие Биржи Труда. **Саврасов, Л.** Тюремное дело в Советской России. **Гойхбарг, А.** Кодекс законов о труде. **Крыленко, Н.** Чрезвычайные комиссии. **Васильев.** Культурная работа в Красной Армии. **Владимиров.** Народное просвещение в провинции. **Тамарин, Б.** Бернская конференция. **Тамарин, Б.** Третий Интернационал. **Павлов, Б.** Парижская конференция. **Даманский.** Обзор литературы по социально-политической жизни.

V. **Викторов.** Общегородская конференция Пролеткульта. **Виноградская**. Культурная жизнь Московского района. **Кряжин, В.** Культурное возрождение России. **Серяков.** Самарский Пролеткульт. **Михайлов.** Обзор литературы по пролетарской культуре.

VI. **Арский, Р.** Огосударствление профессиональных союзов. **Левин.** Комитет Государственных Сооружений. **Максимов.** Переустройство сельского хозяйства. **Кураев.** Коммуны. **Ногин.** Рабочая кооперация. **Семенов.** Обзор экономической литературы. Хроника экономической жизни.

VII. **Стольников.** Обзор художественной литературы. Отзывы о книгах. Новые книги.

ВЕСТНИК ЖИЗНИ.

ИТОГИ ПОЛИТИКИ, ОБЩЕСТВЕННОСТИ, НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА.

ИЗДАНИЕ:
Издательство Всероссийского Ц. И. К. Сов. Раб., Кр., Каз. и Красноармейских Депутатов.

РЕДАКЦИЯ:
Редакционная коллегия.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
МОСКВА,
Театральная пл., 2-ой дом Советов (б. „Метрополь“), кв. 21.

ПРИЕМ ПО ДЕЛАМ РЕДАКЦИИ
ежедневно от **3** до **6** час. веч.; по делам конторы от **10** до **4** час. дня.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

„ВЕСТНИК ЖИЗНИ“

просит все газеты, журналы и издательства присылать ей все свои издания для отзыва и в обмен.

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., соб. дом.